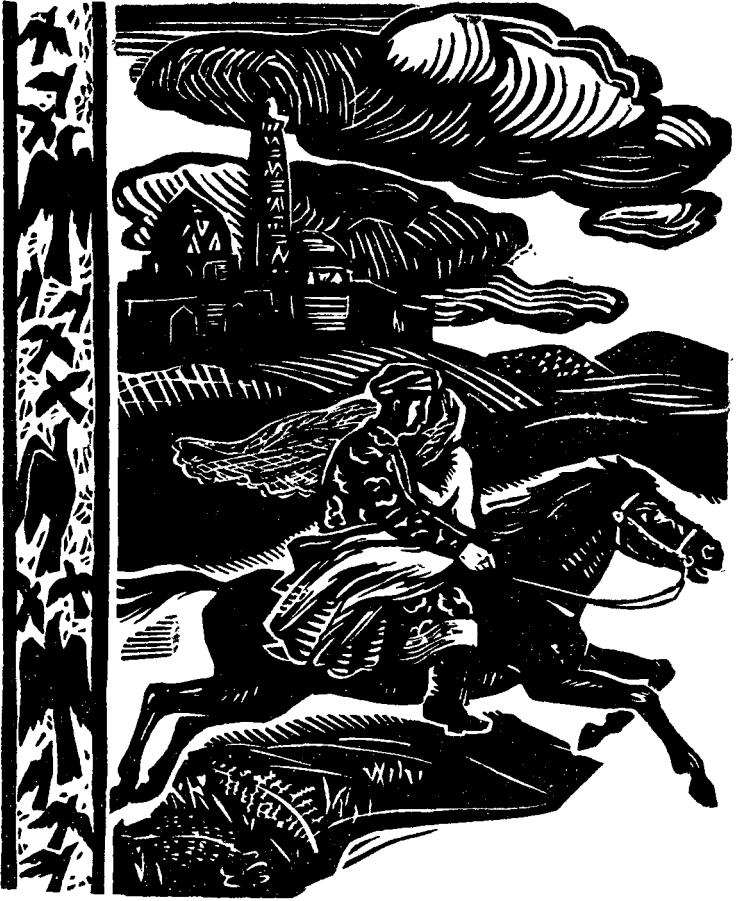

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**

А. КАДЫРИ

СКОРПИОН из АЛТАРЯ

Перевод с узбекского
Л. БАТЬ и В. СМIRНОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1964

С(Узб)
К 13

Предисловие
Л. КЛИМОВИЧА

Художники
Л. ВАСИЛЬЕВ и М. ОЛЬВЕТ

АБДУЛЛА КАДЫРИ И ЕГО РОМАН «СКОРПИОН ИЗ АЛТАРЯ»

Узбекская литература существует многие столетия, она известна замечательными мастерами художественного слова. Однако на протяжении веков в этой литературе были развиты в основном поэтические жанры; художественная проза получила широкое распространение лишь в двадцатом веке, в основном после Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей узбекскому народу путь свободного национального и социального развития.

Одним из зачинателей национальной реалистической прозы был талантливый узбекский писатель Абдулла Кадыри (Джулкунбай).

Писать Абдулла Кадыри начал до революции, но свои главные художественные произведения — исторические романы «Минувшие дни», «Скорпион из алтаря» и повесть о колхозном строительстве «Абид Кетмень» — он создал после Октября, в Советском Узбекистане.

Абдулла Кадыри родился в 1894 году на окраине Ташкента в семье разорившегося торговца Кадыр-бобо, занимавшегося виноградарством. Кадыр-бобо прожил большую жизнь (он умер в 1924 г., 102 лет), много видел и охотно делился с сыном своими богатыми жизненными наблюдениями. От Кадыра-бобо писатель услышал и «историю мирзы Анвара» — старшего письмоводителя канцелярии последнего кокандского хана — и его возлюбленной Рано, рассказ о которых лег в основу «Скорпиона из алтаря»¹.

¹ По-узбекски роман называется «Мехробдан чаён», что буквально означает: «Скорпион из михраба». Михраб — ниша в мечети, указывающая сторону, в которую обращаются лицом мусульмане во время молитвы. У михраба молится священнослужитель — имам; это почитаемое мусульманами место, по значению его можно уподобить алтарю.

Учился Абдулла Кадыри сначала в мактабе — школе при мечети, затем, до 1910 года, в так называемом русско-туземном училище, которое было открыто в Ташкенте после присоединения Средней Азии к России. Закончить училище Абдулле Кадыри не пришлось: нужда принудила его встать за прилавок в мануфактурном магазине местного бая. Продолжить учение Кадыри смог лишь спустя пять лет, когда уже начал писать и печататься. Чтобы овладеть арабским и персидским языками, он поступает в новометодное медресе — мусульманскую семинарию, в учебной программе которой отразились требования национальной буржуазии и ее идеологов-джадидов.

В 1915 году Абдулла Кадыри написал рассказ «Жувонбоз» («Распутник») и драму «Бахтсиз куёв» («Несчастный жених»), которая, судя по сохранившейся афише, в том же году была поставлена на сцене. В 1916 году в Ташкенте был опубликован рассказ Кадыри «Улокда» («На улаке») ¹. В этих произведениях, так же как и в некоторых своих стихах и статьях, молодой писатель проявляет интерес к общественным вопросам, пытается приподнять завесу, прикрывавшую жестокость и несправедливость порядков, царивших в современном ему эксплуататорском обществе. Но творческое воображение Кадыри было в то время ограничено буржуазно-националистическими представлениями; писатель не видел выхода из изображенного им «тупика». Салим и Рахима, герои пьесы «Несчастный жених», гибнут, едва вступив на жизненный путь; они не в силах преодолеть первое же серьезное препятствие, вставшее перед ними.

Слабости мировоззренческой позиции нелегко изживались писателем, хотя после победы социалистической революции он прилагает к этому немало усилий. Постепенно Абдулла Кадыри приходит к выводу, что только ленинизм может принести подлинное счастье и свободу народам Востока.

С первых лет Советской власти А. Кадыри активно участвует в периодической печати Узбекистана. В 1919—1922 годах он публикует фельетоны и рассказы в газетах «Иштирокиюн» («Коммунист») и «Кизил байрок» («Красное знамя»), в журнале «Инкилоб» («Революция») и других изданиях.

С 1923 года Абдулла Кадыри под псевдонимом «Джулкунбай» публикует рассказы и фельетоны в сатирическом журнале «Муштум» («Кулак»), одним из организаторов которого он являлся. Большую известность получил, в частности, печатавшийся здесь цикл его са-

¹ У л а к — конноспортивное состязание, участники которого вырывают друг у друга козлиную тушу. Выигравшим считается тот, кто доскачет с тушей до финиша.

тирических зарисовок и рассказов «Из памятной книжки Кальвакмахдума»¹. Используя традиции народного юмора, писатель высмеивал и бичевал представителей старого мира — кулаков, спекулянтов, туенядцев, защитников религиозного мракобесия, врагов женского раскрепощения, бюрократов и чинуш, пытавшихся приспособиться к новым условиям, насадить в советском обществе чуждые, враждебные трудящимся нравы и обычаи.

В 1919 году Кадыри начал собирать материалы к роману «Минувшие дни», события которого развертываются в период правления последнего кокандского хана Худояра. Первая часть романа была опубликована в 1922 году. В 1924—1925 годах, учась в Москве в Высшем литературно-художественном институте имени В. Я. Брюсова, Кадыри продолжает работу над этим первым в узбекской литературе реалистическим романом на историческую тему.

В 1926 году роман был завершен.

Следующий роман Кадыри «Скорпион из алтаря» (1928) тематически во многом продолжает и развивает «Минувшие дни» — не случайно «Скорпион из алтаря» снабжен подзаголовком: «Исторический роман из жизни Худояр-хана и его чиновников».

Обращение к темам из истории кокандских ханов было понятным. «Говорят,— писал Абдулла Кадыри в предисловии к роману «Минувшие дни»,— что, начиная что-либо новое, нужно оглянуться на старое, и тогда достигнешь успеха. Потому-то я и хочу рассказать о прошлом, о недавно минувших днях, самых грязных и черных днях нашей истории — о времени последних ханов».

Народ, совершивший социалистическую революцию, скинувший с престола царя и его вассалов — эмира бухарского и хана хивинского,— покончивший с эксплуататорским строем, режимом национального и социального угнетения, хотел знать правду о прошлом родной земли.

Задача, которую поставил перед собой писатель, представляла немалые трудности. Кокандское ханство было упразднено в 1876 году, и его последний хан Худояр препровожден в Оренбург; бежав оттуда, он умер в 1886 году в небольшом селении восточнее Герата, в Афганистане.

Когда Кадыри писал свои романы, еще живы были многие люди, в прошлом являвшиеся подданными Худояра, однако скольконибудь подробной и объективной истории Кокандского ханства

¹ М а х д у м — почтительное название мусульманских духовных лиц и их родственников мужского пола.

написано не было. Изданные в Казани в 1885 году «Тарихи Шахрохи» (История владетелей Ферганы) муллы Нияз-Мухаммеда и в 1886 году «Краткая история Кокандского ханства» В. П. Наливкина, а также другие исследования, в которых собраны многие важные материалы, не могли явиться достаточной опорой для задуманной Кадыри работы. К тому же авторы ряда книг и статей о Кокандском и других среднеазиатских ханствах, находясь под влиянием великодержавных, феодально-клерикальных или буржуазно-националистических взглядов, извращали историю.

Абдулла Кадыри был знаком с русской и мировой классикой. Его биограф (Ш. Турдыев) отмечает, что Кадыри с увлечением читал произведения Лермонтова, Гоголя, Л. Н. Толстого, изучал творчество Рабиндраната Тагора. «Овладение теорией литературы и ее историей, учеба у классиков — залог дальнейшего нашего роста», — писал Кадыри, откликаясь на актуальные проблемы советской литературы. Он переводит «Женитьбу» Гоголя, «Хамелеона» Чехова, редактирует переводы романов Ф. Дюшена, посвященных жизни народов Алжира, участвует в составлении «Полного русско-узбекского словаря» и т. д.

Приступая к работе над историческими романами, А. Кадыри считал, что и в этой области надо «идти новым путем». Читателям, воспитанным на традиционных сказаниях и поэмах о Тахире и Зухре, Фархаде и Ширин, Бахрам-Гуре, нужно дать «новые произведения всех видов, будь то роман, рассказ или стихи». Однако написаны эти новые сочинения должны быть так, чтобы они стали так же дороги народу, как классика.

Для узбекской литературы уже само обращение к жанру исторического романа было новаторством. Исходя из этого, А. Кадыри внимательно изучал творчество писателей-реалистов. Особенно интересовал его, по-видимому, опыт тех писателей стран Востока, которые в своем творчестве отражали процесс подъема национального самосознания родного народа, создавшего большие культурные и материальные ценности, но долго находившегося в порабощении у султанов и ханов, а затем оказавшегося под властью колонизаторов.

Видимо, именно поэтому внимание Кадыри привлекали романы крупнейшего представителя новой арабской литературы Джирджи Зейдана (1861—1914). Выдающийся арабский филолог и историк Джирджи Зейдан написал двадцать два исторических романа. Эти романы, созданные на основе арабской литературной традиции, но с учетом опыта европейского исторического романа (особенно В. Скотта), легко, живо и увлекательно излагающие многие исторические события, имели большой успех как в странах Арабского Востока, так и далеко за их пределами. В романах Джирджи Зейдана

узбекского писателя привлекала близость изображаемого быта, сходство многих обычаев и жизненных условий арабов и узбеков; не могли не найти соответствующего отклика у Кадыри и просветительские идеи маститого арабского автора. Не случайно Абдулла Кадыри говорил о романах Дж. Зейдана «Египтянка Армануса» и «Семнадцатое рамадана» как о произведениях, «вдохновляющих писать романы». Однако советский писатель вполне обоснованно возражал одному из критиков, пытавшемуся усмотреть в «Минувших днях» чуть ли не текстуальное следование за романом арабского классика.

Романы А. Кадыри — это прежде всего произведения узбекского писателя, рассказывающего о прошлом своей страны с позиции современности, советской действительности. Для А. Кадыри история Кокандского ханства, правление Худояра — не просто события XIX века, но то, от чего узбекский народ ушел, что с каждым днем для него становится все более далеким прошлым, к чему он никогда не вернется. Рассказывая о минувшем, А. Кадыри напоминал читателям об участи, от которой его народ, а вместе с ним и другие братские народы нашей страны избавились в результате победы Октября. Позиция советского писателя, таким образом, принципиально отлична от позиции его предшественников, сколь высокими идеями они бы ни вдохновлялись. Это заслуживает особого внимания, если учесть, что А. Кадыри работал над своими историческими романами в первое десятилетие Советской власти, начиная с 1919 года.

В «Скорпионе из алтаря», написанном всего несколько лет спустя после «Минувших дней», содержится уже не только критика деспотического режима Кокандского ханства в правление Худояра, но и рассказ о людях из народа, протестовавших против произвола хана и его приспешников, поднимавшихся на борьбу с ними.

Анвар, сын бедного красильщика тканей, рано осиротев, воспитывался Салих-махдумом — мусульманским духовным лицом. С помощью своего воспитателя Анвар стал письмоводителем ханской канцелярии, его ждут повышения по службе, но он отнюдь не доволен уготованной ему карьерой. «Грязная это работа,— признается он своей возлюбленной Раню.— Если бы я нашел другую службу, я вообще ушел бы из дворца... Если я стану главным в канцелярии, мне придется самому плавать в крови невинных, слушать их стоны и проклятия... Нужно точить для хана нож насилия — только тогда можно удержаться в этой должности».

Такой вывод подтверждает нарисованная А. Кадыри судьба Анвара, ненавидевшего подхалимство, не мирившегося с взяточничеством, унижением и ограблением народа. Анвар понимает, что

«хан большая скотина, он способен на любую мерзость. А вокруг него копошится всякая мелкая нечисть, всегда готовая совершить пакость». Решив разделаться с мешавшим им Анваром, ничтожные люди идут на очередную подлость — сосватанную за Анвара горячо любившую его Рано решают отдать хану Худояру, в его гарем, насчитывающий многие десятки пленниц. Анвару и Рано удается спастись от бесчестия и расправы только с помощью верных друзей — ткача Сафара, писца Султанали, брата Анвара Кобил-бая и его приятелей-ремесленников.

Моральный облик этих простых людей неизмеримо чище, человечнее, чем облик хана, представителей чиновной бюрократии и мусульманского духовенства, которых в клерикально-феодальной литературе выдавали за образцы нравственного совершенства.

Из среды высшего мусульманского духовенства вышел отец Рано Салих-махдум. Служители ислама — религии, являвшейся государственной в Кокандском ханстве, чинили по законам мусульманского законодательства — шарииата — суд и расправу, занимали многие высокие должности, держали в своих руках школу.

Салих-махдум, как и его предки, именитые духовные лица, стремится во что бы то ни стало проторить дорогу во дворец, к престолу кокандского хана. Он приходит в радостное настроение оттого, что сможет получить за дочь «большой калым» и, «если бог пошлет внука», даже стать дедом «наследника хана». То, что из-за этого будет разбито счастье дочери и воспитанника, на брак которых он ранее согласился, его нимало не беспокоит. К тому же Салих-махдум уже сумел немало получить от Анвара и приходивших к тому просителей, а как дальше сложится карьера его воспитанника, махдуму не было ясно...

Не случайно, что враги Анвара и Рано имеют на своей стороне Салих-махдума. И не простое совпадение то, что в бедах положительных героев романа «Минувшие дни» также в значительной мере повинны их отцы. Неправильно усматривать в этом прямое следование за Джирджи Зейданом, в романах которого, как правило, коварный отец встает на пути возлюбленных. Такая ситуация прежде всего отражала действительность, господство патриархально-феодальных отношений, освященных исламом.

Очень интересен образ Рано. Эта девушка красива, образованна, она наделена и другими чертами, обычными для героинь многих восточных произведений. Но поступки и убеждения Рано явно противостоят традициям старой литературы: они выражают протест против приниженности, в которой столетиями воспитывали мусуль-

манку, особенно в семьях таких духовных лиц, как Салих-махдум. Рано активно борется за свои человеческие права, за счастье, которое она не мыслит без Анвара.

Когда А. Кадыри писал роман «Скорпион из алтаря», в Узбекистане и Таджикистане проходила широкая кампания за снятие паранджи и чачвана, за упразднение затворничества, за вовлечение женщин в общественную жизнь. Во время кампании, названной «Худжум» — «Наступление», около ста тысяч узбеков и таджиков сняли и уничтожили эти безобразные, вредные ритуальные одеяния — саван живых. А. Кадыри не мог не сочувствовать движению за раскрепощение женщины Востока, и созданный им образ Рано служил этой благородной цели. Не случайно автор отметил, что «ее протест против произвола и тирании хана, вовлечение в эту борьбу растерявшегося Анвара могут служить примером даже для девушек нашего времени».

Решив спастись от готовившегося над нею насилия, уйти из дома Салих-махдума, Рано требует решительности и от Анвара: он должен отказаться от придворной должности, от образа жизни, который мог стать для него привычным.

Растерянность, слабость, проявленные Анваром в этот решающий момент его жизни, дали возможность романисту ярко оттенить волевою натуру Рано. В безысходности, обреченности, охватившей Анвара, многое, конечно, от старой книжной традиции, по которой юноша, разлучаемый с возлюбленной, как правило, изображался обезумевшим от несчастной любви страдальцем. К его отчаянию примешиваются фатализм и мистика. У Анвара это связано и с чувством уязвленного самолюбия, вполне, впрочем, понятным для воспитанника Салих-махдума... Решительность и искренняя любовь Рано, преданность друзей возвращают Анвару силы, спокойствие и находчивость, дают возможность навсегда соединиться с любимой, найдя убежище в Ташкенте, в то время уже не подвластном хану Худояру и его приспешникам.

Впечатляюще написана сцена столкновения Анвара с ханом Худояром. Последний — не главное действующее лицо романа и появляется, как правило, только в особенно ответственные моменты. Этот прием понадобился автору, по-видимому, для того, чтобы избежать излишних отклонений от исторических фактов и одновременно подчеркнуть значение выведенного им исторического лица.

Худояр, в тринадцать лет провозглашенный ханом и уже через семь лет казнивший своего регента и тестя Мусульманкула, был искишенным, хитрым политиком.

С 1845 по 1875 год он трижды, с перерывами, был кокандским ханом. События, описываемые в романе, относятся к третьему при-

ходу Худояра к власти. Жадный, черствый, он окружил себя непомерной пышностью и роскошью, тратя на это средства, выколачиваемые из населения, облагавшегося неимоверным числом податей и поборов¹.

Негодование Анвара, когда он предстал перед ханом Худояром, ожидая расправы, таким образом, исторически оправдано: его слова, полные гнева и ненависти, бьют в цель. Их высказывает человек, не рассчитывающий на снисхождение хана и придворных. Совесть Анвара чиста, и, ожидая казни, он спокойно смотрит в лицо муллы Абдуррахмана и других скорпионов, на стороне которых мерзость, подлость и ложь.

«Скорпион из алтаря», как мы уже отмечали,— один из первых исторических романов в узбекской литературе. Судьба его автора сложилась трагически, и этот роман, как и другие произведения Абдуллы Кадыри, надолго оказался изъятым из круга чтения советских людей.

За последние годы писателями Советского Узбекистана написано много новых повестей и романов. Но и теперь роман Абдуллы Кадыри не утратил ценности. Автор поднял голос против принижения человека, отстаивал свободу личности, честь и право любви,— чувства, близкие и понятные советским людям.

1

Л. Климович

¹ Даже в 1875 году, когда Худояр бежал из Коканда, где ханом был провозглашен его сын Насреддин, «при нем оказалось около 70 жен и 645 близких слуг и сарбазов», то есть воинов, телохранителей. А. Диваев, *Последние дни Худояр-хана.*— «Туркменские ведомости», 1916, № 20, стр. 2.

Скорпион из алтаря

Фархад был горд своей Ширин, Меджнун — красавицей Лейли.
Горжусь я, что цветок Рано прекрасней всех цветов земли.

(Мирза)

Безумье Кайса для Лейли несчастьем было и стыдом.
Горжусь, что разум твой, мирза, как солнце блещет и вдали! ¹

(Рано)

¹ Стихи здесь и в тексте переведены Ю. Нейман.

О СОДЕРЖАНИИ РОМАНА¹

Последний властелин Кокандского ханства, Худоярхан, предаваясь своим ненасытным страстям, жертвовал ради их удовлетворения интересами своих подданных, прежде всего дехкан и бедных кустарей. По его прихоти женщины и девушки страны становились рабынями ханского гарема, а тех, кто пытался воспротивиться этому, беспощадно карали. Вот это и составляет содержание моего романа.

Насколько это возможно в пределах небольшой книги, я описываю здесь главную опору Худояра — улемов, высшее духовенство края, их общественную и личную жизнь, медресе и семейный быт, их безнравственность, жестокосердие, крайнюю бесчеловечность. Это — отрицательные герои моего романа.

Этим черным силам противостоят люди из класса угнетенных: бедняки, поднимающие свой голос против духовенства, против ханского строя, честные труженики с их высокой моралью, добросердечностью и готовностью постоять друг за друга.

Описывая положительных героев романа, я, конечно, старался изобразить их такими, какими они были, ничего не преувеличивая и не греша против исторической правды. Их отношения к хану и к его челяди, их протест против ханской жестокости были, естественно, стихий-

¹ «О содержании романа» и главы 1—30 переведены В. Смирновой; главы 31—57 и «О последующей жизни мирзы Анвара» переведены Л. Бать.

ными; показывать это иначе, приукрашивать события было бы неправдой и уронило бы достоинство книги. Вскрывая противоречия двух классов — правящего и угнетенного, — я хотел нарисовать картину тогдашней жизни, дать исторические и этнографические приметы времени, показать ханский гарем, ханских жен и рабынь, быт узбеков, своеобразный юмор народа, его склонность к сатире, талантливость узбекских женщин, их способность к поэтическому выражению своих чувств и мыслей. Кроме того, в романе есть и многое другое, о чем нет нужды предупреждать заранее. Все это и так не ускользнет от внимания читателя.

Абдулла Қадыри (Джулкунбай)

*Ташкент,
5 февраля 1928 г.*

1. БУДУЩИЙ ХОЗЯИН РАНО

Салих-махдум нынче что-то расщедрился: из мечети зашел к мяснику, купил мяса на целую таньгу¹ и луку на восемь грошей. Придя домой, приказал двум своим ученикам, упражнявшимся в каллиграфии, оставить занятия, полить и подмести цветник при доме, а сам с покупками пошел на женскую половину.

Нигор-аим только что отпустила девочек, своих учениц, и, взяв на руки крошку сына, кормила его грудью. Рано, сидя на корточках рядом со своими двумя младшими братьями, лепившими что-то из глины, с увлечением играла с ними, не замечая, что ее длинные тонкие косички метут землю и все в пыли.

Салих-махдум с покупками в руках вошел через крытый коридор и, застав дочь в таком неподобающем виде, сказал:

— Вот так умница наша Рано! Для тебя не то что атласа, бязи на платье жалко!

Рано поднялась с земли и, застыдившись, спрятала за спину перепачканные в глине руки.

— И не совестно тебе! Сейчас же пойдй вымой руки! Я считал несмышленишами твоих братьев, а ты, оказывается, еще хуже.

Рано побежала к арыку, а Нигор-аим сказала:

— Совсем еще дитя наша Рано!

Салим-махдум, сердясь на дочь, продолжал ворчать:

— Нечего делать — читай книги, займись каллиграфией, ты как-никак не дочь гончара...

¹ Таньга — серебряная монета ~~достоинством~~ в 20 копеек.

Он положил мясо около Нигор-айм и поднялся на айван¹.

Нигор-айм не обратила внимания на его нотации. Ее сейчас больше интересовало, почему муж принес столько мяса, что заставило его раскошелиться. Правда, на кухне Нигор-айм мясо не было редкостью, порой бывали и целые туши, весом в несколько чораков², но приносил их не муж. Щедрость же махдума обычно измерялась восьмушками, и то он покупал мясо в те редкие дни, когда пятничные приношения учеников — плата за учение — оказывались больше, чем он ожидал. Нынче Нигор-айм никак не могла отнести его щедрость за счет этих приношений.

— Что-то много мяса вы купили... Анвар, что ли, велел? — спросила она.

— Нет, — сказал махдум, вешая чалму на деревянный колышек, вбитый в стену, — просто я решил приготовить манты, давно мы их не ели.

Вернулась Рано, умытая, чистенькая. Смущенно взглянув на отца, она села рядом с матерью и стала нежно ласкать крохотные ручки ребенка, сосавшего грудь Нигор-айм.

Салих-махдум снял халат и, подойдя к жене с дочерью, стал перед ними с важным видом.

— Рано, дочь моя, — сказал он наставительно, — ты уже не дитя, пора перестать ребячиться... Что сказали бы люди, если бы увидели, что ты как маленькая играешь с братишками? Слава богу, тебе уже пора самой быть хозяйкой дома... Теперь, дочь моя, ты должна взвешивать свои поступки сообразно своему возрасту!

Рано, покраснев, взглянула на мать и опять стала целовать ручонки малыша.

— Видно, до тех пор не станет взрослой наша Рано, пока не вручите ее будущему хозяину, — сказала Нигор-айм.

От этих слов Рано совсем застыдилась и спрятала лицо на груди ребенка. Салих-махдум, усмехнувшись, направился к двери.

— Встань, Рано, хватит бездельничать, — сказал он, надевая кавуши³. — Помоги матери — нарежь мясо, по-

¹ Айван — крытая терраса.

² Чорак — мера веса, в Кокандском ханстве равнялась двум килограммам.

³ Кавуши — кожаные калоши.

чисти лук. Скоро придет брат твой Анвар, приготовьте еду к предзакатной молитве.

Когда отец ушел, Рано подняла голову и посмотрела на мать с шутливым упреком. В ее взгляде не было теперь смущения, вызванного словами матери,— напротив, в нем светилась радость. Ведь в этих немногих словах, которыми только что обменялись родители, прямо говорилось о судьбе Рано — цветка, расцветшего в их саду. «Пока не вручите ее хозяину...» — эти слова Нигор-айм, может быть немножко грубоватые, говорили о том, что у Рано уже есть хозяин. И оттого, что Рано хорошо знала, кто ее хозяин, и готова была на крыльях лететь к нему навстречу, в ее глазах не было ни тревоги, ни смущения, а сияла радость. Фраза: «Скоро придет брат твой Анвар, приготовьте еду к предзакатной молитве», — для Рано была полна глубокого смысла.

2. РАБЫНЯ ЭМИРА ОМАР-ХАНА

Салих-махдум, учитель и имам, с 1230 по 1290 год хиджры¹ жил, выражаясь в стиле того времени, в «райском городе Коканде» и содержал там школу.

По происхождению Салих-махдум принадлежал к верхушке духовенства — улемам: дед его во времена Алим-хана и Омар-хана² занимал должности законоведа и судьи, отец долгие годы был преподавателем в медресе самого Мадали-хана в Коканде. Словом, предки махдума при ханах были знатными людьми, выдающимися должностными лицами. Однако эта слава предков не дотянулась до нашего Салиха-махдума, она оборвалась с казнью Мадали-хана³. Вот как это случилось.

Тем, кто знаком с историей Кокандского ханства, вероятно, известно, что Омар-хан на склоне лет полюбил

¹ 1230—1290 годы хиджры — мусульманского летоисчисления — соответствуют 1814—1873 годам н. э.

² Алим-хан и Омар-хан — кокандские ханы, первый из них правил в 1800—1809 годы, а второй — в 1809—1822.

³ Медресе Мадали-хана — высшее духовное мусульманское училище, основанное кокандским ханом Мухаммедом Али (Мадали-хан), правившим в 1822—1842 годы.

совсем юную рабыню. Так как она была несовершеннолетняя, законный брак не мог быть заключен. Омар-хан умирает, не дождавшись исполнения своих желаний, и на престол вступает его сын Мадали-хан. Проходит несколько лет, рабыня становится совершеннолетней и еще в сто раз красивей, чем прежде. И Мадали-хан, сын своего отца, тоже влюбляется в нее. Молодой хан не спускает глаз с этой девушки, выросшей во дворце, но...

Если верить историческим источникам, Мадали-хан долго горит в пламени этой страсти и изнывает от горя, ибо улемы не разрешают ему вступить в брак с любимой, которая, по их мнению, является его мачехой, то есть все равно что матерью. «Правда, ваш отец не сочетался браком с этой рабыней, но он собирался вступить с ней в брак. Поэтому она ваша мачеха, то есть почти мать, и шариа¹ не может разрешить вам стать ее супругом», — так сказали улемы.

Мадали-хан, затаив горе, постепенно начинает снимать старых улемов с высоких должностей и заменять их новыми людьми. Подготовив таким образом почву для достижения своей цели, года через два он вновь обращается к улемам, прося разрешения на брак.

И разумеется, эти новые люди, только что познавшие сладость своего высокого положения, не могут противиться желанию милостивого повелителя. «Религия признает законным только брак, совершенный по шариа¹ту,— объявляют они.— Ваш покойный отец говорил, что «хочет вступить в брак», но он не сказал, что «вступил в брак». И значит, вполне уместно и законно вам, повелителю мусульман, сочетаться браком с принадлежащей вам рабыней. Это будет даже, согласно шариа¹ту, доброе дело». Улемы дают нужную хану фетву — разрешение, и ставят подписи: «Сын покойного законоведа — такой-то», «сын покойного мударриса² — такой-то», и скрепляют их своими печатями. И тогда Мадали-хан устраивает пышную свадьбу и достигает своей цели.

Слух о необыкновенной красоте рабыни Омар-хана уже давно дошел до бухарского эмира Насруллы.

И уже давно он был заочно влюблен в красавицу и, усердно засовывая под язык насвай³, не раз ломал го-

¹ Шариа¹т — мусульманское законодательство.

² Мударрис — старший преподаватель медресе.

³ Насвай — жевательный табак.

лову, размышляя, как бы заполучить ее. Известие о жеманности на ней Мадали-хана возмутило эмира.

Полный гнева, эмир Насрулла немедленно созывает перед собой ясные очи всех своих улемов, законовладельцев, знатоков шариата и им подобных, оповещает их о возмутительном поведении Мадали-хана и требует фетву на священную войну. Святейшие, кто омыл руки, а кто и без омовения, кто разобрав, в чем дело, а кто и не поняв ничего, тотчас же составили такую фетву:

«Согласно шариату, обязанность эмира, поставленного во главе мусульман, заключается в том, чтобы он крепко стоял за религию ислама и выполнял все ее догмы. Тот, кто допустил малейшее отступление от законов религии, не может быть эмиром, повелителем народа, исповедующего ислам, и должен считаться вероотступником. Да помилует нас бог!

В настоящее время правитель Ферганской долины и Туркестана, эмир Мухаммед Али-хан женился на сопернице своей матери, на той, которую хотел взять в жены его отец, то есть женился на своей мачехе, которая по шариату приравнивается к матери, вскормившей его своей грудью. Да помилует нас бог!

Согласно священным указаниям Корана и хадисам¹ перед лицом всех досточтимых последователей ислама, в глазах уважаемых улемов Мадали-хан истинно есть вероотступник. Эмирам, стоящим во главе верующих, и каждому мусульманину вменяется в обязанность убивать поганых вероотступников».

Эмир Насрулла отнесся в этой фетве «беспристрастно и объективно» и тут же на правах «поборника веры» со всем своим войском пошел походом на Фергану.

Как сражалось Кокандское ханство против правоверного эмира Насруллы, сколько при этом было снесено голов с той и другой стороны, нас в данном случае не интересует. Нам важно только отметить, что Мадали-хан потерпел поражение и был казнен эмиром Насруллой.

¹ Имеются в виду почитаемые аяты (стихи) Корана и хадисы, т. е. рассказы мусульманского предания, из которых исходят законоположения ислама.

Кокандское духовенство, выдавшее разрешение на брак Мадали-хану, было жестоко наказано, многие лишены духовного звания, кое-кто спасся бегством. А эмир Батыр-хан назначил правителем Ферганы своего человека и, забрав красавицу рабыню, как победитель торжественно вернулся в Бухару.

Так случилось, что отец нашего Салиха-махдума был одним из тех, кто писал фетву Мадали-хану и был лишен духовного звания эмиром Насруллой. Он недолго жил после этого, умер вскоре, и на том кончилась слава и все привилегии их семьи, потому что с тех пор правители Ферганы были ставленниками эмира бухарского, и все духовенство, прежде служившее Мадали-хану, оказалось в опале.

3. ЖЕНИТЬБА МАХДУМА. САЛИХ-МАХДУМ ОТКРЫВАЕТ ШКОЛУ

Салиху-махдumu было двадцать лет, и он еще учился в медресе, когда умер его отец. Старший брат его со своей семьей переехал в Маргелан и сделался там имамом. Салих-махдум с матерью и шестнадцатилетней сестрой Наимой остался в Коканде. Никаких доходов у них не было, семья терпела нужду, и Салиху пришлось бросить учебу и искать какую-нибудь работу.

На тяжелую черную работу он не годился, а для того, чтобы занять место имама, был слишком молод — борода еще не выросла. По совету родных и соседей Салих решил открыть школу у себя на дому, собрав с десятков учеников из ближайших кварталов. Это удалось сделать с большим трудом, но зато, став учителем, Салих принялся за дело с усердием, как говорится, засучив рукава. Первые годы особых доходов школа не приносила, ибо количество учеников не превышало пятнадцати — двадцати человек, и их пятничных приношений в виде продуктов и денег едва хватало на пропитание семьи. Но других источников заработка у махдума и его близких не было, и приходилось довольствоваться этими приношениями.

Когда юноше исполняется двадцать лет, а девушке

пятнадцать, то главная забота их матери — поиски невесты и жениха. Для Мохлар-аим, матери Салиха, эта забота была как рана, посыпаемая солью: сыну ее перевалило за двадцать, дочери исполнилось восемнадцать — значит, нужны были и жених и невеста.

Судьба дочери ее не так беспокоила — Наима была красива, хорошо воспитана, трудолюбива: кто-нибудь да женится на ней — не бек, так из рода беков, не мударрис, так мукаррир¹.

Труднее было с махдумом. Заработок его был невелик, в наследство от отца ему достался дом, — только и всего. Если Мохлар-аим не женит его, пока жива, — без нее как он женится? Мохлар-аим решила уладить дело с помощью Наимы, то есть выдать Наиму замуж в такую семью, где можно было бы найти и невесту Салиху. Такой обычай «перекрестного сватовства» существует издавна, но дело это сложное. Надо было найти такую семью, которая была бы им ровней по происхождению и где были бы и сын и дочь, да притом невеста была бы хороша собой. На поиски ушло целых два года, и все без толку. Наконец уже на третий год хлопоты Мохлар-аим увенчались успехом.

В семье одного, теперь уже умершего, мирзы² из ханского дворца был сын, учившийся в медресе, и шестнадцатилетняя дочь, сидевшая дома и от безделья жевавшая серу. Предложение Мохлар-аим было встречено в этой семье с радостью. Недаром говорится: людей сближает общая забота. Свахам сына мирзы понравилась Наима, и они приняли предложение Мохлар-аим. Та в свою очередь отправилась в дом покойного мирзы на смотрины невесты и, вернувшись, сказала Салиху: «А девушка-то пригожая». Смотрины женихов тоже удовлетворили обе стороны. Договорились: ни с той, ни с другой стороны никакого калыма, каждая семья устроит угощение, и, снарядив невест кто как может, разведут их по домам. Обе свадьбы справили на той же неделе. Наима-ханум ушла туда, Нигорханум пришла сюда. Вот так Салих-махдум и стал женатым.

¹ Мукаррир — репетитор, младший преподаватель медресе.

² Мирза — здесь: секретарь, письмоводитель, писец.

На третий год существования школы Салиха-махдума дела его поправились,— теперь у него было уже до сорока учеников. Когда же Салих-махдум достиг тридцатилетнего возраста, школа его славилась во всей округе и число учеников возросло до ста. Михманхана¹ его стала уже тесна для занятий, и он выстроил отдельное помещение для школы. Там были классы для уроков грамматики и каллиграфии. Салих-махдум привлек к работе и Нигор-ханум. Немного подучив жену, он сделал из Нигор-ханум учительницу — «отин-биби». Девочки из ближайших кварталов приходили к ней учиться. Благодаря своей школе Салих-махдум завоевал уважение в городе, привел в порядок свое хозяйство, увеличил достаток в доме. В сорок лет он стал имамом в мечети своего квартала, еще больше расширил школу, и имя муллы Салиха-махдума стало известным в городе. Его бывшие ученики, ставшие кустарями, торговцами, студентами медресе, выказывали ему уважение и приумножали его славу.

Некоторые из них даже удостоились чести быть принятыми на работу во дворец хана, но об этом вы узнаете в следующих главах.

4. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА САЛИХА-МАХДУМА

 читателю уже более или менее известно, что хотя доходы махдума за двадцать лет нельзя сравнить с богатством какого-нибудь бека, правителя города или кишлака, все же он зарабатывал неплохо, во всяком случае, больше любого учителя медресе, хотя тот получает еще прибыль и от вакфа². Несмотря на хороший заработок, в характере Салиха-махдума развились черты, которые при самом добром к нему отношении никак нельзя похвалить: нечто напоминающее корыстолюбие, жадность и что-то вроде зависти.

¹ М и х м а н х а н а — комната для гостей, приемная.

² В а к ф (вакуф) — движимое и недвижимое имущество, подаренное мусульманским религиозным учреждениям. Все вакуфное имущество освобождалось от государственных сборов.

В молодости, после смерти отца, он жил в тяжелых условиях,— может быть, потому и выработались в нем эти непривлекательные черты; но цель наша не анализировать характер махдума, а нарисовать читателю его образ таким, какой он есть, воздержавшись от пристрастных суждений. Что есть, то есть — луну полой не прикроешь — махдум был скуповат. В те времена, когда заработки у него были плохие, это еще можно было как-то оправдать; но, к сожалению, и впоследствии, когда Салих-махдум уже ни в чем не нуждался, скарденность оставалась его отличительной чертой. Одежда его была всегда в заплатах. Вот уже семь лет, как он носит один и тот же стеганый халат — каждый год на нем лишь меняются рукава да нашиваются новые заплаты. Четыре года назад, всего лишь раз за все свое существование, да и то без ведома махдума, по настоянию Нигор-аим, этот халат выкупался в корыте. Нынче халат собирается вступить в свою восьмую зиму, а пока что, весь в разноцветных заплатах, лежит в узле и набирается сил, чтобы с осени вновь служить своему хозяину. Соседи-шутники прозвали этот халат «добытчиком богатства». Как только махдум появлялся в своем халате, за его спиной слышался смех, раздавались шутки: «А! «добытчик богатства» вернулся с базара! Ну что ж, он еще крепкий. Лет десять послужит, только заплатки нашивай!» Много развлечений доставляли обитателям квартала, где жил махдум, и его ичиги, голенища которых от многократной смены головок обвисли гармошкой и были лишь на ладонь выше щиколотки, а также тяжеленные кавуши и старая бязевая чалма, обтрепанные концы которой давно уже свисают бахромой. Впрочем, у махдума были и праздничный шелковый халат, и полущелковая ватная поддевка, одеваемая под халат в холодные дни. Местные остряки звали этот праздничный халат «крайней нуждой», а поддевке еще не успели дать имя, так как она появилась на свет божий совсем недавно — лет пять назад. Чтобы быть последовательным до конца, опишем кстати и летнюю одежду махдума: легкий халат из бязи в красную полоску, рубаха из белой бязи — очень широкая, ибо узкая скоро порвется, — такие же штаны и легкие кавуши на босу ногу. А чалма всегда одна и та же — зимой и летом.

Б. В СЕМЬЕ И С ЛЮДЬМИ

Махдум и в семье своей был скуп. Не только в одежде, даже в пище он требовал воздержания и следил за этим неусыпно. Не чаще одного раза в месяц позволял он стирать белье, а если замечал, что Нигор-аим затеяла стирку раньше срока, то устраивал скандал, крича, что она «гноит белье» в корыте. Плов ели только раз в две недели (кроме дней, когда ученики приносили его как плату за учение); обычно же варили лапшу, маставу¹, суп с поджаркой. Мясо попадало в котел Нигор-аим, только когда готовили плов, да и то куски были, как говорится, легче воздуха.

Зато махдум заваливал кухню репой, тыквой, свеклой. Как ни противилась жена, он мешками закупал репу, приговаривая, что молитвам святой Фатимы-Зухры обязаны мы тем, что репа растет на земле; что касается тыквы, то она одно из чудес пророка Юнуса. Конечно, махдум говорил так потому, что репа и тыква — самые дешевые овощи. Раза два в неделю он заставлял жену печь пирожки с тыквой и при этом не уставал повторять: «Салма клади поменьше, от него теряет вкус тыква». Лепешек дома не пекли и на базаре не покупали, ибо приносимых учениками хватало с избытком, часть их даже приходилось сбывать на базаре.

С учениками махдум обращался хорошо: он мог сколько угодно кричать и браниться, если не приготовили уроков или шалили в классе, но никогда не бил детей, чем и прославился среди кокандской детворы. Зато, когда дело касалось пятничных приношений, он никому не давал спуска; от детей богатых он добивался полностью всего, что положено, с детей бедняков тоже старался урвать побольше. По установившейся традиции, ученик, закончив изучение священных книг — Хафтьяка², Корана, сочинений Суфи-Аллаяра³, — должен был что-нибудь принести учителю, а по окончании школы следовало пригласить махдума на угощение и преподнести ему новую одежду. Но надо сказать, что лишь немногие

¹ М а с т а в а — рисовый суп с мясом, заправленный локом.

² Х а ф т ь я к — избранная часть Корана, служ

³ С у ф и - А л л а я р — среднеазиатский мист

выполняли свой долг, чаще всего ученики отделялись обещаниями, а потом забывали о них, чем очень обижали своего наставника.

Кроме основной платы за учение — пятничных приношений, которые ученики обязаны были доставлять по четвергам, — полагались добавочные взносы: принимаясь за тот раздел Корана, который называется «кулье», ученик должен был принести олады; приступая к разделу «амма», несли богирсак;¹ перед «ясином» — блинчатый пирог. Кроме того, каждый год ученик должен был оплачивать стоимость камышовой циновки, на которой сидел, и раз в месяц платить за веник, которым подметали класс.

Махдум всячески старался привлечь в свою школу побольше учеников, особенно сыновей баев и беков. Если сын какого-нибудь бая или высокопоставленного лица учился у другого учителя, махдум зазывал ребенка к себе, проверял его знания и, если тот не мог хорошо ответить, говорил: «Вы не виноваты, сын мой, у вас плохой учитель. Но я к вам хорошо отношусь, вы можете приходиться на уроки и в нашу школу». Конечно, с той поры ребенок разочаровывался в своем учителе и через некоторое время переходил в школу Салиха-махдума. С учениками из отдаленных школ он заводил подобные разговоры даже на улице. С баями и знатными людьми, у которых были дети, махдум почтительно и скромно раскланивался при встречах, даже если не был знаком с ними. Когда же случалось заговаривать с ними, расспрашивал, сколько те имеют сыновей, нет ли у них стремления к учению, вскользь упоминал о своих особых методах, которые облегчают детям усвоение необходимых знаний. Нельзя сказать, чтобы такие приемы махдума не имели успеха, школа его постоянно пополнялась новыми учениками.

Махдум ненавидел других учителей, которые, подобно ему, содержали школы, в сердце его всегда жила глубокая обида на конкурентов. При всяком удобном случае Салих-махдум говорил про любого из них: «Какой это учитель! Только отнимает время у детей, толку от его уроков никакого... Недавно несколько его учеников

¹ Богирсак — маленькие пончики из сдобного теста.

приходили ко мне жаловаться... Моя школа переполнена, вы знаете, но нельзя же, чтобы страдали дети,— пришлось принять их...» Слушатели, конечно, не подозревали истинных причин, которые побуждали его говорить так, а он пользовался любым случаем, чтобы бросить тень на соперника.

У махдума была благообразная внешность: высокий, худощавый, белолицый, с небольшой бородкой. Лет ему было за пятьдесят, в волосах и бороде уже проглядывала седина. Разговаривая с людьми, особенно удивляясь чему-нибудь, Салих-махдум зажимал в руке свою рендюку, но ровную бородку и слегка прищуривал правый глаз; часто в разговоре он произносил «хабба» — слово, значение которого было известно только ему самому, а собеседники и не спрашивали, что оно значит. Вероятно, это было что-то вроде восклицания «хабба-ха-бали!» или «ха-баракалла!», в смысле: «Вот здорово! Молодец!» — чаще всего махдум повторял это, когда был чем-нибудь доволен или обрадован.

Вот мы и заполнили несколько страниц характеристикой махдума, даже позлословили на его счет. И дальше нам придется высказать немало неместного об этом человеке. Но мы спокойны, потому что ничего не выдумали, написали только то, что говорили о махдуме люди, и дальше так будем продолжать писать. Но одно мы можем сказать о нем такое, что искупает многие его недостатки: как бы там ни было, махдум был учителем, передовым человеком своего времени. Благодаря его стараниям многие кокандцы стали грамотными людьми. Он даже воспитал некоторых людей, которым суждено было занять высокие посты.

6. НИГОР-ХАНУМ

 игор-ханум не была счастлива в замужестве. Сначала бедность мужа, а после, когда он разбогател, его скупость заставили ее проливать немало слез. Но недаром говорится: «Голова женщины — краеугольный камень в доме», — на ней все держится... Ей было сорок лет, из них двадцать пять она промучилась со своим скупым мужем. Она бы-

ла матью четырех детей — семнадцатилетней Рано, восьмилетнего Махмуда, шестилетнего Мансура и маленького Масуда, который пока лежал в колыбели. Между Рано и Махмудом у нее были еще двое детей, которых она похоронила.

По сравнению с другими кокандскими женщинами Нигор-ханум оказалась на редкость терпеливой и выносливой женой. Уж кажется, нет на свете матери, которая не была бы готова все простить сыну, однако Мохлар-аим, мать Салиха, не выдержала его скупости, переехала в Маргелан к старшему сыну. Там и умерла. А Нигор-ханум жила стиснув зубы, жила надеждой: «От мужа я ничего хорошего не видела в жизни, так, может быть, хоть дети — дочь моя и сыновья мои — вознаградят меня когда-нибудь за мое терпение». И в самом деле, Рано уже теперь скрашивала жизнь матери, и Нигор-аим наконец поверила, что если пятнадцать ночей в месяц темны и безлунны, то другие пятнадцать могут быть светлыми и ясными.

У бедных людей случается, когда нужда совсем оседлает, какой-нибудь сапожник или поденщик бранит и бьет свою жену, пинает ее ногами. Но стоит тому же сапожнику поесть досыта, если дела у него пойдут хорошо, — отношения мгновенно меняются: супруги мирно беседуют, муж ласково гладит жену по спине, вместо ругани и побоев — между ними мир и любовь. Жена забыла вчерашние побои, вместо упреков — сплошная преданность. «Юсуф и Зулейха!»¹ — скажете вы, глядя на них.

Если же мы заглянем в семьи высшего круга, то увидим совсем иную картину. Все сыты, ни в чем нет недостатка, жизнь, казалось бы, им улыбается, но семейные драмы здесь бывают гораздо чаще, они глубже и сильнее, потому что это не временные вспышки, а разногласия, причины которых отыскать труднее. Сапожнику туманит глаза гнев на неустройство жизни — и он срывает зло на жене. Баям вроде бы не на что жаловаться, у них есть все, что они пожелают, — почему же в богатых семьях постоянные скандалы и по-

¹ Юсуф и Зулейха — легендарные возлюбленные.

чему баи обращаются со своими домашними, как с собаками?

Все помыслы нашего махдума были направлены на то, чтобы удвоить каждую полученную денежку. Он существовал не для того, чтобы хорошо жить, а для того, чтобы копить богатство, жил, чтобы приумножить свое имущество. Он не бил свою жену Нигор-ханум, но он ее так притеснял, что это было в пять раз больше побоев. Махдум скопил уже свыше двухсот золотых — о них речь впереди,— у него было два сундука одежды, полученной от учеников в подарок по случаю окончания школы, но он не только не тратил ни гроша из накопленных денег, не только не давал домашним ничего из подаренного платья, но, как мы знаем, и сам ничем не пользовался, и все-таки даже это можно бы еще как-то простить! Но у Нигор-аим у самой постоянно учились двадцать, а то и тридцать девочек, и весь свой заработок, все, что ей полагалось получить от своих учениц, она должна была отдавать уважаемому супругу. Она не распоряжалась своими деньгами и должна была отчитываться перед мужем в каждой копейке. За это он покупал ей раз в год платье и шаровары из самой грубой бязи. Что же касается ватного халата и летнего камзола, она получала их раз в пять-шесть лет.

Нигор-аим была невысокая женщина с миндалевидными карими глазами, с красноватым цветом лица. Если бы не следы оспы на лице, она могла бы показаться даже красивой. Она была очень мягка в обращении с детьми — и со своими, и с ученицами, только если уж очень рассердится, сдвинет брови и скажет: «А, что тебе засохнуть!» Учениц своих она не притесняла, как махдум, из-за пятничных приношений, но за эту мягкость ее притеснял муж. Она была молчалива, не болтала зря, не смотрела на других женщин свысока, как иные учительницы; обращалась со всеми просто. И женщины, которые любили позлословить о махдуме и посмеяться над его привычками, никогда не сплетничали о Нигор-ханум, говорили о ней в глаза и за глаза одинаково с уважением и жалели, что она вынуждена покоряться такому скряге. «Видно, уж так ей на роду написано», — говорили о ней.

7. РАНО

Внешность человека редко соответствует его имени. Я понял это в пору моей заносчивой юности, когда особенно ищешь во всем красоты. Однажды — не то у нас дома, не то еще где-то, хорошо не помню, — зашел разговор о девушке по имени Лола¹, об ее способностях к рукоделию. Собеседники были мне людьми близкими, я считал неудобным расспрашивать о девушке, но вопрос — красива ли она — был для меня гораздо важнее ее рукодельного искусства. Мне казалось, что именем «Лола» мог называться только ангел. Лола, думалось мне, должна быть и красива, как тюльпан. И я решил во что бы то ни стало увидеть ее. Увидеть лицо взрослой девушки и в наши дни дело нелегкое, а лет десять назад было еще труднее. Как говорится, «горя в огне ожидания», я бродил по улицам в надежде случайно встретить Лолу. И наконец я увидел ее, когда она шла с кувшином за водой.

Если не считать сережки в носу, ничего красивого у нее в лице не было. Я не поверил своим глазам и спросил мальчишку, стоявшего рядом, как зовут девушку.

— Это Лола-апа, — сказал он.

А мне послышалось «Мола-апа»², — право, ей это больше подходило бы.

Несколько дней я искренне негодовал. В юности можно досадовать и по такому поводу...

А вот имя Рано вполне соответствовало ее красоте. Я не художник. Но если бы я был им, я не стал бы вам описывать ее наружность, а просто нарисовал бы ее — для этого понадобился бы только сок из цветка шиповника.

Салиха-махдума нельзя считать хорошим человеком, он корыстолюбец, скряга, но природа щедра: среди шипов распускается роза, ядовитая пчела собирает сладкий мед. И вот на кусте, усеянном колючками, расцвел чудесный цветок — Рано³.

Для нас, узбеков, особенно для кокандцев, характерен особый, слегка желтоватый цвет лица. Но это совсем не та желтизна, которая является признаком болезни.

¹ Лола — тюльпан.

² Мола — борона, апа — дословно: сестра, уважительное обращение к старшей по возрасту женщине, прибавляется к имени собственному.

³ Рано — цветок шиповника.

Все оттенки шафрана грубы для того, чтобы изобразить особенность этого цвета кожи. Пожалуй, больше всего лицо этой красивой девушки и было похоже на бледно-желтый цветок шиповника. Даже пушок на лице Рано золотистый. Волосы Рано, иссиня-черные в тени, на солнце тоже излучают теплый золотой отблеск. Этот отблеск появляется и в ее глазах, когда она пристально смотрит на вас. Черный цвет их тогда смягчается, и в них зажигается огонек. Ресницы ее так густы, что глаза кажутся подведенными сурьмой. Брови ее как два клинка, соединенные легкой линией над изящной формы носиком. Над губами, каждую минуту готовыми раскрыться в улыбке, темнеет легкий пушок. Лицо ее не овальное, но и не круглое, как луна. Когда она смеялась, то на щеках, румяных, как яблоки, появлялись ямочки, и вся она казалась похожей на цветущий шиповник. Ее густые волосы рассыпались по спине и плечам бесчисленными косичками. Покрытые хной ногти на ее нежных пальчиках — как лепестки цветов. Словом, это была красавица, достойная того, чтобы ее воспевали в песнях не только в Коканде, но и по всей Фергане.

Рано — первенец Нигор-аим, в этом году ей исполняется семнадцать лет. Она училась у своего отца и четырнадцати лет закончила программу начальной школы. Она изучила священные книги — Хафтьяк, Коран, «Чахар-китаб», сочинения Суфи-Аллаяра, «Маслаки Муттакин», по литературе — все произведения Навои, «Диван» и «Лейли и Меджнун» Физули, Амири, Фазли, а также произведения крупных чагатайско-узбекских поэтов; на персидском языке она прочла книги ходжи Хафиза Ширази и Мирзы Бедия; кроме того, занималась каллиграфией, изучала грамматику. Теперь она помогает матери заниматься с ученицами и продолжает брать у отца уроки арабской грамматики, изучает «Гулистан» шейха Саади¹, а также составляет для себя сборник стихов

¹ «Чахар-китаб» — «Четверокнижие» — книга, излагающая основные положения ислама и его обрядовые установления. Учебное пособие мусульманской школы. «Маслаки Муттакин» — мусульманское богословское сочинение — «Опора принципов». Навои (1441—1501) — великий узбекский поэт и мыслитель. Физули (около 1485—1556 гг.) — выдающийся азербайджанский поэт. Амири — узбекский поэт первой половины XV века. Фазли — узбекский поэт, живший в Коканде в начале XIX в., автор популяр-

любимых узбекских поэтов. Иногда она сама сочиняет стихи, но это ее тайна. Если стихотворение нравится ей, она показывает его одному человеку, и человек этот верный, никому не выдаст ее тайны.

Вы уже видели красоту Рано, ее поэтический облик. Теперь отметим ее острый ум, образованность, нравственные качества. Надо признать, что такие девушки редко встречались даже во времена ханов. Но при всей ее серьезности она сохранила детскую непосредственность, во всех играх своих младших братьев она участвовала как равная. За спиной матери она могла из-за пустяков поссориться с ученицами. Вдруг она бросала занятия и убегала, обидевшись, например, на то, что девочки не приготовили урока. Правда, мать ее не бранила за это, зато от отца ей приходилось выслушивать немало наставлений. Она не очень любила отца — и не потому, что он донимал ее нравоучениями, но из-за матери: она понимала, как мучает ее отцовская скупость. Когда Рано сердилась на отца, она совершенно серьезно говорила матери: «Вы сами виноваты во всем,— если бы вы вышли замуж за другого человека, мы теперь не мучились бы». Конечно, такими упреками Рано способна была только рассмешить огорченную женщину.

Однажды в сердитую минуту она написала сатирические стихи про отца и показала их своему другу, который много смеялся. Для того, чтобы позабавить и вас, мы приведем здесь несколько строк.

...Коль прольется масло в лужу,— выпьет лужу господин.
На базаре покупает что похуже господин.
— Серьги мне нужны, а также ожерелье — для Рано,—
Скажет мать, и кулаками машет тут же господин...
— Надевать сережки вредно! Уши можно оттянуть! —
Криком скупость прикрывает неуклюже господин.

На этом пока мы оставим наших героев.

Если читателю покажется, что их внешний облик еще недорисован и характеры неясны, то, надеюсь, в дальнейшем повествовании они раскроются глубже и яснее.

ных лирических произведений. Ходжа Хафиз Ширази (Хафиз) — гений персидской лирики (1300—1389). Мирза Бедиль (1644—1720) — выдающийся поэт, живший в Индии. Шейх Саад (Саади) (около 1184—1291 гг.) — великий персидский поэт, автор поэмы «Гулистан» («Розовый сад») и других произведений.

8. ПЕКТО ИЗ ДВОРЦА

садьба махдума состояла из трех частей. В помещении, фасадом выходявшем на улицу, были михманхана и классные комнаты. За этой «мужской половиной» дома находился квадратный сад, величиной с полтанапа¹, там росли фруктовые деревья — персики, яблоки, инжир и несколько старых виноградных лоз.

Сад был хорошо возделан, ни одна пядь земли не пропадала даром, потому что махдум широко пользовался услугами своих учеников. Посреди сада, где виноградные лозы образовали навес, было устроено широкое глинобитное возвышение — супа — в полтора аршина высотой. Вокруг нее были посажены цветы, и аромат их, особенно райхона, наполнял сад. Из дома в сад вели две дорожки — одна к супе, другая на женскую половину.

Середина августа. Плоды в саду наливаются и зреют, гроздья винограда — черного хусайни — словно налиты медом. Дорожки политы, супа покрыта, правда, не ковром, но все же узорчатой кошмой, на которой с трех сторон разложены мягкие тюфячки — курпачи.

Отнеся на женскую половину мясо, махдум пошел в класс и часа два занимался с учениками каллиграфией. Одному из учеников, написавшему удовлетворительно трудное слово «абджад», он, по обычаю, связал крест-накрест руки и отправил домой. Как и полагалось, ученик скоро вернулся с подарком для учителя. На этом закончились занятия, и махдум отпустил учеников.

Едва только махдум вышел из школьного помещения, чтобы идти в ичкари², как в воротах появился человек в одежде, какую носили служащие дворцовой канцелярии. С улыбкой поклонившись махдumu, незнакомец направился к нему. Махдум впервые видел этого человека, судя по одежде — придворного. После взаимных приветствий они поздоровались за руку. Считая неудобным сразу спросить гостя, зачем он пожаловал, махдум засуетился, пригласил его в дом. Гость не заставил себя

¹ Т а н а п — мера площади, в Коканде равная одной шестой десятины.

² И ч к а р и — женская половина дома.

упрашивать и вошел вслед за хозяином в михманхану. Сели. Помолились. Гость из дворца, улыбаясь, посмотрел на махдума и уселся поудобнее.

— Если я не ошибаюсь, вы, почтеннейший, являетесь учителем мирзы Анвара?

— Да, я, ваш покорный слуга.

— Здоровы ли вы и ваши домочадцы?

— Слава богу!

Гость из дворца, столь неожиданно оказавший махдumu честь своим посещением, был высокий брюнет, лет сорока, с длинной черной бородой, в серебристой чалме, конец которой был сбоку спущен на плечо.

— Ваш покорный слуга,— сказал человек из дворца,— работает вместе с мирзой Анваром в дворцовой канцелярии. Может быть, вы слышали обо мне,— меня зовут Султанали.

— Да, да! — улыбнулся махдум.— Я слышал о вас от Анвара. Он мне рассказывал кое-что о вашей милости. Чем же я заслужил, что бог направил ко мне ваши стопы? Я чрезвычайно рад вашему приходу в мой бедный дом!

— Я допустил невежливость, явившись незванным в эту священную обитель,— сказал Султанали.— Причина такого поступка — моя любовь к мирзе Анвару.

Слова Султанали до некоторой степени объяснили махдumu цель его визита, лицо махдума выразило блаженство.

— Хорошо, хорошо! — сказал махдум, шурясь от удовольствия.— Могу я узнать, назначен ли новый правитель дворцовой канцелярии взамен умершего муллы Мухаммеда Раджаба? Я не успел поговорить об этом с Анваром.

— Пока еще никто не назначен, но думаем, что завтра-послезавтра будет назначен.

— Очень хорошо! Вероятно, есть уже и кандидаты?

— Есть,— сказал Султанали.— Его величеству были представлены несколько кандидатов: поэт Мадхий, муфтий мулла Шаходат и еще кое-кто. Наверное, вы слышали, что хотя мирза Анвар еще не дал согласия, но некоторые служащие канцелярии представили его величеству хану кандидатуру вашего ученика. И мы, уповая на милость божию, думаем, что грамота достанется мирзе Анвару.

Махдум зажал в руке бороду и поднял глаза к потолку,— он растерялся, не знал, что и сказать.

— Я слышал, что некоторые благородные люди отдают предпочтение Анвару,— выговорил наконец махдум, полный признательности,— и меня, бедного, смущает одно: сумеет ли Анвар справиться с такой должностью, если получит грамоту? Мне, ничтожному бедняку, кажется, что должность правителя канцелярии, особенно дворцовой канцелярии его величества хана, слишком сложна и едва ли будет по силам Анвару.

Султанали улыбнулся.

— Ваше суждение о должности правителя канцелярии при дворце совершенно справедливо, но верно и то, что Анвар справится с этим делом. Способности Анвара известны вашему покорному слуге не меньше, чем вам, его учителю. Будьте спокойны на этот счет.

— Да, я немало труда положил, воспитывая Анвара,— сказал махдум самодовольно.— С малых лет он рос и воспитывался у меня в доме, под моим руководством. Среди сотен, а может быть, и тысяч учеников, получивших у меня образование, больше всего усердия и любви я отдал этому юноше. Поэтому, я думаю, нет ничего удивительного в том, что его способности получили должное развитие... Я высказал опасения лишь потому, что, несмотря на свои таланты и высокоразвитый ум, Анвар еще молод и у него нет достаточного опыта.

— Цветник мудрости и знания Имам Азам¹, царство ему небесное,— сказал Султанали,— в двенадцать лет уже учил людей и начал писать книгу по богословию. Это чудо вам известно, конечно. Следовательно, молодость не препятствие. Вот ум и знания действительно необходимы. Например, ваш покорный слуга знает свод законов,— почти десять лет я работаю писарем во дворце и в своей профессии приобрел немалый опыт. Но если говорить откровенно, я должен признать, что кое в чем уступаю вашему ученику Анвару. Что касается, например, правки и составления бумаг, а также и «фарои-за» — раздела математики, тут я бываю вынужден прибегать к помощи Анвара, хотя вдвое его старше. Возможно, конечно, что он сведущ во многом другом, что известно мне. Но не только я, сам Мухаммед Раджаб, покойный правитель канцелярии, не раз отмечал его спо-

¹ И м а м А з а м — то есть Величайший имам; под этим прозвищем известен мусульманский богослов и законовед Абу-Ханифа (умер в 767 г.).

собности. «Удивительный юноша!» — говорил он. Я не пристрастен к мирзе Анвару, я рассуждаю так: «Чем служить под началом какого-нибудь злого и вредного человека, лучше попасть в руки человеку благородному». К сожалению, мирза Анвар противится нам, выдвинувшим его кандидатуру, сердится на нас. Говорят, он даже собирается уведомить хана, что его имя попало в список по ошибке, что он не может справиться с такой должностью и просит извинить его. Мы не понимаем, почему он отказывается. Вот поэтому-то, хоть это, может, и назойливо с моей стороны, я пришел к вашей милости с просьбой от себя и от моих товарищей. Вы заменили Анвару отца, вы были его учителем. Мы думаем, что, если бы вы уговорили его, посоветовали ему принять назначение, он согласился бы.

— Хабба! — сказал обрадованно махдум. — Я с ним не говорил еще об этом. Теперь поговорю. Бог даст, он согласится.

— Дай бог вам здоровья, господин!

Махдум ухватил рукой бороду и сощурил глаз.

— Нынче во время полуденной молитвы, — сказал он, — прихожане спрашивали у меня: «Правда ли, что ваш сын Анвар будет назначен правителем ханской канцелярии?..» Видно, слух об этом уже распространился по городу?

— Возможно! — улыбнулся Султанали. И, помедлив, сказал доверительно: — Мы — несколько человек из дворца — обратились к мулле Мухаммеду-Ниязу, главному визирю, и к супруге хана Огоче-аим, просили за Анвара. Мы не сомневаемся в том, что мирза Анвар будет назначен правителем дворцовой канцелярии. Самое главное — уговорить его.

— Но вы и так предприняли многое, — сказал махдум, чрезвычайно обрадованный. — Очень хорошо, что вы сделали посредниками в этом деле главного визиря и супругу хана...

— Мы тоже так думаем... Теперь вся надежда на бога. Надеемся, что выйдет так, как мы хотим.

— Дай-то бог!

— Значит, таксыр¹, мы поручаем вам уговорить Анвара, — повторил еще раз Султанали.

¹ Таксыр — господин.

— Будьте спокойны,— отвечал уверенно махдум,— я сумею убедить неблагодарного.

Султанали попросил махдума ничего не говорить Анвару о его посещении. Несмотря на усиленные приглашения махдума отобедать с ним, Султанали отказался и попрощался с хозяином.

Махдум торжественно проводил гостя до самых ворот, что отнюдь не было у него в обычае.

9. УПРЕКИ И ШУТКИ

Погруженный в сладкие мечты, махдум совершал омовение, готовясь к предзакатной молитве. Совершая омовение, необходимо строго придерживаться правил, преподанных пророком Мухаммедом, но на этот раз махдум нарушал их и даже путал слова молитвы.

Кое-как закончив омовение, махдум пошел в ичкари. Нигор-аим укладывала манты на деревянные круги и ставила их в котел над паром. Рано сидела на айване с младшими братьями.

Как только из крытого прохода показался отец, Рано взяла на руки Масуда, встала, сняла с вешалки халат, чалму и подошла к краю айвана. Ребята, увидев отца, присмирели.

— Твой брат Анвар еще не пришел,— сказал махдум, надевая халат и чалму.— Посидела бы ты, Рано, пока на супе, а я схожу на молитву.

— Хорошо, отец.

Как только он ушел, Рано с младшим братишкой на руках направилась в сад. Вслед за ней побежали Махмуд и Мансур.

— Рано-апа! Рано-апа! — кричал Мансур, жалуясь на Махмуда, который старался обогнать его. Рано уже подошла к супе. Мансур кричал все сильнее, и Рано пришлось побранить старшего мальчика.

— Ах, Махмуд, Махмуд, глупый Махмуд!

Обогнав брата, Махмуд наконец остановился. Огорченный Мансур сел на землю и стал кричать не своим голосом. Рано подняла его, отряхнула пыль с его одежды.

— Не плачь, братик, не плачь,— сказала она.— Вот придет отец, даст Махмуду шлепки... погоди, Махмуд, думаешь, я не расскажу отцу?

Мансур быстро успокоился и, держась за сестру, влез на супу.

Старший брат не ожидал, что дело обернется для него так плохо.

— А что может мне сделать отец? — спросил он издали.

— А вот посмотришь... Ты забыл давешний прут?

Махмуд ничего не ответил, но лицо его выразило обиду и страх.

Рано с младшим братом на руках села на супу. Мальчуган, прижавшись к плечу сестры, насмешливо поглядывал на Махмуда.

Этого Махмуд не мог снести. Он решил отомстить Рано.

— А ты жена муллы-ака! — закричал он, приплясывая.— Жена ученого брата! Ай-ай-яй, ай-яй-яй!

Рано засмеялась.

— Ты — дразниться? Ну постой, невоспитанный мальчишка! — Она угрожающе двинулась к Махмуду.

— Жена муллы-ака, жена муллы-ака! — повторял Махмуд, удирая в ичкари.

Рано, улыбаясь, оглянулась на Мансура.

— Так, значит, я — жена муллы-ака? — спросила она.

Вместо ответа Мансур глянул на ворота и сбежал по лесенке с супы, радостно крича:

— Мулла-ака пришел! Мулла-ака пришел!

Рано покраснела, перебросила на спину растрепавшиеся косы и поправила платье. Молодой человек, выйдя из крытого прохода, шел по дорожке к супе. Стройный, в шелковом халате в мелкую черную полоску, Анвар выглядел красавцем. Не отрывая черных, будто насурьмленных глаз от Рано, он присел на корточки посреди дорожки и раскрыл объятия бежавшему к нему навстречу Мансуру. Поцеловав мальчика, Анвар взял его на руки и направился к супе.

Рано поднялась ему навстречу и приветствовала его улыбкой.

— Добрый вечер!

— Спасибо!

Анвар поднялся на супу, посадил на нее Мансура, сняв кавуши, подошел к Рано, поцеловал в щечку маленького Масуда. Малыш потянулся к нему, и Анвар взял его из рук девушки. Очутившись на руках у Анвара, Масуд запрыгал и весело закричал. Рано протянула руки и стала манить братишку к себе. «Иди ко мне, ко мне!» — звала она. Но мальчик отвернулся от нее и уткнулся в грудь Анвара. Рано засмеялась: «Ну, погоди же ты, маленький изменник!»

Держа на руках Масуда, Анвар уселся на супе. Мансур тотчас прижался к нему, Рано села рядом. Некоторое время они вместе ласкали малыша. Потом Анвар отдал ребенка девушке, снял свою серую шелковую чалму, бросил ее на подушку и вытер платком черные как смоль усики. Рано смотрела на него.

— Все ли спокойно дома? — спросил Анвар.

— Совсем беспокойно, — сказала Рано, смеясь.

— Ну, значит, все в порядке... Да, кстати, — сказал Анвар, оглядывая супу, — сегодня что-то здесь красиво убрано, что-нибудь готовится?

— Ждем гостей.

— Не выдумывай, Рано, — сказал Анвар, улыбаясь. — Какие гости?

— Откуда мне знать? Слышала, что должны прийти люди читать фатыху¹.

— По какому поводу фатыха?

— Не знаю.

Анвар задумался, потом, улыбнувшись, сказал:

— Не о тебе ли будут читать фатыху?

— Какая же может быть обо мне фатыха, — ведь я еще живая.

— Не увиливай, Рано! Может быть, тебя собираются выдать замуж?

Рано покраснела, сказала шутливо:

— Кто на мне женится?

— На тебе? — засмеялся Анвар. — Да кто же, кроме хана, может на тебе жениться?

Рано, устремив взгляд на ребенка, которого держала на руках, сказала:

¹ Ф а т ы х а — «Открывающая» — первая сура (глава) Корана, которую принято читать как молитву в начале какого-либо обряда, в том числе при обручении, свадьбе,

— Ну что ж... раз вы так говорите... что ж мне остается делать?..— И обратилась к Мансуру: — Вставай, Мансур, идем отсюда.

У нее был обиженный вид. Анвар смутился.

— Рано! — позвал он.

Она остановилась на лесенке.

— Скажи, это правда, что будут гости?

— Правда, ждем гостя, и он уже пришел,— сказала Рано серьезно.

Анвар удивился:

— Гость уже пришел?

— Пришел.

Анвар оглянулся вокруг.

— Где же он?

Рано показала на него.

— Вот гость!

Анвар засмеялся.

— Разве я гость?

Рано ответила многозначительно:

— Конечно. Вы для нас — гость.

Анвар опять засмеялся, но смех его прозвучал уже принужденно.

— Я для вас — гость?!

Улыбаясь, Рано снизу вверх посмотрела на Анвара и, покачивая, стала успокаивать ребенка, который вдруг закапризничал у нее на руках.

— Не знаю...

Но притворная строгость уже исчезла из ее глаз.

Анвар от недомолвок решил перейти к делу.

— Рано,— сказал он,— ваш гость проголодался. Надеюсь, что для такого уважаемого гостя вы приготовили что-нибудь вкусное. Может быть, вы будете так любезны и сообщите мне, чем вы меня угостите?

— Гостю надлежит,— ответила Рано,— вести себя с достоинством: сидеть и кушать, что подадут, и все расхваливать.

— Вы правильно говорите, дорогая наставница,— сказал Анвар.— Однако если и сегодня вы будете угощать меня, как вчера, одной лапшой, то не исключена возможность, что, похвалив ее, как надлежит, я откажусь от угощения.

Рано громко засмеялась.

— Сегодня у нас суп с поджаркой,— сказала она сквозь смех.— Вы можете крошить в него черствую лепешку... а вместо мяса вам придется жевать репу!

— Отлично,— сказал Анвар,— кажется, я буду очень признателен вам за сегодняшнее угощение. А не могу ли я узнать, чьими руками — старшей или младшей хозяйки — приготовлен сегодняшний суп из репы?

— Для гостя это не может иметь значения...

— Ошибаетесь, любезная Рано,— сказал Анвар,— руки рукам рознь.

— Ну, если так... Вы получите суп с репой из рук младшей.

— В таком случае примите мои извинения... Приготовленная вашими руками репа покажется самой изысканной дичью!

Рано хотела что-то сказать, но, услышав шаги, засмеялась, кинула на Анвара быстрый взгляд и, схватив за руку Мансура, побежала на женскую половину.

10. ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ

е успела Рано скрыться в ичкари, как вошел махдум.

— Пожалуйте, Шахидбек, пожалуйста! — повторял он.

Вслед за хозяином, тяжело ступая и отдуваясь на каждом шагу, появился толстый человек лет пятидесяти. Синяя чалма обвивала его голову, лохматые брови нависали над глазами, серебряный пояс охватывал талию и слегка затягивал огромный живот. У входа в сад произошла заминка.

— Входите же, прошу вас...

— Нет, нет, сначала вы...

— Прошу вас!

— Не будет ли это невежливостью с моей стороны?..

Но излишние церемонии были явно в тягость телесам Шахидбека, он не хотел утомлять себя и пошел впереди махдума.

— А, мирза Анвар уже здесь... — промолвил он.

Анвар встал им навстречу. Они поднялись на супу.

Шахидбек подобострастно поздоровался с Анваром и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на почетное место, ибо подняться по лесенке на супу было для него очень трудно, и для дальнейших церемоний сил уже не осталось. Передохнув, он снял с себя верхний халат, снял и пояс, положив его рядом с собой, бросил на подушку чалму, вытер пот со лба и стал обмахиваться.

— Здоровы ли вы, мирза?..

— Слава богу, здоров. А вы?

— Слава богу!

— Вы, кажется, немного задержались сегодня во дворце? — спросил Анвара махдум.

— Срочные дела были.

— После смерти главного дворцового писаря, — сказал Шахидбек, — вся тяжесть работы, говорят, свалилась на вас, мирза?..

— Да, — отвечал Анвар, — иногда бывают срочные письма, приказы, которые необходимо вовремя отправить. Иной раз приходится даже ночевать во дворце.

Шахидбек опять вытер потный лоб.

— Ничего не поделаешь, ничего не поделаешь..

Анвар исподтишка глянул на махдума, встал и, отойдя к лесенке, стал надевать кавуши.

— Пойдите в ичкари, узнайте, готово ли кушанье, — попросил его махдум. — Если готово, принесите.

— Хорошо.

Анвар ушел в ичкари.

Глядя ему вслед, Шахидбек спросил Махдума:

— Давно живет у вас мирза?

— Почти четырнадцать лет.

— Видно, он у вас как сын родной?

— Больше того!

— Ваша дочь тоже стала уже взрослой?

— Слава богу...

— Дай им бог долгие лета! — сказал Шахидбек. —

Вы можете сделать мирзу своим зятем...

— Есть такая мысль! — отвечал махдум. — Мы и воспитывали его, как свое родное дитя, и теперь желаем сделать своим зятем, потому что предпочитаем Анвара многим другим юношам из благородных и знатных семей...

— Правильно,— сказал Шахидбек,— поистине справедливо!.. Вы хорошо понимаете, что при выборе зятя ученость и воспитанность важнее родovitости...

— Хабба! — сказал, подмигнув, махдум.— Мы как раз и руководствуемся этими соображениями.

Шахидбек был соседом махдума и занимал при Худояр-хане должность одного из сборщиков налогов. Он не был особенно близок с махдумом, когда-то даже восстанавливал жителей квартала против него, не желая, чтобы махдум стал их имамом. Внезапная дружба между ними возникла всего два-три дня назад, потому что в эти дни повсюду пошли разговоры о возможном назначении Анвара начальником дворцовой канцелярии. Эти разговоры заставили призадуматься и друзей и недругов махдума. Между прочим, Шахидбек за эти дни потерял чуть ли не четвертую часть своего веса: ведь сборщики налогов частично подчинены начальнику канцелярии. Если не наладить отношения с махдумом, могут произойти неприятности. Мысленно Шахидбек уже слышал, как махдум говорит Анвару: «Этот бек когда-то обидел меня, теперь пусть расплачивается — сними-ка его с должности сборщика налогов». Конечно, Анвар не посмеет отказать в просьбе своему учителю и, став правителем, уволит Шахидбека от должности.

Шахидбек, разумеется, вовсе не желал назначения Анвара правителем канцелярии, но помешать этому был не в силах. И хотя повышение Анвара было только предположением, Шахидбек на всякий случай решил принять свои меры предосторожности. Он начал с того, что, явившись в мечеть на молитву, стал поблизости от махдума — раньше он молился в другой мечети — и прослушал Коран, который был прочитан махдумом. На следующий день, после утренней молитвы, он поклонился махдуму, спросил о здоровье и сказал:

— Как я был обрадован, услышав, что Анвара хотят назначить главным писарем! Хорошо, что во дворце будет теперь наш человек. Я уже просил за него моих дворцовых друзей.

Несмотря на всю свою практичность, махдум не умел отличить друга от недруга, вернее, за пару ласковых слов или ради копеечной выгоды готов был забыть многолетние обиды. И тут он сразу всему поверил. «Видно, этот негодник победил в себе шайтана,— подумал мах-

дум,— позабыл свою вражду и радуется назначению Анвара. Значит, как ни силен в нем шайтан, а все же справедливость взяла верх!» И он дружески рассказал Шахидбеку все, что знал о предполагаемом назначении. Нынче, придя на предзакатную молитву, он даже пожаловался Шахидбеку на «глупого» Анвара, который недоволен предстоящим назначением и хочет отказаться от него. Шахидбек, подумав немного, сказал: «Дайте-ка, я сам поговорю с мирзой Анваром». Ведь если Анвар будет назначен и в этом деле какая-то доля участия будет принадлежать Шахидбеку, то... Словом, остальное понятно. Мысленно Шахидбек уже видел перед собой широкое поле деятельности.

— Если бы вы мне сообщили, когда мирза Анвар будет дома, я бы сам зашел к нему,— сказал он махдumu.

До этого дня махдum не слишком верил слухам о назначении Анвара. Сам Анвар отвечал на все расспросы махдума — «пустые слова, ерунда» и не придавал никакого значения разговорам. Но теперь об этом толковал уже весь Коканд, и в довершение всего посетивший махдума мирза Султанали серьезно просил его повлиять на Анвара. Теперь махдumu казалось, что главное — это уговорить Анвара, и он чувствовал нужду в советчиках и помощниках. Поэтому предложение Шахидбека он принял весьма благосклонно:

— Хабба! Наверное, Анвар уже дома. Если вам будет угодно, пойдите к нам.

11. УГРОЗА МАХДУМА

Анвар расстелил посреди супы скатерть, принес манты. Усевшись друг против друга вокруг блюда, все трое стали есть. За едой Шахидбек потихоньку стал подбираться к намеченной цели.

— В народе только и разговору,— сказал он, уплетая манты,— что вы наследуете должность главного писаря, недавно скончавшегося. Мы не совсем поняли: правда это или только слух? Конечно, мы сейчас все точно узнаем от вас. Признаюсь, меня, вашего доброжелателя, и всех моих единомышленников эти слухи очень обрадовали... Мы постоянно слышим от дворцовых лю-

дей, что вы обладаете большими талантами, необходимыми для занятия этой высокой должности...

Тут Шахидбек посмотрел на махдума. Махдум снял с бороды кусочек застрявшего в ней теста и попросил гостя кушать.

— Еще вчера,— сказал махдум, беря с блюда манты,— я не очень верил этим слухам. Однако сегодня они меня уже не удивляют. Что удивительного в том, что Анвар будет назначен главным писарем? Слава богу, познания его велики, ум есть, способностями бог не обидел...

Протянув руку к блюду, Анвар улыбнулся. Шахидбек обливался потом. Горячая еда в такую жару... Вытирая платком лоб и шею, он посмотрел на Анвара.

— Ну, мирза Анвар, что вы нам скажете?

— Разговоры такие идут,— сказал Анвар, косясь на махдума.— Но они ведутся без моего участия и против моей воли. Поэтому не стоит придавать им значения.

Шахидбек и махдум переглянулись.

— Значит, вы не хотите занять должность главного писаря? — спросил Шахидбек.

— Конечно, нет.

— Но почему?

— Потому что я не люблю высоких и ответственных должностей,— сказал Анвар, опустив глаза и уставясь в какую-то точку на скатерти.

— Но такие джигиты, как вы, не могут оставаться всегда на одном месте. По мере того как растет их опыт, им дают повышения. Вот и вас, очевидно, собираются повысить в должности... Ваш талант и ваши знания обязывают вас принять назначение.

— Я вовсе не так талантлив, как говорят,— сказал Анвар.— Молодому человеку вроде меня, недавно пришедшему во дворец, смешно и думать о том, чтобы стать главным писарем. Я хочу сказать, что есть писари, муфтии¹, поэты, которые служат там по двадцать и по тридцать лет, они спят и видят во сне, как бы занять эту должность. Не смешно ли неопытному юноше стремиться опередить их? Меня особенно удивляет, что этим слухам верят даже люди, которые знают дворцовые обычаи и на собственной шкуре испытали многие интриги.

¹ М у ф т и й — толкователь шариата, законовед, дающий заключение по духовным и юридическим вопросам.

Шахидбек вытер руки и засмеялся:

— Ваше неверие в себя — просто ребячество!

— Ребячество, ребячество! — подхватил махдум.

Манты были съедены. Махдум выпил подливку, оставшуюся на блюде, и вылизал все дочиста. После того как прочли молитву, Анвар хотел унести скатерть и блюда, но Шахидбек остановил его:

— Подождите, мирза, оставьте-ка блюда, прежде надо решить с этим.

Анвар сложил все на край супы и снова сел. Махдум громко рыгнул и сказал:

— Благодарение богу!

— Ну, так как же, мирза Анвар?

— Да так и будет, как я вам сказал, бек-ака. Не стоит больше говорить об этом.

Шахидбек взглянул на махдума.

— Стоит или не стоит, — вспыхнул вдруг махдум, — но должен же ты наконец послушать, что тебе говорят!

— Пожалуйста, говорите!

— По слухам, которые дошли до нас, — сказал Шахидбек, шевеля пальцами, — в списке рекомендованных его величеству лиц есть и ваше имя!

— По слухам — есть, — улыбнулся Анвар.

— Если судить по тому, что говорят верные люди из дворца, грамота будет написана на ваше имя.

— «Будет» еще не значит «есть»...

— Хорошо, — сказал Шахидбек, обмахиваясь платком, — давайте скажем так: «если будет»... Как вы поступите, если грамота будет выписана на ваше имя?

Анвар засмеялся и покосился на махдума.

— Бек-ака, не будет этого.

Махдум нахмурился и строго взглянул на Анвара. Шахидбек сказал:

— Нет, вы отвечайте на вопрос: а если так будет?

— Тогда я попрошу извинить меня и откажусь.

— Глупости! — сказал махдум и отвернулся.

Шахидбек с сожалением покачал головой:

— Вы сами себе противоречите. Раньше вы сказали: «Кроме меня, есть много претендентов, я не могу надеяться на такое повышение». А сейчас совсем другое говорите...

— Грех отталкивать дар божий, топтать хлеб ногами! — вразумительно произнес махдум.

Анвар опять улыбнулся, потом, сразу посерьезнев, сказал:

— Хорошо, допустим, что у меня, как говорят люди, есть способности, достаточные, чтобы выполнять обязанности главного писаря, предположим, что мне дадут грамоту, и я займу это место. Что же вы думаете, тот, кто двадцать — тридцать лет ждет не дождется заполучить эту должность, оставит меня в покое? Разве не будет он изо всех сил тянуть меня за ноги, чтобы стащить с этого места? Именно поэтому я и хочу оставаться на своем месте. Свою теперешнюю работу я предпочитаю всем высоким постам, хотя она и не бог весть как важна. Вот почему я собираюсь, как сказал мой учитель, оттолкнуть дар божий.

Шахидбек посмотрел на махдума.

— Если ты будешь хорошо служить, честно относиться к своим обязанностям, — торжественно произнес махдум, — так, хоть весь мир на тебя ополчится, ни один волос с твоей головы не упадет. Ибо правда всегда побеждает, а неправда бывает повержена. К лицу ли джигиту бояться сплетен и клеветы и оттого отказываться от служения людям! Есть пословица: «Боясь воробьев, не посеял проса», — так говорят про трусливых людей. Если ты хочешь уподобиться тем, кто не сеет проса, боясь воробьев... значит, я ошибся в тебе, сын мой.

— Все это так! — засмеялся Анвар и, помолчав немного, сказал: — На словах правда всегда побеждает неправду, я это слышал не раз, но до сих пор не видел этого в жизни. Вы знаете лучше меня, какая беда свалилась на ханских писарей Саидхана, муллу Сиддика и Муминджана, а ведь они вовсе не преступники, как считает хан¹. Их вина состояла лишь в том, что враги облили их грязью, оплели клеветой. Служа несколько лет

¹ Однажды Худояр-хан, желая прослыть справедливым, правил тайно трех вышеназванных писарей в разные города и области, сказав им: «Если у меня есть беки, которые жестоко обращаются с населением, и судьи, берущие взятки, выследите их, дайте мне знать, и я накажу их». Саидхан, мулла Сиддик и Муминджан долгое время ходили по городам и селениям и тайно следили за судьями и управителями, а потом доложили обо всем хану. По их сведениям, подавляющее большинство правителей и судей оказались взяточниками и деспотами. Хан, удивленный таким положением дел в своем ханстве, рассказал об этом некоторым своим приближенным. Среди них нашлись недруги трех писарей, посланных ханом, они сказали

во дворце, каждый день наблюдая склоки и распри между служащими, я просто брезгаю должностью, из-за которой постоянно ведутся интриги.

— Твой пример,— сказал огорченно махдум,— это исключение, редкий случай... Если всего бояться, не только во дворце нельзя служить, но и по улицам ходить опасно. Нет, раз тебе улыбнулось счастье, нельзя выпускать из рук золотую птицу, это большой грех, сын мой!

— Да, господин учитель,— сказал Шахидбек,— правильно вы говорите... Брат мой, Анвар, счастье в жизни приходит к нам только раз... Если в этот момент не ухватить его крепко, то во второй раз оно уже не встретится, и вы на всю жизнь останетесь мелкой сошкой.

— Благодарю вас за заботы. Я думаю, что вы искренне хотите мне добра,— и все-таки, прошу простить меня, я остаюсь при своем мнении...

Махдум окончательно рассердился и, прищурив один глаз, искоса поглядывал на Анвара. Так он всегда смотрел на людей, когда сильно гневался.

— Анвар, кто я тебе?

— Вы... Вы мой учитель...

— Скажи, разве мои наставления и советы когда-нибудь были тебе во вред?

— Кроме пользы, я ничего не видел от вас. Но в этом случае я хочу быть самостоятельным.

У махдума от возмущения перехватило горло, и он вынужден был проглотить слюну.

— Пожалуйста, в чем-нибудь другом поступай самостоятельно, но тут твое упрямство — просто глупость! — сказал он, рубя воздух рукой.— Вот тебе мой сказ: я — твой учитель и отец, и ты не смеешь послушаться меня,— в противном случае пеняй на себя и делай как знаешь!

В этих словах махдума послышалась уже настоящая угроза. Анвар молчал.

хану: «Эти люди оклеветали перед вами беков, которые не дали им взятки, а тех, кто дал им взятки, они обелили. Не может быть, чтобы в вашем ханстве, под вашим милостивым и мудрым управлением, было столько плохих служащих, негодяи нарочно оклеветали самых преданных рабов вашего величества, чтобы восстановить их против хана и вызвать волнения в государстве». И тогда милостивый хан, поверив клеветникам, велел отрезать трем своим верным писарям языки и носы и выгнал со службы тех немногих своих служащих, которые служили ему честно и бескорыстно. Анвар вспоминает здесь этот случай. (Прим. автора.)

— Не горячитесь, не горячитесь,— сказал Шахидбек,— мирза Анвар не такой... Конечно, мирза Анвар прав... во дворце не все идет гладко, и такие дела, о которых он говорил, случаются там, но мне удалось разведать... я могу сказать, что все во дворце — от мала до велика — относятся с уважением к Анвару. Кому захочется строить козни против человека, который и муравья не обидит?

— Хабба! — воскликнул махдум.— Какие еще могут быть возражения—ничего, кроме ребяческого страха!.. Сорок золотых в месяц жалованья, да разные ханские подарки, да притом почет и уважение — это ли не благодать!

Слова махдума рассмешили Анвара. С трудом сдержав смех, он сказал:

— Мне кажется, несколько преждевременно говорить об этом, ведь пока еще мне не вручили грамоту на должность главного писаря...

— Анвар, сын мой, я это знаю,— сказал, смягчаясь, махдум,— но я боюсь, как бы ты своими ребяческими рассуждениями не испортил дела, если бог пошлет тебе такую честь. Поэтому я и говорю об этом заранее. Я слышал, ты собираешься уведомить хана, что отказываешься от назначения?

— Кто это сказал?

— Оставим в покое того, кто это сказал! Но твои сегодняшние речи дают основание думать, что ты способен на это. Неужели ты действительно хочешь так поступить?

— Возможно, что тот, кто вам это сказал, говорил правду. Впрочем, если вы не одобряете этого... тогда, конечно...

— Хабба! — сказал просиявший махдум.— Довольно ребячиться, трусость — плохое качество. «Если уж падать, так падать с высоты»,— у этой поговорки глубокий смысл.

Говоря так, махдум гордо посмотрел на Шахидбека. Он вдвойне был горд: во-первых, слова Анвара — «если вы не одобряете», подтверждали, что Анвар считается с мнением махдума, и, во-вторых, показывали, что он не пойдет против воли учителя.

Шахидбек, наевшийся до отвала и непривычно много и горячо говоривший за обедом, устал и теперь, развалясь на подушках, приветствовал достигнутое двумя сторонами взаимопонимание:

— Молодец, мирза, вот так-то лучше...

Выпив по две пиалы чаю и прочтя фатыху, махдум с Шахидбеком стали собираться к вечерней молитве. Анвар проводил Шахидбека до ворот. Прощаясь с Анваром, Шахидбек сказал:

— Я думаю, бог даст, вы получите грамоту... А потом у меня будет с вами особый разговор — надо посоветоваться относительно некоторых сборщиков налога. Вы — свой человек, и то, что вы будете назначены главным писарем, нам на руку.

— «Если у соседа есть скот, то навоз и нам перепадет», — говорит пословица, — добавил махдум.

Удрученный всем этим разговором, Анвар покачал головой и вернулся на суну.

12. БЕДНАЯ СЕМЬЯ ИЗ КВАРТАЛА БАХМАЛБОФ

Анвар родился в середине 1267 года хиджры¹ в квартале Бахмалбоф, в очень бедной семье. Обычно мать, родив ребенка, называет его «мой желанный» или «богом данный». Но наш Анвар не был для своей матери ни желанным, ни богом данным, а отец даже ни разу не назвал его своим «сыном». Отец был красильщиком — всегда по пояс в синей краске. У бедняка уже было пятеро ребят — мал мала меньше. К ним прибавился еще шестой — наш Анвар.

Ни желанным, ни долгожданным он не был, наоборот, он появился на свет вопреки желанию родителей, словно для того, чтобы увеличить их горе и нищету.

Когда в другой семье родится ребенок, его встречают весельем, музыкой, оладьями, зажженными свечами, — словом, выполняется целый праздничный ритуал. Появление на свет Анвара не было отмечено никаким торжеством. Мать даже не позвала повитуху и родила с помощью старшей своей дочери Надиры, не посылая к соседям получить подарок, который полагается за добрую весть, — боялась, что соседи упрекнут ее: «Куда уж при

¹ То есть весной 1851 года.

такой нищете рожать детей», или еще хуже скажут: «Рождает, как сука».

Поэтому появление Анвара на свет целую неделю оставалось тайной для соседей. Никто не приготовил для него новых пеленок, на девятый день его засунули в старую колыбельку, оставшуюся от одного из братьев. Не удивительно, что в ознаменование «сорока дней» после рождения свечей в его честь не зажигали; примечательно другое: больше двадцати дней он пролежал в колыбели без имени, потому что отцу было не до того, а мать даже не вспомнила, что надо дать имя новому «дорогому гостю». Не будем обвинять за это отца и мать. Может быть, житейские заботы отвлекли Салима-красильщика, а у Анор-биби голова болела от криков шестерых детей,— во всяком случае, этому ребенку не суждено было получить имя ни от почтенного имама, ни от отца с матерью.

На двадцать второй день его жизни это сделала двенадцатилетняя Надира, сестра его.

Ее давно пленил своим нарядом соседский мальчик, сын какого-то духовного лица; особенно же ласкало слух Надиры его имя — Анвар. Не долго думая, она стала называть Анваром новорожденного брата, кружилась около него, повторяя: «Анвар-джан, Анвар-джан!» А он, лежа в колыбельке, тусклыми черными глазами обозревал свой нищий дом. Надира была, кажется, единственной, кто радовался Анвару, когда он появился на свет. Сестра заменила ему мать в детстве и до сих пор была самым близким человеком.

Вот так в гнезде красильщика Салима, среди аистов, появился запоздалый голубок — Анвар.

По мере того как росла семья Салима, дела его шли все хуже и нужда становилась злее. Анвару было три года, когда болезнь, уже пять лет мучившая Салима, наконец свалила его с ног. Он ослабел от кровотечений, слег в постель. На лечение необходимы деньги, но прежде всего они нужны, чтобы кормить семью. Салим-красильщик продал сперва свою синюю краску, продал соль, стал лечиться. Но болезнь была сильно запущена, и все расходы не принесли ему пользы. Тогда Салим продал свою красильню со всем оборудованием и сделал кое-какие запасы продуктов. Когда и они иссякли, для семьи настали тяжелые дни. Голод, нужда, к тому же еще больного лечить надо.

Наступившая зима была очень суровой, а они не приготовились к холодам.

Сначала простудился и умер от воспаления легких четвертый ребенок, а потом ранней весной и сам Салим-красильщик попрощался с миром. Анвар и два его старших брата заболели корью, и один из мальчиков тоже умер. За полгода Анор-биби потеряла мужа, двух малышей и осталась вдовой с четырьмя детьми. Правда, подросла Надира — можно было надеяться, что она сама определит свою судьбу и уйдет из дому. А что делать с тремя малолетками? В доме почти ничего не осталось, — два больших кувшина, три-четыре маленьких да кой-какая мелкая утварь — вот и все. Анор-биби было под сорок, но она прожила трудную жизнь, родила семерых и теперь выглядела старухой. Нечего было даже и думать еще раз выйти замуж.

Всем известно, чем занимаются вдовы, такие, как Анор-биби: прислуживают на празднествах, помогают по хозяйству у баев, а те, кто половчей, гадают, окуривают от дурного глаза и тому подобное. Анор-биби, чтобы как-нибудь растить своих троих детей, оказалась способной на все эти дела. Надиру она вскоре выдала замуж за сына одного ткача и тем несколько облегчила свою участь.

13. «ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ЭТУ КРАСИВУЮ ДЕВОЧКУ?»

Судьба ли это, или жизнь бедняков так уж плохо устроена — несчастье снова обрушилось на семью Анвара. Однажды, прислуживая в каком-то доме, Анор-биби внезапно почувствовала себя дурно и лишилась речи. Ее на носилках принесли домой. Дети подняли громкий плач. Зять побежал за лекарем. Выяснилось, что ее разбил паралич, и в тот же день, не успев ничего завещать своим детям, она умерла. Ее отнесли на кладбище. За гробом матери, плача, шел с братьями и шестилетний Анвар.

Вся тяжесть воспитания братьев — одиннадцатилетнего Тимура, девятилетнего Кабила и маленького Анвара — легла на плечи Надиры. Как ни горько было ей

отдавать братьев в чужие руки, все же бедность мужа вынуждала к этому. Когда миновали дни траура, она отдала двух старших братьев людям, пожелавшим их усыновить, а сама собрала жалкие материнские пожитки, погрузила их на арбу и, взяв Анвара с собой, вернулась в дом мужа.

Она ласкала Анвара, как мать, мыла, кормила его и горевала о его судьбе. Ей не хотелось, чтобы он стал красильщиком, как отец, или ткачом, как ее муж, она задалась целью сделать из него ученого человека. Надира даже решила послать его в медресе, чтобы он стал муллой и смог вновь зажечь огонь в доме отца. Она отдала Анвара учиться к Салиху-махдumu, потому что его школа находилась в ближайшем квартале. Начав учење с грифельной доски, Анвар скоро проявил незаурядные способности и уже к одиннадцати годам овладел грамотой. Он счастлив был в учење, но судьба, казалось, преследовала его. У Надиры было двое своих детей, и муж часто говорил ей: «Кого мне кормить — моих детей или твоего брата? Отдай Анвара в люди!» Надира противилась как могла, ей жаль было взять брата из школы и отдать в ученики к сапожнику или ткачу, но она не в силах была долго сопротивляться, потому что знала, как трудно приходится мужу. Так прошло некоторое время, и вот однажды, после очередной ссоры с мужем из-за Анвара, она надела паранджу и отправилась в дом Салиха-махдума. В тот год мать Салиха-махдума еще не уезжала в Маргелан. Надира с плачем поведала свое горе Мохлар-аим, рассказала, что приходится ей терпеть из-за Анвара.

— Я пришла в ваш святой дом с великой надеждой, что ребенок сможет у вас продолжать учење, что не пропадут даром те познания, которые он приобрел здесь. Я пришла умолять вас: приютите сироту, не пожалейте для него куска хлеба,— сказала она.

Как говорится, бедняк всегда поймет бедняка. Искренний рассказ Надиры, ее горе тронули сердца Мохлар-аим и ее невестки Нигор-ханум. Мохлар-аим тут же пожелала увидеть Анвара, который был в школе, и попросила позвать его. Вошел стройный красивый мальчик.

— Да ведь это же наш умница, махдум так хвалит его! — сказала Мохлар-аим, увидев Анвара.— Хорошо, доченька,— успокоила она Надиру,— если ваш муж не

хочет его кормить, пусть не кормит, я сама выращу, выучу его, сделаю из него большого муллу.

Анвар последнее время грустил: попреки зятя угнетали его. Теперь, услышав слова Мохлар-аим, он понял, о чем идет речь, и низко опустил голову. Увидев это, сестра его расстроилась, и на глазах ее опять появились слезы.

— Не плачьте, ханум,— сказала Мохлар-аим.— Да пропади она пропадом, эта бедность! Никто не виноват, что он беден, такая уж судьба. Пусть мальчик больше не возвращается к вам, с сегодняшнего дня он будет жить у меня как мой сын. Как зовут тебя, джигит?

— Анвар...

— И имя у тебя красивое, как ты сам... А знаешь ты эту красивую девочку?

Игравшая неподалеку шестилетняя Рано подбежала и прильнула к груди Мохлар-аим.

Анвар посмотрел на хорошенькую девочку, улыбнулся и сказал:

— Это Рано-хон!

Мохлар-аим отстранила от себя внучку:

— Пойди поздоровайся со своим братом Анваром!

Рано чинно поклонилась Анвару и подошла к нему.

— Поздоровайся же с ней, Анвар! — сказала Мохлар-аим.

Анвар притянул к себе Рано и обнял ее. Мохлар-аим засмеялась:

— Жива буду — выдам мою красавицу за Анвара, сделаю его своим зятем.

Анвар смутился и выпустил девочку. Женщины засмеялись. Надира, обрадованная добротой Мохлар-аим, вернулась домой очень довольная.

Конечно, махдуму не понравилось, что в доме появился лишний едок, но он не мог воспрепятствовать желанию матери. Ворчал только: «Прокормить не так трудно, а вот с одеждой как быть? Надо, чтобы сестра его одевала...» Мохлар-аим возражала: «Люди мечети строят, медресе, а мы, что же, одного сироту не вырастим? Если тебе трудно, я сама из своих вещей сошью ему одежду».

Так в двенадцать лет Анвар оказался уже в третьем доме. Здесь ему было во всех отношениях лучше, чем в родном доме и у сестры: он мог продолжать учење, был сыт, ходил хоть и в поношенной одежде, но все же был одет, обут. Теперь, когда он стал приемным сыном

учителя, ребяташки в школе перестали дразнить его. В доме махдума его не обременяли работой, потому что здесь все делали школьники. После уроков он играл с маленькой Рано, забавлял ее.

Тринадцати лет он уже закончил школу и, хотя был еще мал, стал выполнять обязанности хальфы, то есть помощника учителя. Каждый день, когда школьники расходились по домам, махдум отдельно занимался с ним арабской грамматикой, заставлял читать и заучивать наизусть строки из «Гулистана» Саади.

Когда Анвару исполнилось пятнадцать лет, он мог уже самостоятельно вести уроки в школе, хорошо владел персидским языком и знал немного арабский. Сначала махдум поговаривал о том, чтобы отдать Анвара в медресе, но потом уж не заикался об этом, ибо, привыкнув к помощи Анвара, заметно обленился и меньше внимания уделял школе. А чтобы Анвар не думал о медресе, он сам занимался с ним и арабским и персидским языками, проходил синтаксис и морфологию их. Отношения между махдумом и Анваром были дружеские. А Мохлар-аим любила его, как родного, и утешала, когда он грустил. «Не расстраивайся, не печалься, джигит,— говорила она,— взгляни на эту красивую девочку, я непременно выдам ее за тебя замуж!»

Но не удалось Мохлар-аим выполнить свое обещание: поссорившись с махдумом, она вынуждена была уехать к старшему сыну в Маргелан. Уезжая, Мохлар-аим не забыла об Анваре, позвала свою невестку Нигор-ханум и сказала ей: «Лучшего зятя вы не найдете. Когда, бог даст, Рано вырастет, выдайте ее за Анвара».

14. ИСТИННЫЙ ДРУГ

В детстве Анвар был тихим и смирным ребенком. Он мало бывал в обществе сверстников, редко играл с ними, ни с кем не дружил, не шалил и редко смеялся. В глазах его всегда была какая-то грусть. Может быть, он стал таким потому, что мало видел ласки и радости в родной семье, но ведь братья-то его были совсем другими. Правда, говорят, что у одной матери бывают разные дети. Анвар был совсем

не похож на своих братьев. Впрочем, он несколько изменился с тех пор, как поселился в доме махдума. Он и здесь сторонился ребят, но зато полюбил маленькую Рано и от души веселился, придумывая для нее всякие забавы. Он гулял с девочкой по саду, говорил ей, как называются разные цветы и птицы, ходил с ней на берег реки, заботливо следя, чтобы Рано не оступилась и не упала в воду.

Когда им случалось увидеть похоронную процессию и они слышали, как в толпе жалели сирот, потерявших родителей, Анвар говорил: «Когда умерла моя мама, ее тоже несли по улице... и я тоже, как вон тот мальчик, шел за гробом и плакал...»

Рано внимательно слушала его, засыпала вопросами, и Анвару не надоедало отвечать ей, он старался удовлетворить ее любознательность.

Анвар был не по летам серьезен и чуток, он горячо сочувствовал людям в их несчастьях. С раннего детства он любил цветы. Поселившись в доме махдума, мальчик взял на себя заботу о цветнике, который занимал большую часть сада. Анвар сам поливал и подметал его, выпалывал сорную траву. Никому он не позволял рвать цветы и, если видел, что кто-нибудь из детей срывает цветок, огорчался и бранил виновника. С помощью школьников он добывал семена и рассаду разных цветов. С каждым годом его цветник разрастался и становился все богаче. Летом Анвар поручал ребятам ловить жуков и бабочек; кто приносил их живыми и невредимыми, тому он помогал готовить уроки. Бабочек и бронзовых жуков он выпускал в свой цветник и радовался, когда они садились на цветы. В летние дни над цветником махдума носились рои белых, розовых, голубых в крапинку, зеленых и желто-коричневых бабочек. Все свободное время Анвар проводил в цветнике.

Все в доме любили Анвара, и он тоже относился ко всем хорошо. Но любил он только Рано да еще своего одноклассника, мальчика, по имени Насим. Насим и Анвар были очень дружны, понимали друг друга с полуслова, делились сокровенными своими мыслями.

Отец Насима был одним из самых влиятельных людей в Коканде, известным во всем ханстве. По происхождению и богатству мальчики были далеки друг от друга, как небо от земли, но юные друзья не придавали этому

значения. Насим ничуть не кичился тем, что он сын правителя ханской канцелярии, а Анвар не стыдился того, что был сыном Салима-красильщика, приемышем Салиха-махдума. Посторонний человек, увидев, как эти два мальчика, сидя рядышком, с увлечением беседуют, удивился бы: «Что общего может быть у барчонка в шелках с этим полунищим в рваной рубахе?» Но сами мальчики этого не чувствовали.

Часто Анвар с разрешения махдума проводил у своего товарища пятницу. Он понравился и отцу Насима Мухаммеду Раджаббеку. Насим рассказал отцу, что друг его — сирота, и, вероятно, по просьбе сына Мухаммед Раджаббек несколько раз к праздникам дарил Анвару новую одежду. Такое расположение знатного человека радовало махдума. По мнению махдума, дружба с сыном такого человека, как Мухаммед Раджаббек, скрепленная к тому же дорогими подарками, была большой удачей. При виде этих подарков махдум даже стал иначе смотреть на Анвара и мысленно сказал себе: «Кажется, из него будет толк».

К сожалению, эта дружба продолжалась недолго. Безжалостная смерть оборвала ее. В пятнадцатилетнем возрасте Насим заболел оспой, прививок от оспы в те времена не делали, и мальчик пал жертвой невежества.

Смерть его была тяжким горем для Мухаммеда Раджаббека и его семьи. Но, кажется, еще горше была она для Анвара. Мы не ошибемся, если скажем, что Анвар пролил больше слез, чем родители его друга. Три дня, забыв про махдума и про уроки, он пробыл в доме Мухаммеда Раджаббека. Часами сидел он на могиле друга и плакал. Такая горячая привязанность, такая верность дружбе всех поразила.

Он написал стихи на смерть друга — это был первый его опыт в стихосложении, — и они до слез растрогали родителей покойного. Мы приводим несколько строк из этих стихов:

Коль гибнет в юности цветок, — то плачет старый, плачет малый...
Не только люди, — целый свет рыдает, что его не стало.
Из лучших лучшего сразил мечом жестоким ангел смерти.
Сломался молодой тюльпан. Жизнь драгоценная увяла.
Покинул землю мой Насим, меня оставил в тяжком горе.
Не слезы падают из глаз моих — потоки крови алой...
Был в целом мире у меня один лишь друг и утешитель...
И плачу я, осиротев, — в пустыне пилигрим усталый.

Мулла Мухаммед Раджаббек с этого дня стал особенно внимателен к преданному другу своего покойного сына. Одаренность Анвара и его бедность заставили Мухаммеда Раджаббека подумать о его судьбе. Стихи Анвара, посвященные другу, были, конечно, по-детски незрелы, но в них было что-то, что вызывало желание позаботиться о судьбе написавшего их.

Началось с того, что две строки из этих стихов Мухаммед Раджаббек приказал начертать на надгробном камне на могиле Насима. А затем Мухаммед Раджаббек решил проявить отеческую заботу о друге своего сына, чтобы Анвар не чувствовал себя покинутым и одиноким, чтобы не мог повторять: «Был в целом мире у меня один лишь друг и утешитель... и плачу я, осиротев,— в пустыне пилигрим усталый».

В течение трех недель все поминальные ночи, когда по умершему читают Коран, Анвар проводил в доме Мухаммеда Раджаббека.

В последнюю ночь Мухаммед Раджаббек стал спрашивать Анвара:

- Как поживает ваш учитель?
- Слава богу, хорошо.
- Как идет ваше ученье?
- Ничего.
- Вы живете в доме своего учителя?
- Да, ваша милость!
- Не обижают вас там?
- Нет, ваша милость.
- Изучали ли вы математику?
- Нет, ваша милость.
- А ваш учитель знает математику?
- Думаю, что нет, ваша милость!
- Если я вам дам преподавателя, хотите вы изучать математику?
- Конечно, если разрешит мой учитель.
- Пусть ваш учитель придет ко мне завтра вечером.
- Хорошо, ваша милость!

Назавтра махдум пришел к беку. Мухаммед Раджаб говорил с махдумом о том, что он думает взять Анвара на службу во дворец, но что для этого необходимы более глубокие знания арабского и фарсидского языков, а также математики. Махдум сначала немного растерялся от такого благоволения к Анвару, но, понимая

причину этого расположения, стал восхвалять благородную заботу бека о бедном сироте и рассыпался в похвалах талантливому юноше. Махдум не преминул упомянуть и о всех трудностях и расходах, связанных с воспитанием Анвара, похвастался, что все время занимается с Анваром персидским и арабским языками и что Анвар уже пишет сочинения по-персидски. Но вот что касается математики, сказал махдум, тут он и сам несведущ, и потому Анвару нужен учитель, который преподавал бы ему эту науку.

На это Мухаммед Раджаббек ответил, что учителя он найдет сам, и отпустил махдума.

15. МАХДУМУ ПОВЕЗЛО

С того дня в жизни Анвара открылась новая страница. Теперь махдум уже не смотрел на него как на приемыша-сироту, которого ждет злая судьба, и, может быть, даже сожалел, что Анвар не его родной сын. В самом деле, ну как не пожалеть об этом, когда перед ним встал, например, такой вопрос: «Если Анвар поступит на службу во дворец и будет получать в месяц пять — десять золотых жалованья, то куда пойдут эти «наличные деньги»?»

Этот вопрос, как оса, жалил сердце махдума. «С десяти лет я его кормлю, учу, одеваю, — значит, заработок его по праву принадлежит мне», — думал махдум, но в то же время не был уверен в своей правоте. Да, вопрос был сложный.

Если раньше слова Мохлар-аим о том, чтобы выдать Рано замуж за Анвара, казались ему «глупыми, ничего не стоящими» и раздражали его, то теперь он не только подумывал об этом всерьез, но рассуждал уже так: «Если Анвару повезет и дальше — в этом нет ничего удивительного. Быть сиротой не позор, происхождение не имеет значения, человеку нужны ум и достоинство, нужна удача. Конечно, на красоту Рано польстится всякий, но и Анвар не откажется от нее... И вот — единственный способ соединить вместе все доходы». К такому выводу пришел махдум.

Еще месяц назад он говорил Нигор-ханум: «Анвар уже становится взрослым. По шариату он чужой тебе и Рано, вы не должны открывать перед ним лица». Но приказ этот не выполнялся женщинами, а теперь махдум и не настаивал на нем, полагая, что Анвару это пришлось бы не по душе.

Анвар стал изучать математику с одним муфтием, приглашенным Мухаммедом Раджаббеком, и учился писать деловые бумаги. Махдум же еще усерднее занимался с Анваром персидским и арабским языками.

В течение года Анвар изучил то, что требовалось по математике, усвоил правила составления документов и достиг больших успехов по другим предметам. И вот, начиная с весны, он стал каждый день ходить во дворец практиковаться в делопроизводстве с писарями, работавшими под руководством правителя ханской канцелярии Мухаммеда Раджаббека. Около года он работал, не получая жалованья, но каждую неделю Мухаммед Раджаббек давал ему из своего кармана немного денег. И эти небольшие деньги Анвар каждый раз отдавал своему учителю, все больше укрепляя в махдуме надежду на будущее.

За год практики Анвар основательно изучил дворцовое делопроизводство, мог вести книги и сочинять послания на персидском и узбекском языках наравне с опытными писарями. Он умел на основании устного распоряжения правителя канцелярии написать нужное письмо, грамоту или же выправить и привести в надлежащий вид написанное другими писарями, не столь искусными в знании грамматики и получавшими не раз выговоры от главного писаря. Анвар же почти не имел никаких замечаний.

Со второго года своей службы во дворце он уже стал получать жалованье — семь золотых в месяц. Кроме того, он получил бумагу, освобождающую его семью от налогов. Эта бумага была большим облегчением для хозяйства махдума, ибо налоги, которыми хан обкладывал своих подданных, были так велики, что уплачивать их не было возможности. Впрочем, об этом мы еще поговорим впоследствии. Освобождение от налогов и семь золотых, в первый же месяц полностью перешедшие в карман махдума, были для него двойным торжеством. Трудно даже описать состояние махдума, когда он получил эти

семь золотых — глаза у него перекошились, рот расплылся в улыбке. «Хабба! Твой урожай хорош, Анвар, только будь осторожен с деньгами, сын мой», — сказал он. Зато Нигор-ханум обиделась на Анвара, узнав, что семь золотых достались махдуму. «Напрасно, Анвар, ты отдал все деньги хозяину, — говорила она. — Ведь тебе нужно справиться одежду, постель, а на остальное не худо было бы принарядить и твою сестренку Рано. Салих ничего путного не сделает с этими деньгами, только поплюет на них, завяжет в узелок и спрячет».

Но семь золотых «наличными», полученные махдумом, прибавили и ему заботы. Он стал думать, что времена трудные, дурных людей вокруг много, может случиться, что кто-то отобьет у него Анвара, и удар обрушится в тот самый момент, когда он только нацелился на богатство... «Не привязать ли уж сразу к себе Анвара, женив его на Рано?» — думал он. Но Рано в это время было всего одиннадцать лет.

Однажды, когда Анвар пришел со службы, махдум повел его в сад. Там он показал ему чудесный солнечный участок.

— Хочу здесь для тебя построить дом — комнату, айван, кухню и конюшню... Хабба, Анвар? — спросил он.

Анвар рассмеялся:

— Дом построить — надо не меньше полсотни золотых, а у меня нет ни копейки. А деньги, что у меня будут, принадлежат вам и маме, пока вы не дадите мне фатыху.

— Хабба... ты щедр! — воскликнул махдум. — Конечно, это правильно, но мне хочется, чтобы ты уже теперь копил деньги на постройку дома, которую начнешь, когда мы с матерью дадим тебе фатыху. Но строить-то ведь будем не раньше, как через три-четыре года...

Во время этого разговора Рано стояла неподалеку с ребенком на руках. Махдум подозвал ее и сказал:

— Хабба!.. Вот здесь мы, Рано, построим дом твоему брату Анвару. Как ты на это смотришь?

Рано не поняла.

— Да ведь есть михманхана, где живет брат Анвар! — сказала она.

— Хе-хе-хе... Ты совсем еще дитя, дочка, — ребенок! — сказал, смеясь, махдум. — Не всегда же брат Анвар будет спать в михманхане. В один прекрасный

день он женится, так же как и ты выйдешь замуж... Нужен дом, дочка!

Анвар смутился от этих слов и покраснел. Рано взглянула на Анвара и, будто сердясь, отвернулась от отца и ушла на женскую половину. Так махдум ловко сумел высказать Анвару свою заветную мысль, а заодно как бы обезопасил Анвара от происков дурных людей.

Этот разговор не прошел для Анвара бесследно. Если до сих пор он любовался еще нерасцветшей красотой Рано, не думая ни о чем, то теперь, глядя на нее, он стал лелеять сладкие мечты о счастье.

Махдум не зря беспокоился. Вокруг Анвара объявились разные «бескорыстные» советчики. Одним из таких «бескорыстных» оказался зять Анвара, который так и загорелся, прослышав про семь золотых. Надира, подстрекаемая мужем, стала уговаривать брата:

— Муж говорит, чтобы ты переезжал к нам, обещает женить тебя.

Но Анвар не слушал ничьих советов, не послушался он и сестру. Сказал, что, пока махдум не разрешит, он не уйдет из его дома, но обещал помогать сестре и тем успокоил ее.

Из жалованья за второй месяц Анвар оставил себе три золотых, попросив разрешения сделать домашним подарки. Махдум согласился с трудом, сказав при этом: «Сын мой, это никуда не годится! Ну, да уж так и быть, только впредь не безумствуй больше!» А Нигор-аим купила себе и Рано обновки: себе — шерсти, Рано — атласа на платья.

Потихоньку Нигор-аим стала руководить Анваром. Она уговаривала его не отдавать махдumu всего жалованья, оставлять часть на свои расходы. «Что ты ни дашь ему, все себе возьмет. Но тогда нам с тобой ничего не достанется. А раз так, нужно действовать разумней». Нигор-аим знала, что махдум не станет ссориться с Анваром. Все же, несмотря на все ее уговоры, Анвар месяцев семь-восемь отдавал махдumu весь свой заработок, а за это получал от него только благословение.

Деньги, полученные от Анвара, ничего не изменили в обиходе дома и в привычках махдума, — оставалась, как говорится, «все та же старая баня и старая шайка». Каждый день ели пустой суп, а в праздники плов, сва-

ренный из того, что приносили ученики. Анвар, приходя поздно со службы, ел его простывшим; лепешек дома не пекли, а принесенные в четверг учениками черствели за неделю так, что стучали, как деревянные, и покрывались плесенью.

Скоро Анвару надоела такая жизнь, и он решил последовать советам Нигор-аим. Уж лучше хорошо питаться, чем получать взамен заработанных золотых одно только благословение. Анвар стал покупать мясо и разную провизию для дома, заказывать кушанья, какие ему нравились; приделался сам и принарядил Рано и Нигор-аим. Купил одежду сестре Надире и ее детям; два золотых истратил на подарки Мохлар-аим, которая жила в Маргелане и сильно болела.

Такая расточительность обеспокоила махдума.

— За этот месяц вы, кажется, сильно потратились, сын мой,— высказал он свои опасения.

— Я только справил самое необходимое,— отвечал Анвар.

На следующий месяц, когда Анвар купил одеяла и подушки, махдум так посмотрел на него, что пришлось отдать два золотых за «бескорыстные» моления учителя о благополучии ученика.

Все же махдум был очень расстроен. «Шайтан, что ли, его попутал, прости господи!» — удивлялся он и читал соответствующие молитвы.

Анвар по-прежнему был приветлив и обращался с махдумом почтительно, но, когда вопрос касался его заработка и «ненужных трат», отмалчивался. Это очень угнетало махдума.

— Сын мой, Анвар! — сказал однажды махдум. — Богатство добывается с трудом. Человек может жить и впроголодь, а золото надо беречь... Если твои деньги будут храниться у меня, все равно они останутся твоими, сынок!

Но даже такие чувствительные речи не подействовали на Анвара. Договорившись обо всем с Нигор-аим и Рано, он отдавал махдуму установленную долю — два золотых в месяц. Человек привыкает ко всему, и махдум в конце концов удовольствовался этим и перестал вмешиваться в расходы Анвара. Но всякий раз, когда Салих-махдум получал два золотых, у него щемило сердце при мысли об остальных.

16. МИЛОСТЬ ХАНА

 а третий год своей службы в ханской канцелярии Анвар пользовался уже большим авторитетом среди писарей. Несомненно, он лучше всех умел составлять и править документы; у него был красивый почерк, а стиль его отличался простотой и доступностью. Это отмечали все, начиная с писарей, — дворцовые поэты, муфтии, правитель канцелярии Мухаммед Раджаббек и даже сам хан. Худояр-хан приказывал читать себе вслух грамоты и письма, к которым должен был приложить руку, и часто не понимал фраз, составленных наполовину из арабских и персидских слов. «Ваши матери за арабов, что ли, замуж повыходили?» — бранил он писарей. Но каждую бумагу, написанную Анваром, он слушал, как музыку, все было ему понятно в ней, и он говорил, вызывая зависть в сердцах других писарей: «Этот юноша учение вас всех!»

В конце концов правитель канцелярии Мухаммед Раджаббек стал поручать Анвару составление самых важных бумаг. Отлучась куда-нибудь, он оставлял канцелярию на Анвара, так как доверял ему больше, чем всем остальным. Анвар был беспристрастен и бескорыстен, решал все дела справедливо, не превышал своих полномочий и не интересовался приработками, помимо положенного жалованья.

Мы особенно подчеркиваем эту черту Анвара, ибо даже потом, в правление русского царя, писаря в мусульманских судах получали, как все хорошо помнят, плату «за перо» и всякое маленькое дело раздували и затягивали, чтобы получить взятку. Писаря в этих судах были уменьшенными копиями с писарей дворцовой канцелярии Худояр-хана, которые изображаются в нашей повести. Прощениям на имя хана, написанным не ими, в большинстве случаев не давали хода. Поскольку плату «за перо» получил кто-то другой, а не дворцовые писаря, то такую бумагу обычно рвали, не показав ни главному писарю, ни хану. Если податель прошения справлялся о нем, то ему говорили, что оно было написано неграмотно и оставлено его величеством без внимания, а потому следует написать новое. И жалобщик вы-

нужден был просить дворцовых писарей писать новую бумагу за особую плату. Между писарями канцелярии шли постоянные раздоры, они жаловались друг на друга хану,— как говорится, лили воду один под другого, часто, сводя личные счеты или в угоду хану, губили ни в чем не повинных людей и были причиной ужасных трагедий. Поэтому народ, в особенности бедный люд, поневоле кланяясь им в пояс, боялся приближаться к ним и смотрел на них с отвращением.

Анвар же не брал взяток, не затевал никаких интриг, никогда не использовал своего положения в корыстных целях, особенно же он был далек от того, чтобы следить за другими и доносить на них. Он делал свое дело в канцелярии, исполнял, что ему поручали, всегда старался довести до хана жалобы бедняков и добиться, чтобы они были уважены. Своей справедливостью и честностью он невольно мешал другим писарям, которые думали, что он умышленно расстраивает их планы и всякие махинации, и поэтому он скоро стал объектом их лютой ненависти. Но на стороне Анвара был Мухаммед Раджаббек, пользовавшийся доверием хана и большим влиянием во дворце, и потому враги, как ни старались, не могли повредить Анвару. Кроме того, помимо некоторых старых писарей, которые, подобно Шаходату-муфтию, точили «зубы и когти» против Анвара, в канцелярии были у него и доброжелатели, вроде Султанали, очарованные его умом и знаниями.

Уже пять лет, не считая первого года практики, прослужил Анвар во дворце, как вдруг несколько дней тому назад, проболев всего неделю, умер правитель канцелярии. Анвар потерял в его лице покровителя и друга.

Шаходат-муфтий, много лет ждавший смерти Мухаммеда Раджаббека в надежде занять его место,— находился в отъезде по делам службы. Обязанности правителя канцелярии временно были возложены на Анвара. Тут-то и пошли разговоры о том, что Анвар станет главным писарем. Насколько это верно, никто не знал,—слишком уж много было претендентов на эту должность из числа придворных поэтов и ученых.

17. АНВАР В РАЗДУМЬЕ

Проводив Шахидбека и махдума, Анвар вернулся на супу. Тотчас же, словно она только и ждала ухода мужчин, из ичкари появилась Рано. Одной рукой она придерживала на голове желтый атласный платок, готовый, казалось, сорваться и улететь. Увидев Рано, Анвар остановился у цветника возле супы. Рано приближалась к Анвару и улыбаясь ему и в то же время смотрела на него с укоризной. Подойдя к супе, она тронула рукой пустое блюдо.

— Ну, Анвар-ака, довольны вы сегодняшним угощением? — спросила она.

— Очень доволен, — сказал Анвар. — Особенно мне понравились манты, сделанные твоими руками.

— Откуда вы знаете, что я их делала?

— Откуда я знаю? — сказал, смеясь, Анвар. — Я всегда чувствую, к чему прикасалась твоя рука!

— Какие же манты делала я?

— Думаешь, не знаю?

— Не знаете!

— Края у них так старательно прищиплены, уголки у них такие ровные — как их не узнать? Я выбирал и ел только те манты, что ты делала!

— Они были вкусные?

— Мало сказать, вкусные! — сказал Анвар. — Посмотри-ка лучше на этот цветок: помнишь, когда мы только его посадили, он был розовый, а теперь, через два года, стал красным. Знаешь отчего?

Вопрос был задан серьезным тоном, и Рано не поняла.

— Наверное, он стал красным от солнца...

— Ошибаешься, Рано, — сказал Анвар, — а я знаю, почему цветок стал красным. Это из-за твоих красных губ, Рано...

— Оставьте шутки, — сказала Рано, сама краснея, как цветок. — Скажите лучше, зачем приходил этот толстяк Шахид? Вас хотят сделать главным пирсарем?

— Не веришь? Посмотришь в зеркало: твои губы, как этот цветок. — Он коснулся ее губ цветком.

Рано отвернулась.

— А ну вас с вашими шутками! Правда, что вас хотят сделать главным писарем?

— Мало ли что хотят сделать со мной... Пустые разговоры...

— Почему пустые? По всему городу идет слух...

Анвар подпрыгнул и сел на край супы, свесив ноги. Рано стояла рядом с ним, облокотясь на супу.

— Не верь слухам...

— Говорят, что без ветра и ветки дерева не колыхнутся. Может быть, вас и в самом деле назначат правителем канцелярии.

— А разве это хорошо, Рано, если меня назначат правителем канцелярии?

— Откуда мне знать, хорошо это или плохо?

— Это плохо, Рано!

— Почему плохо?

— Грязная это работа. Если бы я нашел другую службу, я вообще ушел бы из дворца.

— Грязная работа?! Но ведь ваш друг и покровитель бек занимал же эту должность?

— Я не бек и никогда не смогу им быть, Рано. Кровь невинных, которая льется во дворце, вздохи и стоны, которые постоянно слышатся там, не дают мне покоя, сердце мое сжимается от них. Если я стану главным в канцелярии, мне придется самому плавать в крови невинных, слушать их стоны и проклятия. Я должен буду сам погружаться в море народного страдания. Ведь я буду вынужден принимать участие во всех этих делах. Для того чтобы угодить хану, я должен буду представлять многие дела в нужном ему свете. Нужно точить для хана нож насилия — только тогда можно удержаться в этой должности. Но я, очевидно, не рожден для таких дел. А помочь людям, облегчить их страдания, защитить от насилия и жестокости, которые прикрываются славословием, восхвалениями и молитвами, я не смогу. Ибо «милостивый» хан не из тех «дураков», какие советуются со своей совестью. Рано, ты знаешь своего отца: в жизни он признает только выгоду. Он не хочет понять, почему я бегу от этой должности, говорит, что я — трус, неблагодарный, отказывающийся от божьей благодати — от стольких-то золотых в месяц. Объяснять ему подлинные причины моего отказа все равно что призывать к молитве камень, поэтому я ничего не сказал ему. Пока мое

назначение — только слухи. Но я бы ни за что не согласился принять эту должность, если бы тут не замешан был один дорогой мне человек...

Рано слушала Анвара, пристально глядя ему в глаза. Лицо ее выражало сочувствие.

— Анвар-ака, а если вы возьметесь за дело с добрыми намерениями,— спросила она,— если вы не пожалеете труда для блага народа, на вас ведь не будет греха?

— Это верно,— сказал Анвар,— но дело не в этом. Я хотел бы, чтоб это было так. Но другие ведь не будут следовать моему доброму примеру, значит, я не смогу быть спокойным и думать, что на мне уже нет греха. Если я убежден в одном, а все мои старания и стремления будут приводить к обратному результату, то я испытую душевные муки, меня начнет мучить совесть. В этом вся трудность. Легко снять с себя всякую ответственность, это проще всего. Но когда попираются твои убеждения — это тяжело, Рано!

Рано, видимо, поняла главное, что мучило Анвара. Некоторое время она молча стояла возле него.

— Значит, вы не примете должности главного писаря? — спросила она, взглянув на его задумчивое лицо.

— Если назначат, приму...

— Даже, если вам это так трудно?

— Да. Потому что этого требует твой отец!

— А при чем тут мой отец? Разве ему даны полномочия решать это за вас?

Анвар только вздохнул в ответ на этот наивный вопрос, а потом, взглянув на Рано, сказал:

— Очень большие полномочия!.. — И опять вздохнул.

Рано больше не спрашивала. Казалось, она поняла, в чем дело. Протянув руки за скатертью и блюдами, она тихо спросила:

— Чай будете пить?

— Попозже.

Рано взяла блюда и пошла. Анвар проводил ее взглядом, очертания стройной девичьей фигуры отчетливо вырисовывались под атласным платьем.

— Рано, я не пойду к вечерней молитве!

Она остановилась на полдороге и улыбнулась ему.

— Может быть, я приду еще...

18. ССОРА У МЕЧЕТИ

вечерней молитве в крытом коридоре мечети собрались пока три человека. В углу, у самого входа в мечеть, сидел человек лет тридцати, в черном халате, бледный, с длинной черной бородой, которая висела, как торба, на маленьком его лице. Рядом с ним, распустив завязки легкого бязевого халата, поместился другой «благочестивый», человек средних лет, шею которого украшал зоб величиной с хандаляк¹. Тут же был еще третий — с продолговатым лицом, в длинном, почти до земли, бязевом халате, с чалмой на голове. Первый был молодой имам мечети, почтенный ученый, мулла Абдуррахман, второй — известный в квартале сплетник Самад-букак², третий — муэдзин мечети Шукур-суфи. Самад-букак и Шукур-суфи смиренно слушали имама, который, тщательно подбирая слова и мягко скандируя, держал речь, подчеркивая особо важные свои мысли.

— В наше время, когда во дворце столько ученых и мудрых мужей, ей-богу, невероятно, чтобы такую высокую должность доверили невежественному мальчишке, даже не бывшему в медресе. Для того чтобы занимать это место, нужно очень многое. Прежде всего нужен зрелый ум, во-вторых — законченное образование. А юноша, о котором вы говорите, ходил в школу Салиха-махдума, и я сам учил его грамоте. Нет, мой разум отказывается верить этим слухам.

— Истинно так, ваша милость, — толкнул муэдзина локтем Самад. — Куда ему, этому парню, занять такую высокую должность? Но, как водится в наши времена... Мухаммад Раджаб устроил его во дворец... Он, как говорится, беленький, приглянулся Мухаммаду Раджабу, вот он его и приспособил для себя...

Имам слушал эти слова зобатого, опустив глаза.

— А я говорю, что люди говорят, — сказал Шукур-суфи сдавленным голосом. — Вот уж несколько дней, как в городе и стар и млад говорят только об его назначении.

— Э, суфи, разве людям заткнешь рот?

¹ Хандаляк — небольшая круглая дыня.

² Букак — зоб, зобатый.

Говоря это, зобатый Самад надулся, и жилы на шее его напряглись. Имам, все глядя вниз, кивнул маленькой головой.

— Кто-нибудь из дворцовых распустил этот слух ради потехи.

— Все может быть, ваша милость.

В эту минуту в крытый коридор мечети вошел четвертый молельщик. Это был щупленький, сутулый человек лет сорока — пятидесяти. Звали его Сафар-ткач. Поклонившись имаму, он сел возле муэдзина, и, не совсем разобрав, о чем речь, вмешался в разговор.

— Слава богу, если этот джигит станет главным писарем, — сказал Сафар-ткач, не подозревая, в каком духе высказывались до него собеседники. — Это удивительный, благородный человек, он любит простых людей. Не правда ли, хорошо, если его назначат? Как вы считаете, господин?

Имам, по-прежнему глядя вниз, неопределенно качнул головой. Самад-букак, нахмурившись, посмотрел на Сафара-ткача.

— Э-э, что ты брешешь, Сафар! — сказал он. — Мы одно говорим, а ты другое болтаешь.

— А что вы говорите?

— Говорим, что все это только слухи, говорим, что на эту должность нужен ученый человек.

— А Анвар разве не ученый?

— Грош цена его учености!

— Ошибаешься, Самад, — сказал Сафар-ткач, — учености его позавидовать можно. А что он печется о бедняках, так тут ему только спасибо скажешь!

— О ком это он печется, чтоб ему пусто было?

— Обо всех, — сказал Сафар. — Да вот он и мне самому помог, дай бог ему долгой жизни!

— Как это он тебе помог?

— В прошлом году, примерно в это время, — сказал Сафар, — я вынес на базар восемь кусков бязи. Не знаю уж, донес ли кто об этом, или у сборщика налогов руки зачесались, только этот нечистый пристал ко мне и отобрал бязь, которую я хотел продать. Уж как я его молил: «И отец твой хороший, и мать твоя хорошая, и я ведь не торговец, а кустарь — сгореть моему дому, если не так!..» Куда там, и слушать не стал, сказал, что бязь

мою забирает в возмещение закята¹ за целый год, и ушел с ней. Что поделаешь! Вернулся я домой ни с чем. Жена и ребятишки, ждавшие меня с покупками, перепугались даже, так я был расстроен. Товар пропал, на душе скверно, работать — руки не слушаются. Конечно, что пропало, того не вернешь, а душа-то болит. Да и денег нет. Подумал я тогда: не написать ли жалобу? Посоветовался кое с кем, и мысль мою поддержали, сказали, что неподалеку живет писарь из дворца, который может написать жалобу. Терять так уж терять все, сказал я себе, взял полкуска бязи, которая еще оставалась, сунул под мышку и, расспрашивая по дороге людей, отыскал писаря. Застал я его в тот момент, когда он только что вернулся из дворца, халат снимал. Вижу: молодой, красивый джигит, поздоровались: «Здравствуй-те!» — «Здравствуйте!» Так вот и так, говорю, хотел бы написать жалобу небольшую, затем и пришел к вам. Вы же знаете, легче дожидаться конца света, чем объяснить свое дело дворцовому писарю, а у этого джигита никакой важности нет, совсем простой человек. Выслушал он меня. «Хорошо! — говорит. — Все будет в порядке». В прошении надо было указать имя сборщика налогов, а откуда я его знаю, я описал только внешность, — джигит сразу догадался, кто это был, и написал его имя. «Теперь, говорит, идите домой, я сам подам эту жалобу. Ответ через два дня получите здесь у меня». Вот как все просто было. Я поблагодарил его, протягиваю полкуска бязи «за перо». Не берет. «Эх, думаю, видно, мало». «Если, говорю, моя жалоба будет удовлетворена, я не останусь в долгу перед вами, господин писарь». Все равно не берет. «Вот беда!» — думаю. А он серьезно так говорит: «Я не беру платы за прошение, забирай свою бязь». Есть же такие люди, Самад-ака! Дай бог ему всего самого лучшего! Ну, как говорится: «Не берешь золото, прими благословение», — и я поднял руки для молитвы. Однако послушайте, что дальше было. На второй день, вечером, готовил я основу на станке, вдруг стучат в дверь. «Войдите!» Входит человек с бязью в руках.

— Вы — Сафар-бай?

— Да, я.

¹ З а к я т — подать, взимаемая мусульманским духовенством с верующих под видом «очистительной» милостыни для бедных.

- Вы подавали жалобу?
- Подавал.
- Как звали вашего отца?
- Мамат-бай.

Пришедший выложил передо мной бязь, ровно восемь кусков,— вся моя вчерашняя бязь.

- Получили вашу бязь?
- Получил.
- Прощайте!
- До свиданья!

Я, конечно, сразу понял, что это все хлопоты молодого писаря. Взял я по совету жены два куска бязи и отправился к нему. Вызвал его, выходит. Протягиваю ему бязь, благодарю, конечно, а он — ни в какую. «У меня, говорит, есть бязь, идите домой». Я тогда говорю: «Может быть, продать бязь и дать вам деньгами?» — «Нет, отвечает, и денег мне не надо, у меня свои есть». Ничего не захотел взять. Опять я его благословил и пошел домой со своей бязью. Ну, не ангел ли он, Шукурсуфи? Кому же и быть главным писарем, как не ему, Самад-бай! Благословение народа на нем. А благословение народа, как говорится, что озеро: «По каплям стекается, широко разливается». Правда ведь, ваша милость?

Имама всего передергивало, пока он слушал рассказ Сафара. Когда тот кончил, имам злорадно взглянул на зобатого Самада. Примолкший было Самад сразу вспылил:

— Лжешь ты, Сафар, и не поперхнешься!

Тот даже побледнел:

— Ей-богу, все правда, хочешь, поклянусь?

— Да какой же дурак не возьмет двух кусков бязи, которую ему принесли? Врать надо так, чтоб можно было поверить!

— Ей-богу, он не взял! — Сафар так взволновался, что даже встал со своего места.— Если я сказал неправду, я не мусульманин, а тот, кто мне не верит, не раб божий, а еретик и вероотступник!

Увидев, что Сафар рассердился не на шутку, имам вмешался в разговор:

— Добро сотворить всякий может, Сафар-ака,— сказал он,— поэтому я допускаю, что писарь сделал доброе дело. Но наш разговор здесь не касался его доброго

отношения к беднякам и вдовам. Мы говорили о том, сможет ли этот человек руководить всеми писарями во дворце, справится ли он с такими большими обязанностями.

— Верно, господин, — сказал Сафар-ткач, — бог даст, справится. Конечно, справится.

Имам, недоумевая, пристально посмотрел на Сафара:

— Почему вы думаете, что он справится?

— Бог его вразумит, таксыр!

— Почему?

— Благословение народа на нем, таксыр!

— Благословение народа — это хорошо, — сказал имам, — однако хватит ли у него знаний?

— Хватит, хватит, ваша милость!

Вся кровь сбежала с бледного лица имама, пестрые глаза-бусинки зловеще засверкали.

— Ты глупый мужик! — сказал он.

— А вы глупый мулла! — сказал Сафар-ткач.

Разгневанный имам вскочил и бросился бы на Сафара, если бы зобатый Самад не удержал его.

— Невежа, проклятие твоему отцу! — закричал Самад. — Разве говорят мулле такие слова?!

Сафар-ткач не смутился.

— Заткни глотку, зобатый, — крикнул он, — отпустика господина имама, пусть он подерется со мной!

— Ты что думаешь, я трушу?!

Имам отталкивал от себя Самада, делая вид, что рвется из рук.

Шукур-суфи словно остолбенел, а от Самада и вовсе нечего было ждать помощи имаму, — ведь он только на сплетни мастер.

— И ты еще смеешь приходить на молитву и становиться позади имама?! — воскликнул Самад.

— А если я уйду, разве отвяжешься от вас?!

— Не хочешь молиться, убирайся отсюда!

— Эх, вы!.. — сказал Сафар-ткач и пошел к выходу.

— Невежа! — пустил ему вслед имам, снова усаживаясь на свое место. — Сын проклятого отца!

Некоторое время все трое молчали.

— Не огорчайтесь из-за него, ваша милость! Это же собака!

Имам не ответил.

Подожли еще люди и присоединились к ожидающим. Шукур-суфи поднялся на минарет и стал сзывать верующих на молитву.

Все вошли в мечеть.

19. ЧЕЛОВЕК С ГРЯЗНЫМ ПРОШЛЫМ

Имам Абдурахман был очень расстроен. Между вечерней и ночной молитвами он ни с кем не промолвил ни слова. «Сколько лет проучились в священной Бухаре, и всего только имам махаллинской мечети. Видно, богу так угодно было, ваша милость!» Эти слова, сказанные Сафаром, как отравленный кинжал ударили его в сердце и разбередили старую рану. До сих пор эта рана была скрыта глубоко внутри, нарывала незримо, а вот сегодня этот неуч, ткач Сафар, безжалостно вскрыл ее перед этими бездельниками — зобатым Самадом и Шукуром-суфи — и тем подорвал авторитет имама. Это — одно, а другое — то, что Сафар сказал про Анвара: «Он, и не учась в медресе, станет главным писарем». Пламя зависти, тлевшее в груди имама, разгорелось и охватило его всего.

Почему же он так старался доказать непригодность Анвара на должность главного писаря, твердил об отсутствии у него образования, о неспособности его к управлению? Зачем он испортил себе настроение, затеяв спор с этим глупцом Сафаром? Даже если он хотел беспристрастно судить об Анваре, зачем было ему высказывать свое суждение невежде, неучу Сафару-ткачу? Такие вопросы задавал себе имам. Чтобы ответить на них, мы должны заглянуть в прошлое господина имама, иначе не сможем удовлетворить любопытство нашего читателя.

Лет двадцать назад теперешний наш имам-мулла Абдурахман назывался коротко и просто: Рахман. Отец его, хоть и был родом из духовного сословия, сам почему-то не стал священнослужителем, но все дядья Абдурахмана были известными мударрисами в священной Бухаре, где в свое время они сами получили образование. Отец Абдурахмана умер, когда сын был еще

маленьким ребенком, воспитывали его мать и родичи отца. До пятнадцати лет он учился в школе Салихмахдума, пока не получил письмо от одного из своих дядей с приглашением продолжать образование в Бухаре. В письме говорилось о том, что все их предки были учеными, а потому и ему следовало, не тратя зря времени на приобретение иной профессии, прибыть в Бухару и получить там высшее образование. Это приглашение очень понравилось матери Абдурахмана и его родным, решено было немедленно послать юношу в Бухару. Погруженный в сладкие мечты о том, как он станет ученым, знатоком законов ислама, мударрисом в каком-нибудь медресе, Абдурахман отправился в Бухару.

Старший дядя Абдурахмана был мударрисом медресе «Ходжа Порсо», к нему-то и прибыл юноша, чтобы получить высокие знания и необходимое воспитание. Дядя-мударрис мог бы дать ему келью в медресе, но он взял Абдурахмана к себе в дом и поместил его в своей михманхане. Так началось высшее образование Абдурахмана...

Стены дядиной михманханы не смогли уберечь Абдурахмана от разврата, царившего в то время в «священной» Бухаре. Абдурахман спутался с разгульными молодчиками купцами и тайно от дяди предавался кутежам. Тайна эта наконец была раскрыта. Дядя-мударрис, не стерпев позора, выгнал племянника из дому. Абдурахман раскаялся и просил дать ему возможность доучиться. Благодаря поручительству некоторых знакомых, он остался в числе учащихся и стал жить в медресе. Однако и в самом медресе среди студентов немало было охотников до разгульной жизни. И если в первые три года пребывания здесь Абдурахман «развивал свою нравственность» среди купцов, то в последующие два года эту его «нравственность» успешно «усовершенствовали» студенты медресе.

Но через некоторое время от него отшатнулись даже обитатели медресе. Тогда Абдурахман стал искать утешения в чайханах, среди всяких искателей приключений и наркоманов. Перо не в силах описать образ жизни, которую Абдурахман вел в последний период своего пребывания в Бухаре. Он прожил там еще около трех лет, и когда наконец распрощался со своей распутной молодостью, то был уже законченным развратником,

прожженным негодяем и бесшабашным кутилой. У него уже росли борода и усы, лицо стало похоже на лепешку, облепленную муравьями, и пинцет больше не мог помочь ему¹.

20. ОСТОРОЖНОСТЬ

Шождения недавнего прошлого теперь казались грязными уже и самому Абдуррахману, а в ближайшем будущем не видел он для себя ничего надежного и устойчивого. Несколько месяцев он был мрачен, подавлен и неохотно посещал занятия в медресе. Он пережил состояние тяжелого похмелья, от которого остается только душевная боль. Но он поборол эту боль и снова воспрянул духом. Засучив рукава, он весь отдался учению, поставив перед собой цель изучить в совершенстве «Толкования» Акайда².

Пережив этот период душевного разлада, Абдуррахман твердо решил строить свою судьбу без помощи пинцета для выщипывания волос, опираясь лишь на толкование священных книг, и свою единственную «идею» — заботу о собственном благополучии — облечь в ученые религиозные одежды. Пять лет он упорно высидел в сырой келье, заработав на всю жизнь худосочие и бледность, и к двадцати восьми годам окончил медресе. Видя перемену, происшедшую с Абдуррахманом, дядя-мударрис простил племяннику прежние грехи и даже на собственные средства устроил ему перед выпуском из медресе прощальную пирушку.

Готовясь к возвращению в Коканд, Абдуррахман был полон мечтаний об ожидавшей его там славе ученого, надеялся занять должность муфтия или казия. Ему казалось, что и вся родня готовится встретить молодого ученого с распростертыми объятиями.

Как влюбленный на свидание, спешил он домой и быстрее ветра домчался до своего города. Он думал, что весь Коканд соберется встречать его, на самом же деле у городских ворот его ожидали только три-четыре родственника да пара махаллинских стариков, известных

¹ Гомосексуалисты выщипывали себе волосы на лице, чтобы казаться юными.

² Акайд — учебник по мусульманской догматике, составленный Наджмудином ан-Насафи (1068—1142).

своей добротой. Это был первый удар, нанесенный сладким мечтам Абдурахмана.

Он приехал домой. Несколько дней он отдыхал и принимал визиты родных и знакомых, приходивших прочесть благодарственную молитву по поводу его возвращения. Но этого было слишком мало, если учесть, что демоны честолюбия оседлали его. К тому же все эти посетители были «голь перекатная», бедные родственники, студенты медресе да имамы из ближних кварталов. Не пришел никто из высшего духовенства, ни мударрисы, ни ученые законоведы, ни знатные беки, ни богачи не порадовали его глаз своим посещением. Это было вторым ударом для Абдурахмана.

Некоторые знакомые не посетили его, отговариваясь «недосугом», но он ждал, что, по обычаю, его пригласят на вечер, устроенный «в его честь». И эта надежда оказалась пустой. «Плыть из дома в дом, от угощения к угощению», как это рисовалось в мечтах, ему не удалось, пришлось ограничиться лишь приглашением нескольких бедных родичей, которые с трудом наскребли кое-что для угощения. Это был третий удар.

Не прошло и месяца, как приглашения вообще прекратились, теперь мулле Абдурахману приходилось довольствоваться лапшой, которой кормила его мать, бедная вдова. Ему не удалось стать ни мударрисом, как он мечтал в Бухаре, ни помощником мударриса. Даже получить должность имама махаллинской мечети оказалось не так-то просто. Хотели назначить его имамом мечети за два квартала от родного дома. Но и тут возникло препятствие: мулла Абдурахман был неженат, а это — нарушение обычая, ибо, по неписаному закону, имам мечети должен быть женатым человеком — тут благочестивые прихожане уступать не хотели. Тогда несколько друзей, сговорившись поделить между собой расходы по свадьбе, решили его женить. Мулла Абдурахман был назначен имамом мечети в соседнем квартале при условии, что женится в ближайшее время.

Нужда заставила его примириться с этой ничтожной должностью, все бухарские мечты развеялись как дым.

Сваты Абдурахмана хотели посватать за него дочь Салиха-махдума Рано. Во-первых, о красоте Рано шла молва в городе, во-вторых, Абдурахман уже был знаком с девушкой — он когда-то учился в школе ее отца,

и, в-третьих, женитьба молодого ученого на дочери своего бывшего учителя — это уже само по себе неплохо. Узнав, что Рано еще не вышла замуж, Абдуррахман решил, что это хороший знак. Он надеялся, что красота Рано за эти десять лет расцвела еще пышнее, и в мечтах уже обнимал ее стан. Он считал себя самым образованным среди сверстников-мулл и был уверен, что Салих-махдум рад будет сделать его своим зятем и что не нынче-завтра Рано окажется в его объятиях. Но судьба и в этом его обманула. Свахи принесли от Нигор-айм неутешительный ответ: дочь наша еще слишком молода, ей только что исполнилось двенадцать лет.

Не поверив женщинам, мулла Абдуррахман послал двух знакомых стариков к самому Салиху-махдуму. Эти сваты принесли ответ, еще более горький: «Оказывается, дочь Салиха-махдума помолвлена с молодым человеком по имени Анвар, который служит во дворце писарем. Не будь этой помолвки, Салих-махдум рад был бы выдать дочь за вас. Он весьма сожалеет...»

После такого ответа Абдуррахман проклял свою судьбу и затаил в сердце обиду. В нем родилась зависть к Анвару, который собирался жениться на Рано. Чтобы проверить, не обманули ли его, Абдуррахман стал наводить справки о писаре Анваре, служащем во дворце, и не только удостоверился, что все, сказанное ему, правда, но и сам вспомнил мальчика-сироту, учившегося у Салиха-махдума еще до отъезда Абдуррахмана в Бухару. Вот уже три-четыре года, как Анвар служит во дворце, получая в месяц несколько золотых жалованья. Узнав все это, Абдуррахман распалился еще больше. Он, ученый, окончивший медресе в Бухаре, с таким трудом устроился имамом в махалле, а какой-то невежда, безродный сирота, служит во дворце, загребает золото и еще хочет получить такую девушку, как Рано, — нет, этого нельзя стерпеть.

Приступив к исполнению обязанностей настоятеля мечети, мулла Абдуррахман взялся за дело с большим рвением, прилагая все свои знания. Каждый день он обращался к молящимся с пастырским словом. Каждую неделю, по пятницам, он произносил пространные проповеди и умел растрогать сердца своих прихожан. Эти проповеди, которые честолюбивый Абдуррахман произносил только ради того, чтобы возвыситься в глазах людей, обманывали и умиляли их. Слушать его проповеди

стали приходиться по пятницам из окрестных махаллей. Видя, что усилия его венчаются успехом, мулла Абдурахман раздувался от гордости и старался говорить еще проникновеннее, особенно если замечал среди молящихся какого-нибудь бека или человека, приближенного к хану. Тогда он оставлял в стороне вопрос об аде и рае и начинал говорить о смирении и послушании хану, об уважении к правителям. Он хотел прежде всего угодить хану и его людям и мало заботился о бедных своих прихожанах. Его старания принесли свои плоды: один из богатых торговцев, пленившись «могучей рекой его знаний», выдал за него свою родственницу. Сделавшись зятем богача, мулла Абдурахман стал завязывать связи с другими богатыми семьями города и, бывая на их празднествах, сводил знакомства с мударрисами и другими важными лицами и понемногу задирает нос. Теперь бы ему только приблизиться к придворным кругам!.. Но этого пока не удавалось достичь.

Читатель уже знает, что Абдурахман таил в душе злобу против Анвара,— понятно, какое он испытал беспокойство, узнав о предполагаемом возвышении соперника. Как? Этот невежда Анвар, вместо того чтобы быть изгнанным из дворца, получил такое повышение?!

Беспристрастное мнение большей частью никого не унижает. Пристрастные же суждения обычно позорят самого говорящего. Мулла Абдурахман проявил пристрастие в своем суждении об Анваре и за это получил справедливый отпор от Сафар-ткача.

Но как ни сильна была тайная злоба против Анвара в душе Абдурахмана, у него не было ни сил, ни возможности повредить сопернику. Вы, может быть, скажете: «Но ведь имам уже женился, Рано ему не нужна теперь, зачем же ему злобиться на Анвара?» Наивный вопрос. Обида началась с отказа Рано, зависть к Анвару еще больше ее усилила и только дала ей другое направление. «Вы столько лет учились в священной Бухаре и смогли стать только махаллинским имамом, а он, и не учась в Бухаре, стал писарем во дворце...» — сказал Сафар-ткач, и эти злые слова вновь воспламенили затухшую было ненависть. Если вы наивны, как Сафар-ткач, то, пожалуй, тоже скажете: «Как богу угодно, так все и будет». Значит, вы ничего не поняли. Трудно понять людей, подобных Абдурахману, а лучше их вовсе не понимать.

21. ЦЕРЕМОНИЯ ВРУЧЕНИЯ ГРАМОТЫ

же с утра все знали, на чье имя выписана грамота. К Анвару, сидевшему, как обычно, за работой в дворцовой канцелярии, то и дело подходили писаря и другие служащие, тихонько поздравляли его и отходили. Анвар молча выслушивал эти поздравления и, как всегда, готовил бумаги для хана, разбирал прошения и письма областных управителей, отделяя срочные и важные от менее значительных, чтобы передать их удайчи¹. Некоторые бумаги он передавал для переписки сидевшим в соседней комнате писцам и муфтиям, перед которыми стояли чернильницы с перьями.

В комнате главного писаря, кроме Анвара, находились еще два письмоводителя. Как пригвожденные к столу, скрипя камышовыми перьями, молча водили они ими по бумаге. Один из них сидел насупившись — это был муфтий Шаходат, имя которого тоже было в представленном хану списке кандидатов на должность правителя канцелярии. Другой писарь, по имени Калоншах, мечтал, что правителем будет назначен его друг, поэт Мадхий. В соседней же комнате сидели человек пятнадцать писарей, и настроение у них было разное: кое-кто, вроде Султанали, улыбался и шутил с соседом, другие, подобно муфтию Шаходату, имели вид людей, «надевших халаты наизнанку».

Поведение писарей, сидевших с ним рядом, несколько смущало Анвара, и, просматривая бумаги, он иногда поглядывал на них. Но двое сидевших напротив молчали, будто рот залепили воском.

— Сегодня с утра надо мной все подшучивают, будто бы меня назначают правителем канцелярии, — сказал наконец Анвар.

Муфтий Шаходат окунул раз и другой камышовое перо в чернильницу и ответил:

— Ничего удивительного, если так и будет...

— Да что вы, — сказал Анвар, откладывая в сторону бумаги, — ведь я только временно занялся этими делами, чтобы не было задержки, и только потому, что вы были в отсутствии, разъезжая по кишлакам. С завтрашнего

¹ Удайчи — церемониймейстер при дворе кокандского хана.

дня вы снова займетесь всеми делами, ваша милость. Мне уже надоели эти шутки!

Муфтий Шаходат почесал пером свою внушительную седую бороду, которая закрывала всю его грудь.

— А может быть, это и не шутки,— сказал он, скрывая раздражение.— Вы молоды, неутомимы, знания у вас большие. А мы давно работаем в канцелярии, устали...

— Все это шутки,— решительно сказал сидевший рядом с муфтием Калоншах, не подымая глаз от писанья,— не надо обращать на них внимание.

Анвар уже поверил поздравлениям, а называл их «шутками» лишь потому, что хотел как-то сгладить создающуюся неловкость. Слова Калоншаха были ему неприятны, он почувствовал в них явную враждебность. В это время из приемной показался удайчи и, остановившись в дверях, позвал:

— Мирза Анвар!

Анвар, взяв в руки бумаги, приготовленные для хана, встал с места.

— Бумаги готовы... Я уже собирался послать их вашей милости.

Удайчи покачал головой.

— Оставьте пока дела,— сказал он, кивнув на бумаги,— следуйте за мной.

— Куда, ваша милость?

— К его величеству!

Писаря переглянулись. Муфтий Шаходат, побледнев, посмотрел на Калоншаха. Анвар, удивленный, стоял с бумагами в руках. Удайчи снова позвал его:

— Я вас жду, Анвар!

Анвар положил бумаги на стол и последовал за удайчи.

Хан сидел на троне. Справа от него на скамье — Абдурахман-афтобачи¹, слева — поэт Нияз-дамулла² со скрещенными на груди руками. По обеим сторонам двери, ведущей в покои хана, стояли как статуи два палача с алебардами в руках, а вдоль стен сидели высшие сановники хана, придворные беки.

¹ Афтобачи — дословно: подающий сосуд для омовения; придворное звание.

² Дамулла — человек, известный своей ученостью; преподаватель медресе.

Удайчи вошел в священные покои и поклонился.

— Позвал? — спросил хан.

— Да, ваше величество!

— Разрешаем ему войти!

Удайчи поклонился и, пятась задом, вышел, а затем ввел в священные покои Анвара. Остановившись в дверях, Анвар отвесил низкий поклон хану, поклонился и сидящим возле него.

— Как дела, писарь? — спросил хан.

— Вашей милостью, повелитель! — сказал Анвар.

Хан поглядел на дамуллу Нияза.

— Этот джигит, кажется, самый способный среди наших писарей, — сказал он.

Дамулла Нияз поклонился:

— Под вашим мудрым руководством, о царь царей!

— Мы решили назначить этого джигита нашим главным писарем, — сказал хан, взял грамоту и, протянув ее дамулле Ниязу, приказал: — Читайте, дамулла!

Дамулла Нияз встал с места, взял бумагу и поцеловал. Абдуррахман-афтобачи, а за ним и дворцовая знать — все сразу встали.

Дамулла Нияз стоя начал читать грамоту:

— «Во имя бога всевышнего! Воле божьей повинуйтесь все мусульмане! Слушайте приказ сына великого султана и ныне царствующего султана нашей Ферганской страны сейида¹ Худояра-хана!

В третий год нашего правления и третьего восшествия на престол — в год тысяча двести восемьдесят седьмой хиджры², месяца сафара двадцать пятого числа — дали мы эту грамоту кокандцу мирзе Анвару затем, чтобы вышеназванный ученый писарь Анвар, сын Салим-бая, следуя законам великого шариата, честно выполнял полностью обязанности главного ханского писаря в чине дворцового бека. Чтобы, выполняя нашу царскую волю, он не обманул нашего доверия, всегда был на страже против измены и нарушения законов шариата, не затемнил зеркала нашей справедливости, денно и ночью рас-

¹ Сейид (сайид) — мусульманин, возводящий свою родословную к пророку Мухаммеду. Придавая особое значение этому титулу, кокандские ханы ставили его впереди остальных своих званий.

² То есть 28 мая 1870 года.

следовал бы жалобы и прошения нашего народа, был к ним внимателен и справедлив.

К грамоте прилагается послание о том, что вышеназванное лицо является административной властью, коей подчинена дворцовая канцелярия.

Данную грамоту мы скрепили нашей царской печатью».

Окончив чтение грамоты, дамулла Нияз приложил ее ко лбу и обеими руками поднес Худояру.

Худояр взял грамоту и кивком подозвал Анвара, который стоял перед ним, наклонив голову. Анвар подбежал, взял грамоту, поцеловал ее, воткнул в чалму и, пятясь задом, вернулся на прежнее место.

Дамулла Нияз вознес благодарственную молитву:

— Да богатеет день ото дня государство царя царей!
Да склонят перед ним враги свои головы! Да будет всегда благословение божье над ним, чтобы он осенял нас своей милостью!

Господь, охраняющий нас от бед!
Напасть отгоняющий, льющий свет!
Даруй нам победу во славу пророка!
О боже! Пошли нам победу побед!

В ответ отовсюду, особенно из передней, раздалось громкое: «Аминь! Амины!» Эхо этих возгласов потрясло священные покои.

Удайчи принес два халата, один, парчовый, надел на дамуллу Нияза, другой — из черного бархата, в каком полагалось ходить главному писарю, — надел на Анвара. Облачившись в парчовый халат, дамулла Нияз снова стал восхвалять повелителя, сочиняя славословия и молитвы, уподобляя его в щедрости легендарному Хатим-Таю¹, а в справедливости сравнивая с иранским царем Нуширваном². На этом церемония закончилась.

Анвар, пятясь задом, тихонько выбрался в переднюю, окунулся в гул приветствий находившихся там придворных и вышел из ханских покоев.

¹ Х а т и м - Т а й — герой арабских сказаний, отличившийся необычайной щедростью.

² Н у ш и р в а н (Хосров I Ануширван, 531—579) — государь Ирана из династии Сасанидов, в позднейших преданиях выдававшийся за образец справедливости.

Когда Анвар вернулся в канцелярию, все младшие и старшие писаря встали с мест — приветствовать своего нового начальника. Даже на лицах тех, кто не хотел его назначения, теперь не было и следа прежнего «недоумения». Сам муфтий Шаходат первый раз в жизни поднялся с места, приветствуя Анвара.

— Поздравляю, поздравляю! Честь и слава, мирза Анвар! — сказал он.

Пусть не удивляет читателя такая перемена в людях, совершившаяся в какие-нибудь полчаса, причина тут простая и всем известная. Ведь главный писарь — хозяин в канцелярии, начальник даже для таких, как муфтий Шаходат, хоть у него и борода по пояс. Начиная с этого часа, судьба всех их в руках этого человека.

Анвару было неловко от всех этих искренних и лицемерных поздравлений. Взяв в руки торчавшую в чалме грамоту, он, как бы удивляясь самому себе, оглядел окруживших его писарей.

— Волей его величества, — сказал Анвар, обращаясь к ним, — я вынужден принять на себя тяжелую и ответственную обязанность. Я принял ее не потому, что слишком уверен в себе, но потому, что надеюсь опереться на всех вас, моих отцов и братьев. Я думаю, что вы не заставите краснеть вашего младшего брата, взявшего на себя такую ответственность, и будете милостивы ко мне... Я выучился здесь многому с вашей помощью, вы были моими учителями. Теперь я назначен руководить вами, но это не имеет большого значения. Я хочу, чтобы вы и дальше относились ко мне просто, как к вчерашнему Анвару, и не обижали меня преувеличенными почестями. Ведь простое обращение — признак доброжелательства и дружбы.

— До нынешнего дня мы вас уважали не потому, что вы были воспитанником покойного Мухаммеда Раджаба, — сказал в ответ Султанали, — мы уважали ваши знания и талант. И в дальнейшем мы будем уважать вас не потому, что вы главный писарь хана, а за то, что вы мирза Анвар!

Муфтий Шаходат посмотрел на Султанали исподлобья, заложил под язык щепотку насвая, отошел и сел на свое место.

— Вы всегда смущаете меня, преувеличивая мои до-

стоинства, Султанали-ака,— сказал Анвар.— Мне дороги не похвалы, а ваше уважение, повторяю опять. Так пусть же оно выразится в простом и братском отношении ко мне.

Совершив благодарственную молитву, все вновь приступили к своим занятиям. Анвар стал снимать свой бархатный халат, но к нему подошел Султанали.

— Мирза Анвар, вам следует теперь пойти домой!

— Почему?

— Сейчас по городу пойдет глашатай и объявит народу о даровании вам грамоты. К вам домой придут люди поздравить вас...

— Во-первых, у меня нет своего дома. Во-вторых, у меня нет знакомых, которые пришли бы поздравить меня,— сказал Анвар, махнув рукой,— так что не беспокойтесь на этот счет!

— Как вы еще молоды, Анвар!

Вместо ответа Анвар улыбнулся и, усевшись на свое место, принялся разбирать бумаги.

22. АДРАСОВЫЙ ХАЛАТ И ГОРЯЧИЕ ЛЕПЕШКИ

Шошел второй час после дарования грамоты новому начальнику дворцовой канцелярии, и весть об этом разнеслась по всему городу.

Дворцовый глашатай громко кричал на базарах и на перекрестках улиц, оповещая народ о совершившемся:

Да слышит неслышавший!.. Кончил свой век
Почтенный мулла Мухаммед Раджаббек!
Но роза в саду распустилась пышной,
К нам звонкоголосый слетел соловей.
С мирзою Анваром сравню ли кого?!
Ни с чем не сравнимо его мастерство,
Богатый язык, удивительный дар..
Пожалован грамотой шаха Анвар!..
Он мысль излагает столь плавно и ясно,—
Пусть счастье с ним пребывает согласно!
Кто шаху великому предан душой,
Тот славы достоин и чести большой.
К тому потечет за наградой награда,
Того ожидают почет и услада..

Городское духовенство и знатные люди, еще вчера с насмешкой относившиеся к слухам о назначении Анвара, теперь, узнав, что это совершилось, возмущенно хватили себя за ворот: «Какое неразумие, прости господи! Такие почести — и кому? Какому-то неизвестному, без роду и звания?»

Бедняки кустари по этому поводу говорили: «Э, кто бы там ни был, лишь бы справедлив был! Не правда ли, Мамар-айм, а?» И возвращались каждый к своим заботам. А те, кто, подобно Сафару-ткачу, уже имел случай узнать доброту Анвара, были очень обрадованы новостью.

— Этот джигит вознесен по заслугам, — говорили они. — Хорошо, что он назначен, — и хвалили нового главного писаря.

Хотя Салих-махдум ожидал назначения Анвара, все же он растерялся. Задержав джигита, пришедшего получить суюнчи за принесенную радостную весть, махдум тут же приказал двум своим ученикам быстро подмести михманхану, а всех остальных школьников распустил. Поспешно вошел он в ичкари и позвал Нигор-айм, которая занималась со своими ученицами.

— Открой-ка свой сундук, пришел человек от Анвара! — сказал он.

Нигор-айм сначала не поняла мужа.

— Какой человек от Анвара? Зачем открывать сундук?

— Ну и глупая же ты женщина, — взволнованно отвечал махдум. — Анвар получил ханскую грамоту, пришел джигит получить суюнчи за эту весть. Открой сундук и вынь ему что-нибудь, да поторапливайся!

Нигор-айм заторопилась, стала метаться по комнате, ища ключ от сундука, а махдум стоял в передней, сердился и бранил ее. Ключ все не находился, терпение махдума лопнуло, он вошел в класс и позвал Рано.

— Нашла, наша! — закричала Нигор-айм.

Махдум вернулся к ней. Нигор-айм открыла сундук.

— Какой халат достать?

— Бязевый вынь.

В эту минуту вошла Рано. Махдум посмотрел на дочь и засмеялся.

— Ну, дочка, счастье тебе,— сказал он,— твой брат Анвар стал главным писарем во дворце!

Рано отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

— Зачем вы меня звали?

— Хотел спросить, где ключ от сундука, да он уже нашелся.

Нигор-аим достала из сундука бязевый халат и показала мужу:

— Годится такой?

— Годится, годится, давай его сюда!

Нигор-аим осмотрела халат с сомнением:

— Удобно ли вестнику из дворца дарить такой халат?

Рано тоже безгливо посмотрела на халат.

— Нельзя такой дарить, стыдно!

Махдум задумался.

— Ну что ж,— сказал он неуверенно,— тогда возьми адресовый, но попроще.

Нигор-аим вынула адресовый халат. Махдум стал его рассматривать на свету.

— Нет, жалко адресовый,— сказал он, складывая бережно халат,— давай бязевый!

— Чем бязевый дарить, лучше уж совсем ничего не давать. Неужели вы хотите, чтобы брат Анвар краснел из-за какого-то пустяка?

К Рано присоединилась Нигор-аим:

— Не надо, чтобы Анвар краснел из-за нас!

— Но ведь жалко, жаль отдавать этот! — сказал махдум, поворачивая в руках шелковый халат; на лице у него уже не было радостного волнения, только жадность.— Ведь это расточительство, дочь моя, расточительство! Ты только взгляни, какой плотный шелк, какие в нем крепкие нити!

— Тем лучше,— сказала Рано,— честь и уважение к человеку дороже самых крепких шелковых нитей.

— Ну, ладно, ладно,— сказал махдум, прощаясь с адресовым халатом.— Ты отпусти сейчас же учениц, Нигор-аим, расстели скатерть, вскипяти чай. Возможно, придут люди поздравлять. А ты, дочка, не можешь, что ли, голову помыть, чтоб выглядеть по-человечески?

Сказав это, махдум вышел. Рано засмеялась, закрыв лицо руками. Нигор-аим окликнула мужа.

— Муженек! — сказала она. — У нас все лепешки черствые. Замесить тесто времени нет. Надо бы купить на базаре горячих лепешек.

Эти слова после того, как он уже и адрасовый халат отдал, подействовали на махдума так, будто ему на рану посыпали соли. Он остановился посреди двора, почесал голову, прищурил глаз и посмотрел на жену.

— Очень черствые?

— Как камень. Разломить силы в руках не хватит.

Вот еще напасть! У Салиха-махдума язык не поворачивался сказать: «Хорошо, я куплю лепешек», — он только опустил голову и ушел на мужскую половину. Своими собственными руками он надел адрасовый халат на джигита, ожидавшего в михманхане, и взглядом, полным сожаления, проводил его до самых ворот, даже позабыв спросить, когда придет Анвар. Обругал дураком и собакой мальчишку, который подметал двор, не полив его предварительно, и поднял тучу пыли. На другого мальчика, расстилавшего одеяла в михманхане, поворчал за нерасторопность.

— Сбегай на базар! — сказал махдум мальчику, когда тот, расстелив курпачи, приготовил места для гостей. — Там под большой ивой лавка пекаря Савура. Скажи ему: «Махдumu-дамулле нужны горячие лепешки — двадцать штук». Спроси, сколько будет стоить, и скорей возвращайся. Скажи, что это для махдума-дамуллы, чтоб подешевле взял, деньги будут уплачены наличными. Скажи еще, что к новому главному писарю придут гости из дворца... Беги!

Отправив мальчишку узнать, сколько стоят лепешки, он вышел во двор. Школьник, которого Салих-махдум обругал за поднятую пыль, теперь так обильно полил двор, что он покрылся грязью. Махдум опять выбралил мальчика, велел полить улицу перед воротами и пошел в ичкари.

— Хорошо, что отпустила учениц, — сказал махдум Нигор-айм, — но почему все-таки ты не позаботилась о лепешках? Ведь мы ждали, что он получит грамоту... И мука у нас есть... вот дура! А ну-ка, покажи мне, какие у тебя лепешки?

Рано по приказанию матери достала из ящика несколько лепешек и дала отцу. Лепешки разного сорта и

вида были сухи, как щепки. Как ни старался махдум, не мог разломить ни одной. Рано, отвернувшись, рассмеялась. Наконец махдум, напрасно провозившись с лепешками, сам засмеялся:

— Засохли, чтоб им пропасть! Слишком жаркая стоит погода, а, Рано?

Рано громко расхохоталась в ответ. Нигор-аим тоже улыбнулась.

— Вчера я хотела поставить тесто, а вы сказали «не надо». Нам-то что, а вот Анвару, после целого дня работы, каково? Он столько тратит денег на хозяйство, а мы даже свежей лепешки ему не даем.

— Я уж послал за горячими лепешками! — сказал махдум, отдавая Рано черствые лепешки. — Раз ты считаешь, что Анвару нужны свежие лепешки, с сегодняшнего дня пеки для него понемножку. А мы и черствые съедим, размочим их в чаю — и все!

Нигор-аим давно уже, хотя махдум и не приказывал ей, тайком пекла лепешки для Анвара и Рано, но сегодня у нее осталось всего две.

Решившись наконец купить свежие лепешки, махдум ушел в михманхану, дал вернувшемуся мальчику несколько монет и приказал принести лепешки, причем обязательно проследить, чтобы нижняя корочка не пригорела.

Хотя Анвар и считал, что у него нет «своего дома и близких знакомых», посетители с поздравлениями не замедлили явиться. Когда пришли и вторые и третьи, махдум послал человека к Анвару звать его домой. До самого позднего вечера приходили люди поздравить Анвара. Пришли даже те духовные лица и знатные беки, которые совсем недавно хватали себя за воротник от возмущения и смеялись над невежеством Анвара, — именно они-то теперь и спешили явиться с поздравлениями. Ведь такие люди всегда стараются приспособиться к обстоятельствам, быстро примиряются со всякой переменой и находят для себя удобный выход из любого затруднения. На лицах этих знатных поздравителей Анвар читал лицемерие, жадность, дьявольскую хитрость. Только у бедняков он видел простосердечное доброжелательство.

23. КНИЖНОЕ СЛОВО

Это было перед вечерней молитвой. Махдум стоял у ворот, согнувшись вдвое в низком поклоне — провожал одного из мударрисов, приходившего с визитом. Уже попрощавшись и сделав несколько шагов, мударрис стал топтаться на месте и откашливаться.

— Да, мулла Салих, я забыл вам что-то сказать! — промолвил мударрис.

Салих-махдум с готовностью подбежал к нему.

— Мне было неудобно самому говорить мирзе: если у него окажется нужда в толковании какой-либо книги или еще в чем-нибудь подобном, пусть он не обходит меня... Прошу вас, передайте ему мою просьбу.

— Хорошо, хорошо!

— Надеюсь, вы не забудете?

— Будьте спокойны!

У махдума, в течение нескольких часов принимавшего подобные поручения от разных должностных лиц, уже мозги раскисли. Приняв еще и эту просьбу мударриса, он проводил посетителя. Тут он увидел Сафараткача, который в кое-как повязанной чалме, шлепая кавушами на босу ногу, направился от ворот на мужскую половину дома.

— Ну-ну, братец! — остановил Сафара махдум. — Куда это вы направляетесь?

Махдуму уже успели надоесть посетители, даже беки и богачи, не говоря уже о бедняках. К тому же лепешки пришлось покупать вторично, и это тоже его расстроило. Сафар-ткач, остановясь у входа, обернулся, посмотрел на махдума.

— Что вы сказали, господин?

— Спрашиваю, куда это вы путь держите?

— Я услышал, что брату Анвару бог дал почетную должность, вот и иду повидать моего дорогого брата.

— Это любезно с вашей стороны, но он сейчас очень устал. Помолитесь за него дома — и хватит!

Сафар-ткач почесал затылок и опять взглянул на махдума.

— Я только повидаюсь с ним и уйду. Мне же ничего не надо, господин!

Махдум преградил путь Сафару:

— Нет, вы только его рассердите!

— Жертвой мне пасть за мирзу Анвара! — сказал Сафар-ткач, протискиваясь вперед. — Не такой он человек, чтобы рассердиться. Он простой человек, пусть ему всегда в жизни везет. Вот вы сейчас сами увидите, что он очень дружен со мной!

Махдум уже начинал сердиться.

Сафар-ткач пристально поглядел на него и улыбнулся.

— Вот увидите, как он со мной дружен! — повторил он и, не обращая внимания на махдума, направился в дом. Он уже несколько раз бывал у Анвара, знал, где михманхана, и не нуждался, чтоб его провожали.

Анвар беседовал в михманхане с Шахидбеком и другим человеком, по виду военачальником. Увидев Сафара-ткача, Анвар встал ему навстречу. Они поздоровались радостно, как давние друзья. Сафар-ткач со слезами на глазах поздравил Анвара. Анвар усадил его рядом с собой. Сафар-ткач произнес фатыху, но оба бека едва подняли руки, присоединяясь к ней.

— Ну что, не беспокоит вас больше сборщик налогов? — спросил, смеясь, Анвар.

— Слава богу, благодаря вашему заступничеству, мирза!

— А как идет торговля?

— Ничего... во всяком случае, идет понемножку, братец.

В это время снаружи послышался голос махдума, приглашавшего кого-то войти. Разговор между Анваром и Сафаром-ткачом оборвался.

Мулла Абдурахман, войдя в переднюю, сразу увидел своего «приятеля» Сафара, сидевшего рядом с Анваром, и побледнел — желтое лицо его стало совсем белым, — в таком состоянии он шагнул в михманхану.

Беки, не двинувшиеся с места, когда вошел Сафар, при появлении муллы Абдурахмана встали. Махдум познакомил Анвара с муллой Абдурахманом.

— Может быть, вы вспомните, мирза Анвар, — сказал махдум. — В тот год, когда вы пришли в мой дом, ваш брат, мулла Абдурахман, тоже учился в нашей школе.

— Я помню. Здоровы ли вы, таксыр?

— Слава всевышнему! — сказал мулла Абдурахман, исподлобья кинув взгляд на Сафара-ткача. — Поздравляю вас с высоким назначением.

— Спасибо, таксыр! Прошу садиться!

Сели, произнесли фатыху, поговорили о том о сем. Любопытное получилось совпадение! Мулла Абдурахман был так смущен неожиданной встречей, что толком не мог поздравить Анвара и все поглядывал на этого «олуха» Сафара. Некоторое время все сидели молча, потом Анвар пригласил всех к дастархану. Шахидбек старался втянуть в разговор муллу Абдурахмана:

— А какой пост занимает ваша милость?

— Имам, настоятель мечети,— сказал Абдурахман и метнул искоса взгляд на Сафара,— со времени приезда из Бухары нахожусь при мечети... еще занят немного в медресе...

— Очень хорошо. А в какой махалле вы служите имамом?

— В нашей махалле,— вмешался в разговор Сафар-ткач.— Знаний у нашего имама как воды в реке, ведь он в Бухаре учился.

Шахидбек, чтобы что-нибудь сказать, опять повторил:

— Очень хорошо!

— И правда, говорят, у муллы Абдурахмана обширные познания, я тоже так слышал,— сказал махдум.

Сафар-ткач, словно наперекор мулле Абдурахману, снова заговорил:

— Слов нет, знаний у их милости много, только судьба у них несчастливая. Ему бы мударрисом быть, судьей, писарем,— способностей у него на это хватило бы... Только не везет ему! Вот теперь, может, мирза Анвар позаботится о нем и устроит на какое-нибудь место во дворце, тогда и их милости коснутся лучи солнца! Он и сам ведь еще неделю назад молился за моего мирзу... Не так ли, таксыр?

Мулла Абдурахман готов был провалиться сквозь землю. Он вытер пот со лба, беспокойно оглянулся вокруг и выговорил глухим голосом:

— Да, так!

Махдум подумал, что Сафар-ткач был подучен муллой Абдурахманом замолвить за него словечко перед Анваром.

— Мулла Абдурахман свой человек,— сказал махдум.— Конечно, мирза Анвар постарается сделать для него все возможное.

— Можно бы его и писарем взять во дворец,— сказал второй бек.

Анвар молчал, не считая удобным давать такие обещания. Мулла Абдуррахман все время вытирал пот с лица. А Сафар-ткач, думая, что теперь он загладил свою недавнюю грубость по отношению к имаму, все старался перехватить взгляд муллы Абдуррахмана, чтобы увидеть — доволен ли тот. Посидев еще немного, беки собрались уходить и стали молиться. Имам, сидевший неподвижно и боявшийся только одного: как бы Сафар-ткач не стал дальше распространяться,— присоединился к бекам. Сафар-ткач тотчас же произнес фатыху в честь Анвара и последовал за имамом. Он хотел по пути окончательно загладить перед муллой Абдуррахманом свою недавнюю грубость.

Все четверо попрощались с Анваром и ушли. Пройдя шагов тридцать со всеми вместе, Шахидбек повернул к своему дому. Немного погодя и второй бек свернул на другую улицу. Тогда Абдуррахман, вовсе не желая идти со своим «другом» Сафаром, прибавил шагу. Но и Сафар-ткач пустился во всю прыть, догнал имама и пошел рядом с ним. Имам страшно разозлился, остановился по середине дороги и обратил на Сафара взгляд бешеного кота:

— Что же вы остановились, шагайте!

Сафар-ткач, не заметив сразу, что Абдуррахман остановился, проскочил с ходу на два-три шага вперед.

— Вместе пойдемте, ваша милость!

— Я не желаю с вами идти, убирайтесь прочь!

Сафар-ткач, не понимая, в чем дело, помолчал немного.

— Но почему же, ваша милость?

— Еще спрашивает, болван,— почему?!

— Если верить вашим проповедям, то мусульманин не должен таить в сердце обиду дольше того времени, какое требуется, чтобы постирать и высушить платок,— сказал Сафар-ткач,— а мы с вами вот уже четыре дня носим на горбу шайтана... Довольно уж, ваша милость!

— Господи боже мой! — воскликнул имам.— Да вы в тот день наговорили на меня столько, что в четыре дня не забудешь.

— Шайтан попутал, ваша милость! — сказал Са-

фар.— Но ведь, в конце концов, вышло все по-моему, а я разве что-нибудь говорю? Я только хочу, чтобы мы не хранили друг на друга обиды в сердце!

Мулла Абдурахман, восклицая «о господи!», зашагал дальше. Сафар-ткач пошел рядом с ним, умильно сложив руки на животе.

— Если вы изгнали из своего сердца обиду, это хорошо,— сказал имам, идя впереди.— Но зачем же вы опять стали при всех болтать невесть что?

— Я же ничего, кроме хорошего, не сказал. Я только хвалил вашу ученость.

— И больше ничего не сказали?!

— Да что же такого я сказал? Хоть много знаний, да удачи нет, сказал я. Разве это неправда?

— Я вас не уполномочивал просить у мирзы для меня работу!

— Конечно, вы мне такого поручения не давали... Но до каких же пор будут даром пропадать ваши познания, если вы весь век будете имамом в нашей мечети?! В конце концов, польстивши то одному, то другому, вы тоже можете устроиться на хорошее место, таксыр.

— Господи боже мой! Да, может быть, мне моя служба в мечети дороже целого царства!

— Э-э, черта ли в ней! — сказал Сафар-ткач.— Оставьте этот разговор, таксыр, будем говорить о деле. Неужели кто-нибудь из городских мударрисов отказался, если бы его назначили писарем во дворец?.. Ведь я для того и сказал мирзе Анвару, что вы «молились за него», чтобы он устроил вас на службу во дворец, об этом-то вы догадались, братец?

— Господи боже мой! — сказал имам.— Разве я молился за него?.. Для чего эта ложь?

— Хоть вы и имам, а все же, видно, еще молоды,— засмеялся Сафар.— А что, если бы я сказал правду, объявил, что назначение Анвара главным писарем не по душе нашему имаму,— вы были бы довольны тогда, хе-хе-хе?.. Нет, ваша милость, вы и сами, наверное, учили в Бухаре, что в двух случаях можно говорить неправду: во-первых, в делах семейных — между мужем и женой; во-вторых, когда нужно помирить двух правверных. Мой учитель, царство ему небесное, когда-то читал мне об этом из какой-то ученой книги. Эти слова

мне крепко запомнились. И если теперь я сказал неправду, то ведь я сделал так, как учила книга — хотел помирить двух правоверных.

Мулла Абдурахман не нашелся что ответить. Сафар-ткач победил его этим «книжным словом». Так дошли они до мечети. Сафар-ткач окончательно изгнал из своего сердца обиду. Он зашел в мечеть, чтобы, стоя позади муллы Абдурахмана, совершить вечернюю молитву. У входа в мечеть среди ожидавших прихожан были и Шукур-суфи с Самадом-букаком. Удивленный появлением Сафара-ткача вместе с имамом, Самад толкнул ткача и спросил:

— Вы что, помирились?

— Обида, говорят, должна пройти, пока выстираешь и высушишь платок,— сказал Сафар-ткач.— Мы с имамом идем сейчас из дома нашего главного писаря, где мы были в гостях. Ты слышал, что грамоту получил мой мирза?

Самад молча отвернулся. А Шукур-суфи стал читать славословие перед началом вечерней молитвы.

24. ТАЙНА ПОЭТА

В течение ближайших пятнадцати дней михманхана махдума превратилась в настоящую канцелярию. Все, кто хотел подать прошение во дворец, даже должностные лица, предварительно приходили к Анвару спросить его совета. Управлять дворцовой канцелярией днем, а утром и вечером принимать посетителей дома было, конечно, утомительно. Но так уж повелось издавна, и потому Анвар вынужден был принимать просителей и на дому. Правда, бедные люди не доставляли ему больших хлопот, зато беки, духовные лица и баи причиняли много неприятностей. Бедняки приходили советоваться по важным делам: например, просили освободить от налога ввиду крайней бедности или искали защиты от какого-то бека, который притеснял их, и т. п. А богатые и знатные приходили с иными просьбами: один мударрис не поладил с другим и хотел, чтобы Анвар по этому поводу что-то шепнул на ухо высокому начальнику; богатый купец жаловался на бедность и то-

же хотел, чтобы его освободили от налогов; сборщик налогов, стараясь обелить себя, кляузничал на другого и обещал «отблагодарить» Анвара, если тот ему поможет. Эти назойливые посетители вызывали у Анвара и возмущение и смех, он и смеялся и сердился, но, пока ему удавалось отделаться от них, он совсем выбивался из сил.

Насколько эти посетители досаждали Анвару, настолько же они доставляли удовольствие махдumu и тешили его гордость; он сам принимал их в михманхане, когда Анвар был еще во дворце, и до его возвращения успевал получить от них всяческие поручения.

Зато бедняков махдум встречал так же неприветливо, как когда-то встретил Сафара-ткача; он прямо не выносил тех, кто приходил в старом халате, и старался поскорее выпроводить их за дверь: «Мирза сегодня не вернется из дворца... у него нет времени выслушивать вас, не будьте назойливы». Если он видел, что Анвар сидит с каким-то бедняком и ласково беседует с ним — «нежничает», махдум злился и вспоминал арабскую поговорку: «Все возвращается к своей первооснове», — потому что «простонародье всегда останется простонародьем», или: «Что впитано с молоком матери, того не изгнать из тела до самой смерти». И махдум с отвращением уходил подалее.

До последнего времени он не спешил со свадьбой Анвара и Рано. На это у него были свои причины. Он знал, что Анвар крепко любит Рано, и, значит, за жениха мог не беспокоиться. Главное же, почему он откладывал свадьбу, — ему хотелось как можно дольше вытягивать у Анвара деньги. Ведь когда свадьба будет сыграна и Рано выйдет за Анвара, приток золотых может прекратиться.

Но, когда Анвар получил должность главного дворцового писаря, махдум призадумался, стоит ли ему держиваться прежней «политики»? Ведь имя Анвара теперь гремело на весь город; духовенство, ученые, беки и сыновья беков — все знали Анвара, каждый из них с удовольствием выдал бы за него свою дочь и назвал бы его своим зятем. А раз так, можно ли тянуть со свадьбой? Поневоле на двадцатый день после назначения Анвара махдум, посоветовавшись с Нигор-аим, решил обратиться к Султанали и просить его, чтобы он

поговорил с Анваром и получил его согласие на брак с Рано.

Вечером Анвар собирался покинуть дворец и пойти домой. Хан отпустил придворных и ушел в свои покои, дневные служащие разошлись по домам, остались только ночные дежурные, ханская стража и постоянные дворцовые слуги. Анвар и мирза Султанали, задержавшиеся позже всех в канцелярии, тоже наконец вышли из дворца. Дворцовые ворота закрылись за ними.

Султанали довольно хорошо знал характер и убеждения Анвара, но все же душа молодого человека была для него загадкой. Анвар никому не раскрывал своего сердца, никогда ни словом не обмолвился о своей любви к Рано. Султанали думал, что Анвар живет у махдума только потому, что у него нет своей семьи, что с детства он рос в этом доме; однако после утреннего разговора с махдумом истинные причины этого стали ему ясны, особенно когда махдум без всякого предисловия сказал: «Мы желаем видеть нашу дочь женой Анвара, просим вас передать Анвару, что думаем готовиться к свадьбе и хотим получить его согласие!» И то, что махдум прямо поставил вопрос о сроке свадьбы, многое открыло Султанали.

Возвращаясь из дворца, Султанали и Анвар разговорились дорогой.

— Послушайте моего совета, купите коня,— сказал Султанали,— вам теперь не пристало ходить пешком.

— Зачем конь, когда так удобно на своих двоих...

— Это верно, но теперь так не годится.

— А каково будет слезать с коня и опять ходить пешком, когда я слечу со своего высокого поста?

— Почему это вы слетите? Вы много лет будете в этой должности.

Анвар опять засмеялся.

— Мне кажется, я и года не продержусь... Если вы мне друг, молитесь богу, чтобы я освободился от этой должности, не сломав себе шеи!

— Что за вздор вы говорите!

— А вы поглядели бы на физиономию вашего муфтия Шаходата. А насмешки поэта, вы слышите их?.. Да я буду считать себя счастливецом, если эти звери отберут у меня должность главного писаря без скандала! Мой

ум отказывается постичь, почему выбрали меня, когда были такие сильные претенденты на это место. Это — либо мое необыкновенное счастье, либо беда моя. Мои предчувствия или, как вы говорите, вздорные мысли скорее заставляют меня предполагать последнее...

— Если муфтий Шаходат или поэт Мадхий хоть на копейку причинят вам вред, тяните меня к ответу! — сказал Султанали. — Вы должны были стать главным писарем, и ваше назначение было правильным. Муфтий не имел авторитета даже у семилетнего ребенка. Муфтия с его многолетним попустительством всяким злоупотреблениям, с его сплетнями, с его тайными подлостями знаю не только я, знает весь город и сам хан тоже. Всем было ясно, что он не получит грамоты. Между муллою Бурханом и главным визирем такие отношения, что, если бы сам хан велел написать грамоту Бурхану, все равно главный визирь ни за что не написал бы ее. Да и назначение Бурхана вызвало бы беспорядки в канцелярии. Что же касается поэта Мадхия, всем известно, что это человек безалаберный, он занят только восхвалением хана да высмеиванием своих недругов. К тому же он женолюб и развратник, и есть еще одна причина, почему он не мог рассчитывать на грамоту, — об этом во дворце знают лишь несколько человек...

— Какая же причина?

— Не спрашивайте, вы будете смеяться.

— А все-таки?

Султанали засмеялся и понизил голос.

— Поэт вступил в связь с одной девицей из гарема, — сказал он.

— Ну и что же?

— Узнав об этом, другая девушка рассказала хану. Хан прогнал виновницу, призвал к себе поэта и ругал его на чем свет стоит, даже матери его не пощадил. С трудом вымолил поэт себе прощение и избежал изгнания.

Анвар засмеялся:

— И вы думаете, поэтому ему не дали грамоты?

— Конечно. Если бы у него была голова на плечах, он и не совался бы, куда не следует, а благодарил бы бога, что его не выгнали из дворца. И так, все ваши тревоги и опасения неосновательны. Поверьте мне: когда вы устанете ходить пешком, вам придется купить коня. Но оста-

вим пока этот вопрос и перейдем к другому, более важному — о том, что вам сейчас нужнее коня. Я думаю, например, что уже настало время, когда вам следует жениться, чтобы не быть одиноким...

— С чего вы это взяли, Султанали-ака!

— Я не шучу. Жениться теперь — ваш долг и обязанность. Надеюсь, тут у вас не найдется отговорок.

Анвар улыбнулся.

— Женитьбу я тоже отложил бы до того времени, когда меня снимут с этой должности.

— Вот тебе на! А если вы до конца дней своих будете на этой службе? На всю жизнь останетесь холостым? Ха-ха-ха!

— Кто же всю жизнь занимает одну и ту же должность?

— Бывают такие люди. Например, покойный Мухаммед Раджаббек. Еще со времен Мухаммед-али-хана и до самой смерти он все воевал в дворцовой канцелярии. Нет, я вам серьезно говорю, мы постараемся женить вас на любой девушке в городе, какая вам понравится!

— Спасибо...

— Анвар, я дело говорю!

Анвар с улыбкой посмотрел на Султанали, но, почувствовав, что тот ждет от него серьезного ответа, сказал:

— Хорошо, я посоветуюсь со своим учителем и скажу вам.

— Ваш учитель сегодня утром сам приходил ко мне,— важно сказал Султанали,— и, если я правильно понял его, похоже на то, что он желает сделать вас своим зятем. Я только не понял — согласны ли вы на это или нет?

Анвар покраснел. Вместо ответа он вопросительно глядел на Султанали, будто спрашивал: «Что же дальше?»

— Если верить словам учителя, все уже готово к свадьбе,— сказал Султанали.— Махдум пришел, чтобы через меня получить ваше согласие. Я обещал ему узнать ответ.

Анвар засмеялся. Но теперь это был уже иной, счастливый смех.

— Хорошо,— сказал Анвар и несколько шагов прошел молча,— хорошо, я подумаю до завтра и дам вам ответ.

— Значит, если я сегодня увижу учителя, сказать ему, что завтра он получит ответ?..

— Конечно.

— До свиданья, Анвар, да поможет вам бог!

— Прощайте, Султанали-ака!

И они разошлись.

25. СВЕТ ЖИЗНИ

о, что несколько лет волновало Анвара, что было предметом его постоянных мечтаний, наконец начинало сбываться. Цветок любви, так долго сдерживаемый сомнениями, теперь раскрывался навстречу влюбленному, и Анвар, месяцы и годы только издали любовавшийся им, теперь наконец мог насладиться его ароматом. И разве не для того, чтобы получить эту возможность, Анвар столько лет жил в этом доме, терпел махдума, согласился на ненавистную службу, выносил попреки сестры, не раз говорившей ему: «А я-то радовалась, думала, что ты опять зажжешь огонь в доме матери... Глупо, Анвар, не заботься о своей судьбе, раскармливать чужого человека!»

Счастье каждый понимает по-своему. Для Анвара счастьем была любовь к Рано. Как мог он зажечь огонь в доме отца и матери, когда у него самого не было в жизни огонька? Он искал его, и этим огоньком стала для него любовь.

Иные молодые люди, заботясь о своем счастье, строят дома, налаживают хозяйство, шьют наряды для жен, о которых еще и представления не имеют. Анвар же сначала хотел жениться, а уж потом думать обо всем остальном.

Пообещав Султанали дать завтра ответ, Анвар, радостно взволнованный, пришел домой. Торопливо покончив дела с ожидавшими в михманхане посетителями, он направился в ичкари. Его вело туда тайное желание не просто увидеть Рано, но прочесть в ее глазах — знает ли она о намерениях махдума.

Рано сидела на айване, прислонясь к столбу, и читала книгу. Нигор-аим у очага готовила ужин. Рано, взглянув исподлобья, увидела направлявшегося к ней Анвара, улыбнулась, спрятала ножки под желтое атласное платье и перекинула на обтянутую атласом грудь свои длинные

косы. Когда он приблизился, она медленно отвела глаза от книги и сказала: «Здравствуйте!» И снова склонила лицо над страницей. Анвар заглянул в книгу.

— Омар Хайям? ¹ — сказал он и сел напротив Рано, спустив ноги с айвана. — Почитай — послушаем!

Рано закрыла книгу и протянула ее Анвару:

— Вы почитайте, а я послушаю.

— Сама читай, не ленись...

— А если я неправильно прочту, вы опять будете смеяться, как тогда — помните?..

— Тогда ты нарочно читала неправильно, чтобы я смеялся... Читай же, Рано!

Она положила книгу перед Анваром.

— Мне надоело читать...

— А я прошу, чтобы ты для меня почитала!

Рано кивнула на дорожку, ведущую в дом:

— Отец может войти.

— Почему это ты стала такой стеснительной?

Рано улыбнулась, не отвечая, и покраснела. Анвар попытался перевести разговор на другое:

— Ты вспотела, Рано... Разве сегодня так жарко?

Рано вытерла платком жемчужные капельки пота с лица.

— Это не от жары, — сказала она, улыбаясь. — Совсем от другого.

— А от чего же, скажи?

К Рано вернулась ее обычная насмешливость, она сказала весело:

— С тех пор как вы стали важным бекон... как увижу вас, так смущаюсь. Даже в пот бросает.

— А я думал, что ты уже отвыкла дразнить и насмешничать. Оказывается, еще нет. Ну, что же дальше?

— Кто осмелится отрицать могущество человека, которого называют главой всех писарей его величества?! Надеюсь, вы позволите вашей служанке величать вас так?

— Пожалуйста, я позволяю, — сказал, смеясь, Анвар и встал с места. — Если наша служанка уже не смущается теперь, то мы объясним ей наше поведение. Но не смутится ли она еще больше?

— Ваша служанка готова исполнить ваше повеление!

¹ Омар Хайям (около 1048—1131 гг.) — великий поэт, философ, астроном и математик, родом из Нишапура (Иран).

— А полагается ли служанкам говорить со своим господином сидя? Ответьте на этот вопрос, прежде чем выполнять наше повеление.

Рано вскочила и, подражая служанкам, вытянула руки по швам, склонила голову на грудь и попросила прощения.

— Человеку свойственно быть недогадливым,— сказала она.— Но ваша послушная служанка заслуживает снисхождения. Ибо, купленная за золото, она преданна своему хозяину!

Анвар, улыбаясь в ответ на шаловливо-кокетливый тон юной пери, которая разыгрывала перед ним эту комическую роль, посмотрел на нее долгим взглядом и, продолжая игру, тоном повелителя сказал:

— Я буду на супе. Улучи минуту и приди ко мне, мне нужно что-то сказать тебе по секрету!

Рано, продолжая играть роль служанки, поклонилась, сделала жест, означавший «готова к услугам», и, подняв на Анвара глаза, посмотрела на него своим волшебным взглядом... Едва сдерживая смех и восхищение, Анвар повернулся и направился к выходу.

Нигор-аим, по-прежнему занятая у очага, тоже смеялась проделкам дочери. Но, давно привыкнув к постоянной игре между Рано и Анваром, она не стала распространяться по этому поводу.

— Ужин у меня готов, Анвар! — сказала она.— Вы будете на супе?

— Да.

— Отец куда-то собирался пойти после предзакатной молитвы. Вы один будете ужинать?

— Буду один.

— Если вы увидите там где-нибудь ребят, пошлите их ко мне.

— Хорошо.

Раздумывая о том, куда мог пойти махдум, Анвар отправился на мужскую половину.

Еще не наступило время вечерней молитвы. Легкий ветерок тихо шевелил цветы вокруг супы, и острый запах райхона внезапно ударял в нос. Круглая тусклая луна лениво всходила на небе, и лицо ее прояснялось постепенно, по мере того как меркло на закате солнце. С пастбища возвращалось в город стадо, отовсюду слышалось мычанье коров и бляенье овец и ягнят.

Анвар, сидя в саду на супе, занимался служебными бумагами, когда из ичкари появилась Рано. Казалось, Анвар так сильно был занят работой, что не заметил ее прихода. Рано тихо подошла к Анвару, облокотилась на супу, подперла ладонями подбородок и стала смотреть, как он пишет. Анвар ласково улыбнулся, искоса посмотрел на Рано, нехотя обмакнул перо в чернила и написал еще несколько слов. Потом он остановился с пером в руке, задумался и опять, как раньше, с улыбкой посмотрел на девушку. Их взгляды встретились, и некоторое время они, улыбаясь, смотрели друг на друга.

— Почему вы остановились, пишете!

— Вот ты всегда так, Рано!..

— А что такое?

— Всегда приходишь, когда я занят, и отвлекаешь мои мысли от работы.

— Разве я вам сказала хоть слово? Пишите, я только буду смотреть...

Анвар повернулся к Рано.

— Бесплезно, все равно ты уже похитила мои мысли!

— Я не похитительница мыслей! Извольте писать!

Анвар отложил исписанную бумагу и взял чистый лист.

— Теперь я буду писать совсем другое.

— Хорошо, пишете.

— А ты будешь мне отвечать, хорошо?

— Хорошо.

— А если ты, как в прошлый раз, не сумеешь ответить, что тогда сделать с тобой?

Рано села на супу, свесив ноги.

— Можете ударить меня по лицу. Только условие: чтобы мысль и рифма были не очень трудные.

— Хорошо,— сказал Анвар, смеясь, и, глядя на Рано, задумался.

Рано сдвинула брови.

— Не надо долго думать!

Вместо ответа Анвар обмакнул перо в чернила и стал писать:

Фархад был горд своей Ширин, Меджнун — красавицей Лейли.
Горжусь я, что цветок Рано прекрасней всех цветов земли¹.

¹ Фархад и Ширин, Лейли и Меджнун — образы влюбленных, воспеты в узбекской поэзии и поэзии других народов Востока.

Следившая за словами, которые сбегали с пера Анвара, Рано покраснела, покачала головой и отвернулась.

— Ну, Рано, отвечай скорее!

Минуту она стояла, не глядя на Анвара, потом, наклонившись, взяла у него перо, бумагу и спросила:

— А смеяться не будете?

— Если ты не будешь смеяться надо мной, то и я не буду. Но на мое двустипие ты должна дать точный ответ, как было условлено.

Рано подумала и, не показывая Анвару, написала:

Безумье Кайса¹ для Лейли несчастьем было и стыдом.

Горжусь, что разум твой, мирза, как солнце, блещет и вдали!

Рано бросила Анвару листок, улыбнулась и побежала к цветнику. Анвар, довольный, прочел ответ.

— Молодец, Рано! Но ты уж слишком восхваляешь...

Рано стояла среди цветов и смотрела на Анвара.

— Вы тоже...

— Нет, я ничуть не преувеличиваю! — сказал Анвар. — Вот сейчас ты стоишь среди цветов, и ты сама — прекраснейший цветок среди них, Рано! Смотри же, я снова пишу, готовься к ответу, Рано!

Рано опять подбежала и стала читать, что он писал:

С тревогой думал я не раз, что муки тяжкие любви

Медждуном стать, безумцем стать меня, быть может, обрekli.

Прочитав последнюю строчку, Рано задумалась. Анвар не спускал глаз с ее задумчивого лица.

— Тебе трудно ответить на это, Рано?

— Дайте мне перо! — сказала Рано обиженно и протянула руку. — Даже подумать не даете!

И написала:

В ком желчь от страсти разлилась, тот болен, — говорят врачи.

Увы! Несдержанность и страсть к безумью многих привели.

— Победила! Ты победила, Рано! — воскликнул Анвар. — Но только в последней строке у тебя ошибка...

— А именно?

— Медицина говорит не о том, что желчь разлилась, — человек сходит с ума, когда у него кровь горит...

¹ К а й с — имя юноши, влюбленного в Лейли и прозванного Медждуном, т. е. безумным, одержимым.

— Но для того, чтобы кровь горела, надо сначала, чтобы желчь разлилась. Пока желчь не разольется, кровь не испортится... Ну, будете дальше писать или признаете себя побежденным?

— Я побежден.

— А если побеждены, я хочу получить мой выигрыш! Анвар подставил лицо. Рано слегка ударила его по щеке.

— А если бы я выиграл,— сказал с сожалением Анвар,— я бы не стал тебя бить по щеке...

— А что бы вы сделали?

— Теперь уже бесполезно говорить об этом.

— Скажите, вдруг мне тоже это понравится, тогда моя пощечина не в счет — ведь я едва ударила...

— Нет, ты не сделаешь того, что я бы сделал...

— Почему не сделаю? Скажите...

— Не сможешь...— засмеялся Анвар и сказал с усилием: — Я бы к тебе не рукой прикоснулся, а губами...

Рано смутилась и опустила глаза. Она имела полное основание краснеть и опускать глаза, так как в первый раз в жизни слышала такое. Хотя она писала стихи о любви и была влюбленной и любимой, подобные вещи были ей совсем не знакомы. Да и для Анвара эти слова были первой дерзостью по отношению к Рано, и оба они были смущены.

На голубом куполе неба зажглись вечерние звезды, мерцавшие, как свечи. Луна стала ярче и словно смеялась над этими двумя молодыми существами, которые неловкими шагами вступали в жизнь.

Поднявшийся ветер клонил друг к другу цветы в саду, будто говоря этим двум молодым: «И вы, подобно цветам, клонитесь ближе друг к другу». Рано подняла голову и застенчиво улыбнулась Анвару:

— Ну, вот я пришла по вашему «повелению»!

— По моему повелению? — сказал Анвар, тоже улыбнувшись и прямо глядя в глаза Рано.— Нет, это после вечерней молитвы...

— Что после вечерней молитвы?

— Ты должна прийти сюда по моему «повелению»!

— А сейчас?

— Сейчас нельзя.

Рано обиженно посмотрела на Анвара, встала и ушла в ичкари.

26. «ПОЧЕМУ ТЫ ОПУСТИЛА ГЛАЗА, РАНО?»

Разыгравшийся ветер гнул деревья в саду во все стороны. На улицах пыль поднялась к небу, свет луны и звезд померк. Вой ветра заглушал треск кузнечиков и цикад. Шпалеры винограда над супой все время раскачивались, то пряча в тень, то открывая лица сидевших на супе, будто играя с ними. Несколько маленьких гроздей винограда упало на землю.

Анвар подобрал упавший возле него виноград и стал есть, несколько ягод он протянул той, что сидела с ним рядом.

— Возьми, Рано!

— Я не буду есть.

— А я не буду тебя уговаривать.

Рано подобрала несколько ягод и дала Анвару.

— Возьмите, если вам так хочется винограда.

— Вот хорошо... Ты соберешь для меня весь осыпавшийся виноград...

— Что вы хотели мне сказать?

— Да ничего особенного... Все, как всегда, как каждый день, ты знаешь сама... Просто так посидим... Я тебя позвал, чтобы ты собирала для меня виноград, сорванный ветром.

— Скоро отец вернется после вечерней молитвы. Если у вас нет ко мне дела, я пойду домой.

— Вечерняя молитва еще не кончилась, только что прокричали азан. Если отец вернется раньше, мы быстро спрячемся за цветами.

— А если отец станет нас искать и найдет за цветами, что мы будем делать?

— Ну, что же? Ты пойдешь к себе в ичкари, а я в михманхану.

— А что мы ответим, если он спросит, что мы делали вдвоем за цветами?

— Скажем: просто так сидели.

— А если спросит: почему спрятались?

— Скажем: потому, что ваша дочь смутилась...

Рано, смеясь, встала с супы и, собрав рассыпанные вокруг виноградины, отдала их Анвару.

— Ну, ладно, раз у вас нет ко мне никакого дела, я пойду, а то я от ветра прямо оглохла!

— Рано! Есть разговор,— поспешно сказал Анвар.— Вернись, я скажу.

Рано подошла к нему.

— Говорите!

— Сядь!

Рано села рядом с Анваром. Только она уселась, вдруг сильный порыв ветра сорвал у нее с головы платок и накрыл им лицо Анвара.

— Ага, ветер отомстил за меня. Ну, говорите же!

Анвар сжал платок в руках.

— Скажу, только при одном условии!

— Говорите ваше условие!

— Ты не рассердишься?..

— Хорошо...

— Ты не будешь смущаться?..

Рано, словно догадываясь, о чем будет речь, задумалась.

— Отдайте мой платок!

— Платок твой улетел. Принимаешь мои условия?

Рано не ответила. Анвар взглянул на сказочно-прекрасное в свете луны лицо Рано. Ее чудесные глаза, ясные и чистые, казалось, понимали, что хочет сказать Анвар. Некоторое время оба сидели молча. Ветер налетал порывами, то усиливаясь, то стихая. Цветы от ветра, как невесты, раскланивались во все стороны.

Анвар пересел в глубь супы, в тень. Вероятно, то, что он собирался сказать Рано, смущало его самого.

— Люди рождаются и растут, а когда вырастают, соединяются в пары. Не только люди живут парами на земле, это и в природе, и у животных... Лани в горах, попугаи в лесах, соловьи в садах — все, все живут парами. Не знаю, как по-твоему, но я думаю, что самое главное, чтобы те, кто соединяется, были связаны крепкой любовью друг с другом... Мы с тобой с детства живем вместе, между нами нет тайн и нет чужих людей, посвященных в наши отношения... Потому я думаю, что никто не может запретить нам говорить откровенно обо всем... Если я не ошибаюсь, мы любим искренне друг друга, и наши сердца бьются согласно. Или я неверно говорю, Рано?

Рано взглянула на него и вновь опустила глаза. Помолчав, Анвар продолжал:

— Не знаю, слышала ли ты или нет, но решено поженить нас, сегодня меня просили назначить день свадьбы, и я обещал завтра дать ответ... Для того я и позвал тебя сюда, хотел поговорить с тобой, чтобы я мог завтра дать ответ... Почему ты опустила глаза, Рано?

Рано тихо подняла голову, улыбнулась и отвернула от него лицо.

— Смущайся, не смущайся, все равно нас поженят. Фатыха покойной бабушки Мохлар этого требует. Если же ты скажешь, что не хочешь, чтобы наши отношения изменились, я так и отвечу им. Говори же, Рано!

— Пусть все останется, как было,— сказала Рано, отвернувшись,— кому мы мешаем?

Слова Рано словно сняли тяжесть с плеч Анвара.

— Конечно, наши отношения никому не в тягость, кроме нас самих... Ты говоришь, чтобы все осталось, как было,— до каких же пор так будет? Мы должны назначить какой-то срок.

— Пока не состаримся...

— Значит, до старости?

— Пока не умрем...

Анвар рассмеялся и придвинулся к Рано. Он положил руку ей на плечо, как бы желая повернуть ее к себе, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Посмотри на меня, Рано, и скажи мне правду!

Горячее дыхание коснулось ее уха, Рано испугалась, повернулась, и губы ее встретились с этим горячим дыханием. Не в силах оторвать свои губы от других горячих губ, она замерла, ожидая. Налетел ветер, он дул сзади, словно подталкивая ее к Анвару. Луна, застрявшая в верхушке тополя и будто раскачиваемая ветром, следила за ними из-за ветвей. Бледная звезда скатилась с небосклона к земле, чтобы рассмотреть поближе двух влюбленных.

— Ответь, Рано!

— Как же я могу ответить — в таком положении?

— Пока не ответишь, я не отпущу тебя!

— Может прийти отец...

— Отец сам дал мне сегодня разрешение...

Рано прижалась левым виском к подбородку Анвара и отвела взгляд.

— Пусть будет, когда вы хотите!

— А если я захочу завтра?

— Хорошо...

Анвар поцеловал нежное девичье лицо, прильнувшее к нему, пригладил рассыпавшиеся по плечам волосы, с наслаждением вдыхая аромат этих кос.

— Скажи мне правду, Рано, я хочу ответить так, как ты пожелаешь!

— Пусть весной...

— Правда?

— Правда.

— Пусть будет так. Завтра я скажу им, что свадьба будет весной... Когда земля покроется зеленым ковром, когда зацветут фиалки, когда птицы начнут заботиться о гнездах,— тогда и мы справим свою свадьбу, услышим слова счастья за нашим чимилдыком¹ и будем благословлять свою судьбу. Так, Рано?

— Так...

— И ты тогда не будешь дрожать, как птичка, в моих объятиях, боясь, что придет отец. Ты будешь вся моя — со всей твоей красотой, со всей твоей прелестью, будешь моя, ведь правда?

Рано, не отвечая, высвободилась из объятий Анвара и встала. Она подошла к лесенке, надела кавуши и быстро, чтобы Анвар не догнал ее, соскочила на землю.

— Рано, не уходи, не дав ответа!

— Да! — сказала Рано, стоя в цветнике и поправляя платок.— Но теперь я не буду больше приходить к вам сюда.

— Почему?

— Вы стали нехорошим... Я скажу маме!..

Анвар засмеялся.

— Что ты скажешь маме?

— Все расскажу!

В эту минуту вошел махдум. Он остановил Рано, направившуюся в ичкари, и спросил ее:

— Дочь моя, а ты дала чаю Анвару-ака?

¹ Чимилдык — занавес, закрывающий угол комнаты, в котором сидят новобрачные в первый вечер свадьбы.

27. ОЧАГ НАСИЛИЯ

1283 году хиджры¹ Худояр-хану удалось в третий раз вступить на престол. Этот последний период его владычества составляет самые черные страницы в истории ханского деспотизма и насилия над народом. С 1283 по 1292 год хиджры — восемь лет Худояр пользовался неограниченной властью, вволю размахивая плетью и обагрывая свой клинок кровью народной.

Замыслив большие работы по благоустройству города, он в 1284 году заставил кокандских кустарей работать безвозмездно на постройке новых торговых рядов, караван-сарая, хлопкового сарая и хлебных лабазов.

В 1285 году он выстроил близ Ургенча дворец Ак-сарай, проведя к нему издалека воду, оросил земли вокруг дворца, чтобы наслаждаться прохладой в жаркие дни. А чтобы развлекаться с красавицами из гарема, создал Боги эрам — райский сад. В 1286 году, выполняя завещание своей матери, Хаким-аим, он воздвиг знаменитое «медресе Хаким-аим» и тогда же окружил садами и цветниками новый дворец, построенный эмиром Омар-ханом².

В 1286—1287 годах Худояр провел знаменитый канал Улугнахр — Великая река, или Хан-арык — Ханская река. В 1287 году он выстроил медресе своего имени, в 1288 году перестроил старую каландар-хану — обитель дервишей, и построил медресе в память своего старшего брата, покойного Султанмурад-хана. В том же году Худояр сто двадцать дней подряд угощал народ пловом в честь обрезания своего сына Урман-хана. За время этого четырехмесячного празднества каждый день варилось двести котлов плова, восемьсот печек-тандыров пекли лепешки, ежедневно устраивалось двести скачек с козлодраньем. Знатным гостям, съехавшимся со всей страны, каждый день дарили тысячи халатов.

Такие великие торжества, конечно, требовали много золота из ханской казны, подумают люди. А источник

¹ Имеется в виду третье правление Худояр-хана, начатое в 1866 году и также омраченное ослаблявшими и подрывавшими ханство междуусобицами.

² Старый дворец был выстроен в 1145 году хиджры сыном хана Шахруха — Абду-Каримом. Дворец этот пришел в запустение и потому не соответствовал вкусам Худояра. (Прим. автора.)

богатства казны ханов — сила, которую выжимают из народа. Но хлебосольство и заботы Худояра о благоустройстве ханства окупались не золотом, собранным с подданных, а непосредственно трудом народа и народными слезами. Со времен Мухамадали-хана (1240) борьба за престол, междоусобицы узбеков и кипчаков и другие распри совершенно опустошили ханскую казну, и когда в 1283 году Худояр сел на престол, он получил ее в наследство пустой. «Благоустроительный» период царствования Худояра, продолжавшийся несколько лет, облек в траур ферганский народ,— это были его черные дни.

Взять хотя бы историю вывода канала из Сыр-Дарьи.

Хан решил провести канал. Ни пустота казны, ни исключительная трудность затеянного дела не смущали его. Он послал во все подвластные ему города и кишлаки своих уполномоченных. Им было приказано собрать налог и даровую рабочую силу. Поначалу работа на канале была объявлена добровольной, но потом появился приказ: «Каждая семья должна дать один кетмень и одного работника».

Плеть свистела в воздухе, и клинок грозил смертью,— кто же мог осмелиться не исполнить приказа его величества хана?! Каждая семья, даже если приходилось лишиться главы семьи, отправляла работника с кетменем на место, выбранное ханом. Зажиточные люди, кроме работника, должны были послать еще коня или арбу с конем.

Надо было вырыть канал шириной в шесть аршин, глубиной от пяти до пятнадцати аршин, длиною в тридцать верст. Этот тридцативерстный арык должен был оросить две тысячи батманов¹ земли в Наманганском и Андижанском туманах². Начали рыть канал. Рабочих собралось много, а кормить их было нечем. Баи избавлялись от повинности, посылая за себя батраков. В степи на тридцать верст в длину растянулись ряды дехкан и ремесленников с кетменями в руках. Они оставили дома голодные семьи. Денег, чтобы самим кормиться, у них не было, а пища, которой их снабжал хан, была очень скудной. А ведь под знойными лучами солнца, в безводной,

¹ Б а т м а н — мера площади, одна шестая десятины.

² Т у м а н — район, уезд.

сухой степи кетмень требует больше сил — человеку нужно больше еды.

Полуголодные землекопы быстро слабели; изнуренным, им не под силу было подымать не только по десяти фунтов земли, но и сам кетмень. Десятники, назначенные ханом, обзывали лентяями голодных и истощенных людей, бранили несчастных несслыханными словами и не позволяли им бросить кетмень, пока те не падали, совсем выбившись из сил. Каждые пятнадцать — двадцать дней хан приезжал на место работ. По наветам надсмотрщиков, обвинявших рабочих в неповиновении, в нежелании выполнять ханский приказ, он казнил одного-двух человек на глазах у всех. «Ханский арык» каждый раз орошался кровью несчастных. Видя это собственными глазами, остальные, несмотря на голод и слабость, работали из последних сил.

Так благодаря жестокому режиму без малого в год были закончены эти работы, и воды тысячеверстной таинственной Сыр-Дарьи потекли, как серебро, в степь. Пустынные земли, не знавшие растительности, политые кровью народа, покрылись зеленью.

Этот пример ясно говорит о том, что новшества хана — строительство медресе, крепостей, торговых рядов и сараев, разведение садов, а также многодневные празднества проводились не за счет золотых запасов казны, а путем использования даровой, подневольной рабочей силы.

И все же хан строил медресе, проводил каналы, и могут найтись люди, которые скажут: «Хоть хан и был жесток, все же он много сделал для благоустройства страны». Поэтому мы постараемся объяснить, чем была вызвана эта забота Худояра о благоустройстве страны.

Дважды свергнутый с престола, он приобрел уже немалый политический опыт, к тому же третье его пришествие к власти совпало с победами русского самодержавия — царские войска взяли Ташкент и протягивали уже руку к Ходженту. Обстоятельства вынуждали хана изменить прежнюю политику. Нужно было укрепить ханскую власть, перетянуть на свою сторону весь высший круг — духовенство, купцов, — и русскому царю, который, как дракон с разверстой пастью, приближался к ханским владениям, противопоставить свою культуру, создавая ее заново. Поэтому-то хан, безжалостно используя все

силы народа, и воздвигал медресе, проводил каналы, строил торговые ряды, каландар-ханы и дворцы. Старый дворец, в котором со времен Абдукарим-хана жили десятки ханов, он снес и построил новый. Худояру необходимо было показать в полном блеске свою Ферганскую державу и удержать ее в своих руках.

«Прежде чем погаснуть, огонь вспыхивает ярко в последний раз», — говорит пословица. И по нашему мнению, необычные для туркестанских ханов заботы Худояра о благоустройстве страны вызваны были только этими причинами — и ничем больше.

28. ГАРЕМ

Новый дворец, о котором мы уже говорили, был и в самом деле прекрасен, величествен. Об этом можно судить даже и теперь по его развалинам. Снаружи, со всех четырех сторон, дворец был окружен дивными цветниками и плодовыми садами. Восхваляя эти сады, придворный поэт Худояра дамулла Нияз Мухаммед писал:

В ту счастливейшую пору создал хан чудесный сад,
Воскурился над землею роз пьянящий аромат.
Повиликою, райхоном дивный сад благоухал.
Был высокий купол мира амбры запахом объят...
В том саду у падишаха — восемь пышных цветников.
И в любом — цветов сто тысяч, все, как яхонты, горят...
А плодов многообразье не охватит человек,
Вкусом с ними не сравнится даже сахар, говорят.
Засверкали на базарах, где торговые ряды,
Лалы красные тюльпанов, роз пылающий гранат...
Все редчайшие растения — у властителя в саду...
Да гуляет он по саду сто цветущих лет подряд!..

Поэт желал Худояру долголетия, просил бога дать хану сто лет жизни, чтобы наслаждался он в этом саду.

По описанию дамуллы Нияза, с трех сторон сада расположены были торговые ряды и базарная площадь. Здесь с утра до ночи кишели толпы народа. В воротах дворцового сада всегда стояла стража, и посторонние лица, не имеющие связей с дворцом, не могли попасть в сад. Только раз в неделю, в часы, когда для хана устраивались всякие развлечения, допускались в сад привилеги-

рованные лица. При входе в сад были видны ворота нового дворца, отделанные росписью и изразцами, такими яркими, что слепило глаза. Всякий входивший в сад сразу чувствовал, будто он стоит перед ханом, подавленный его силой и властью, и, вместо того чтобы быть очарованным великолепием здания, испытывал страх. Под узорчатыми башнями из кирпича ходили стражники-джигиты с алжирскими клинками в руках, не пропуская во дворец посторонних. Особенно охранялась та часть дворца, где находился гарем. Туда воспрещалось входить даже служащим во дворце. Через ворота гарема ходили только сын хана, жены хана, родственники, служанки, повитухи и женщины, выполнявшие «особые» поручения хана. Сам хан не ходил через эти ворота, он мог пройти в гарем через тронный зал и ханскую канцелярию.

Это случилось в 1287 год хиджры, в месяц сумбуля, в прохладный день конца августа, похожий скорее на зеленый весенний день. Под вечер, часов в пять, жизнь, кипевшая во дворце, поутихла, стража у ворот больше не пропускала посетителей. Дворцовые служащие, беки, писаря, есаулы¹, приближенные хана один за другим расходились из дворца. Джигиты, несшие охрану у первых ворот, провожали высокопоставленных беков низкими поклонами, а с служащими рангом ниже перекидывались шутками. Беки подходили к своим лошадям, осматривали их, бранили конюхов, если кони были плохо накормлены или нечищены, и, взобравшись с их помощью на коней, наконец уезжали.

В этот час привратники, сердясь и бранясь, не пропускали во дворец даже людей, у которых было срочное дело.

— Ну, что за человек, мукой, что ли, забил себе уши! — брезгливо говорил один из привратников, едва взглянув на посетителя, стоявшего поодаль. — Сказано, уходите, не тратьте лишних слов. Да если сам Шери-Яздон² явится сейчас, я и его не пропущу!

Проситель отходил от ворот, потеряв надежду проникнуть во дворец.

В это время появилась женщина в парандже из банораса и смело вошла в ворота. Привратники, которые не

¹ Есаул (ясовул) — чиновник для поручений.

² Шери-Яздон — эпитет арабского халифа Али (правил в 656—661 гг.), почитаемого мусульманами в качестве святого.

пропустили бы во дворец самого Шери-Яздона, только молча оглядели ее с ног до головы. Войдя в сад, женщина направилась прямо ко дворцу и, пройдя через великолепные величественные ворота, повернула направо — она шла в гарем. Стража под дворцовой стеной тоже ограничилась тем, что медленно проводила женщину взглядом и, словно узнав ее, пропустила мимо. Но когда женщина дошла до ворот гарема, джигит, стоявший у входа, выхватил со скрежетом саблю из ножен.

— Стой!

Женщина остановилась и, взглянув на джигита, приподняла край своего покрывала. Грозное выражение на лице джигита сменилось улыбкой, он вложил саблю в ножны.

Откинув покрывало, женщина вошла в гарем. Это была Гульшан-бону¹, красивая женщина лет тридцати пяти.

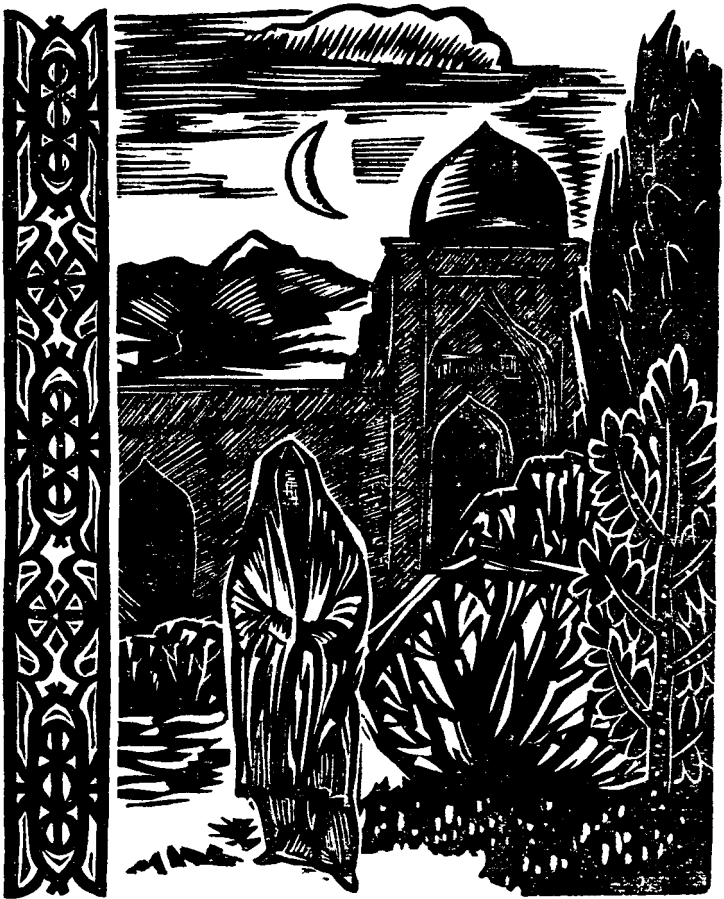
Гульшан-бону, служанку гарема, Худояр-хан несколько раз почтил вниманием во время своего второго царствования. Когда же он был свергнут и вынужден бежать в Бухару, Малля-хан², брат его, сев на престол, обвинил Худояра в распутстве, в чрезмерном увлечении женщинами. Сотни женщин из гарема Худояра были отданы замуж за джигитов нового хана. Гульшан-бону была подарена Малля-ханом одному джигиту, который особенно отличился в боях против Худояр-хана.

Когда Худояр в третий раз сел на престол, Гульшан пришла к нему и попросилась на службу в гарем — во имя «старой дружбы». Милостивый хан удовлетворил просьбу Гульшан-бону и дал ей высокую должность, которую мало кому в гареме мог доверить. В чем заключались обязанности Гульшан-бону, читатель увидит дальше.

Войдя в ворота гарема, Гульшан-бону пригладила растрепавшиеся под паранджой волосы, отряхнула пыль с подола своего синего шелкового платья, поправила на пальцах золотые кольца с рубинами и изумрудами и поднялась по лестнице. Двадцать ступеней лестницы вели в коридор, шедший вдоль всего дворца, по обеим сторонам коридора красовались кованые бухарского стиля двери. Эти двери вели в разные помещения гарема.

¹ Б о н у (бану) — госпожа, дама.

² М а л л я - х а н — правил в Коканде с 1858 по март 1862 года, когда был убит своими приближенными.

Гульшан вошла в длинный коридор и открыла первую дверь. Старая служанка-привратница поклонилась Гульшан и сказала: «Добро пожаловать!» Она пропустила Гульшан внутрь и закрыла за ней дверь. Это был дворик с гаремным бассейном посредине. В медном бассейне переливалась волнами темно-зеленая вода, несколько служанок набирали из бассейна воду. Кроме комнатки для служанок, расположенной в северной части дворика, здесь не было других помещений, а в южной стене была другая дверь. Бассейн этот снабжал водою весь гарем, и несколько раз в неделю в определенные часы его наполняли водоносы, принося воду в бурдюках.

Гульшан сняла паранджу, перекинула ее через руку и, подойдя ко второй двери, очень тихо постучала дверным кольцом. И опять двери отворила служанка-привратница, но теперь это была совсем молоденькая девушка. Она взяла у Гульшан паранджу и тихо приветствовала: «Добро пожаловать!»

Это был первый двор гарема. По всем четырем сторонам двора находились одинаковые залы с расписными стенами, потолками, со стеклянными верандами, с резными ставнями, в каждый зал вела своя прихожая. Небольшой двор был выстлан кирпичом. Несколько служанок в красных шерстяных платьях, с желтыми шерстяными платками на головах, обутые в мягкие сапожки-ичиги и в кавуши, рассыпавшись по двору, занимались кто чем. Их осторожные тихие шаги, разговор друг с другом жестами и взглядами или, в крайнем случае, словами, произнесенными вполголоса, словно они остерегались какого-то врага, находившегося рядом, или боялись разбудить страшного зверя,— все заставляло думать, что здесь творилось что-то необычное. Гульшан, будто чувствуя это, тихо поздоровалась со служанками и спросила шепотом одну из них:

— Его величество?

— В царских покоях! — отвечала служанка почти неслышно.

Царские покои — личные комнаты хана, три зала, в которых хан ел, спал, принимал жен — были расположены вдоль двора с гаремным бассейном, примыкая к дворцовой канцелярии и к тронному залу. Эти комнаты, как и полагается царским покоям, были выше других и занимали восточную часть дворца. Южная часть отведена бы-

ла для гарема, в западной были кухни, помещения ханской казны, выходы в другие дворы и разные залы.

Услышав, что «его величество в царских покоях», Гульшан немного помедлила, словно не решаясь, идти туда или нет, потом поправила волосы, платок, одежду и направилась к царским покоям. Она сделала три-четыре шага, когда из зала напротив вышла служанка и поманила ее.

— Огача-ханум зовут вас,— прошептала служанка.

Гульшан повернулась и пошла за служанкой. Она вошла в прихожую, три служанки вышивали, сидя вдоль стены. Гульшан приветствовала их. В эту минуту из зала вышел, шурша желтой атласной одеждой, красивый, беленький, черноглазый мальчик, лет шести.

— Здравствуйте! Здоровы ли вы, мой маленький повелитель? — сказала Гульшан, прижав к груди руки и низко кланяясь ребенку.

Мальчик не ответил, улыбнулся, посмотрел на Гульшан и убежал обратно в зал. Гульшан сняла кавуши у порога, чтобы ступить на ковер. Прихожая была обширной комнатой с росписью по стенам, с одиннадцатью потолочными балками; в стенных нишах лежали атласные и адрасовые одеяла, длинные тюфячки для сиденья, на полках была расставлена китайская и кашгарская фарфоровая посуда, бухарские медные и серебряные блюда и кувшины.

Когда Гульшан сняла кавуши, вышивальщицы встали со своих мест, подошли к ней и поздоровались. Служанка, которая позвала ее, вышла из зала и сказала Гульшан:

— Войдите!

29. ОГАЧА-АИМ

Подойдя к двери, Гульшан поправила большой белый платок на голове и вошла в зал. Служанка, и здесь стоявшая у входа, поклонилась, сложив руки на груди, и сказала:

— Добро пожаловать!

Красота зала, убранного редкостными коврами, бархатными тюфяками — курпачи, золотой и серебряной посудой, ослепляла глаза. Цветные стекла трех неболь-

ших, выходявших во двор окон, сами по себе были украшением зала, так как переливались разными цветами, и свет, проходя через них, отражался красноватыми огнями в люстре, висящей посреди потолка. У стены сидела на шелковом ковре для молитвы, обратясь лицом на восток, женщина и ласкала прильнувшего к ее коленям мальчика. При входе Гульшан женщина обернулась. Гульшан, сложив руки на груди, остановилась у двери и, согнувшись вдвое, низко поклонилась.

— Пожалуйте, Гульшан! — сказала женщина. — Здравствуйте, садитесь!

Гульшан, поклонившись, подошла к окну, села и помолилась:

— Да пошлет бог еще больше счастья и славы аимханум! Да продлит на долгие годы жизнь сына хана!

Служанка, стоявшая навтыжку у дверей, тоже села и прочла фатыху. После молитвы она вновь стала у дверей.

Сидевшая на молитвенном коврике и ласкавшая мальчика женщина лет тридцати пяти, в атласном платье с каймой, в безрукавке из бухарского бархата, с вышитым платком на голове, была уважаемая Огача-аим, жена хана, а мальчик — его любимый сын Урманбек. У Огача-аим были миндалевидные, чуть раскосые, как у китайки, глаза. Весь облик ее свидетельствовал, что она не из дочерей Туркестана, но в речи ее не чувствовалось никакого акцента. Настоящее имя ее Масуда-ханум, но она более известна была под именем Огача-аим. Это говорит о том, что женщина эта родом из Кашгара, так как уйгуры, вместо нашего «ханум», говорят «огача». Масуда была дочерью Ибадуллы-ходжи, уйгура, жившего в окрестностях Оша. Худояр женился на ней, вторично вступив на престол. Когда он вынужден был вновь оставить трон и бежать в Бухару, большинство его жен изменили ему и вышли замуж; только Огача-аим разделила с Худояром опальные дни и своей верностью заслужила его любовь и уважение. К тому же среди ханских жен она была самая умная и рассудительная, поэтому ей был подчинен весь гарем и сотни служанок. Все скандалы между соперницами разрешались у Огача-аим, все в гареме должны были слушаться ее беспрекословно, и сам хан предоставил Огача-аим право разбирать распри между его женами. Когда наступало время получать новые одежды, воп-

рос о том, кому что нужно, тоже решала Огача-айм, она давала заказы казначею, и готовую одежду распределяла тоже она. Вся еда на кухне готовилась и назначалась по распоряжению Огача-айм; на посещение бани ханскими женами, служанками, повитухами, портнихами, посещение свадеб и всяких празднеств — на все это требовалось разрешение Огача-айм. Иногда Огача-айм вмешивалась даже в государственные дела, склоняя хана к тому решению, какого ей хотелось, и хан порой соглашался с ней. Когда одна из жен хана, Шах-айм, мать маленького Урманбека, которого хан очень любил и назначил наследником престола, умерла, Худояр поручил воспитание сына Огача-айм. И Огача-айм воспитывала Урманбека как своего родного сына, за что хан уважал ее еще больше.

Не обращая внимания на Гульшан, Огача-айм продолжала разговаривать с Урманбеком:

— Ты что-то очень расшалился, сынок! Вот я пожалуюсь твоему отцу и велю тебя отшлепать.

— Дайте перепелку, тогда не буду шалить!

— Ты уже всех перепелок передушил, злодей ты этакий! Откуда теперь взять перепелку?

— Я их не душил, они сами подошли.

— А за что ты побил няню Зийрак?

— Она не хотела дать мне перепелку!

Огача-айм посмотрела на служанку, стоявшую у дверей.

— Подойди, Мискол,— сказал она ей и погладила Урманбека по спине.— Ну, пойди поиграй с няней, а перепелку найдем тебе завтра.

Служанка повела Урманбека к выходу.

— Ко мне никого не впускайте,— сказала Огача-айм.— Закрой за собой дверь!

Когда служанка с мальчиком ушли, Огача-айм перешла с молитвенного коврика на курпачи и сказала:

— Подойдите ко мне поближе, Гульшан!

Предчувствуя важный разговор, Гульшан подошла и, сложив руки на груди, опустилась на колени.

— Что нового в городе, Гульшан-бонь?

— Разве есть новости, которых не знала бы Огача-айм?

— Все ли у вас благополучно, здоровы ли ваши домашние?

— Слава богу... милостью его величества и вашей милостью!

— Как дела? — сказала с улыбкой Огача-аим. — Не нашли нам еще соперницу?

Гульшан потупилась. Огача-аим, улыбаясь, ждала ответа.

— Хоть вы и стараетесь отыскать нам соперницу, но, конечно, не по воле вашей, а по велению сеида, поэтому я не могу вас винить, — сказала Огача-аим.

Эти слова помогли Гульшан оправиться от смущения.

— Конечно, госпожа...

— Надеюсь, однако, что вы не захотите пренебречь моими советами, — сказала уже серьезно Огача-аим. — Я буду говорить с вами по секрету.

— Ручаюсь моей головой, госпожа!

Огача-аим взяла лежащую рядом подушку и облокотилась на нее.

— На днях я договорилась с тетушкой Батырбаши. Но сеид не должен ничего знать. Надеюсь, вы будете осторожны? Ведь мы давно с вами дружим.

— Ваша служанка не сплетница, госпожа.

— Вот и хорошо, так и должно быть, — сказала Огача-аим. — Вы не чужая, Гульшан, от вас скрывать нечего: нас — жен у хана — сейчас десятки¹. Если считать и всех служанок, то жен наберется больше ста. Стараниями тетушки Батырбаши, окрестных беков и еще кой-кого гарем сеида за последние три-четыре года очень пополнился. Мы думали, что, перебравшись в новый просторный дворец, заживем привольно, а получилось так, что у нас с каждым днем становится все теснее. Служанки в нашем дворе живут по восьми-девяти человек в комнате. Если так пойдет дальше, через год придется строить еще один дворец. Но это же невозможно. Подумайте, если сеид все свое внимание будет отдавать гарему, могут пострадать дела государства, и мы будем виноваты. Вот, пораздумав обо всем этом, я и решила с вами поговорить... Моя мысль понравилась тетушке Батырбаши, она обещала помочь мне. Вы тоже, Гульшан, обдумайте все хорошенько и скажите мне, как вы смотрите на это.

Гульшан, словно не понимая, о чем говорит Огача-аим, задумалась.

¹ По шариату положено иметь не более четырех жен. Худояр несколько раз переводил в рабыни четвертую жену и женился вновь. (Прим. автора.)

— Госпожа, ваша покорная раба не совсем поняла, о чем вы говорите?

— Ну, если еще не поняла, так вот что: больше не приводите в гарем новых служанок и жен! — сказала Огача-аим.

Гульшан опустила голову. Приказание Огача-аим ей было совсем не по душе. Кому же приятно лишаться хлеба насущного?

— Но, дорогая госпожа, что я значу сама в этом деле? На то есть воля хана... Я только стрела, которую выпускает его величество!

Огача-аим пристально смотрела на Гульшан. Но та опять потупилась, избегая ее взгляда.

— Конечно, мы все стрелы, которые направляет его величество,— сказала Огача-аим, начиная сердиться.— Но рыскать повсюду только потому, что приказал хозяин, не разобравшись, хорошо ли это, нужно ли,— просто глупость! Если вы и я — верные рабыни его величества, то мы не должны наносить ущерб государству сеида, мы должны быть его разумными друзьями. Тут-то мы и можем проявить нашу преданность сеиду... Хоть со стороны это и может показаться изменой ему, на самом же деле это проявление верности и дружбы, потому я и делаю вам это предложение. Не вздумайте вообразить, что я ревную сеида, ведь и сейчас я сто первая его жена. Глупо ревновать, будучи одной из ста жен! Меня толкает на это, как я уже вам сказала, моя преданность и искренняя тревога за дела государства. Вы поняли меня, Гульшан?

Гульшан поняла, что рассердила Огача-аим словами «я стрела, которую выпускает его величество».

— Я сказала вам это в другом смысле... конечно, мы...— начала она извиняющимся тоном.

— Если вы сами не знаете, как поступить, спросите совета у меня.

— Конечно, если вы, как истинный наставник, возьмете меня за руку и поведете, я готова голову сложить за счастье его величества!

— Раз так, будем хранить нашу тайну, потому что это — забота о государстве, а вовсе не измена,— сказала Огача-аим.— Мой совет вам: отныне выполняйте ваши обязанности обдуманно.

— А если хан будет меня принуждать?

— Этого легко избежать,— сказала Огача-аим.— Как

можно реже показывайтесь на глаза хану, а если уж попадетесь ему на глаза, то говорите, что никак не можете найти красивой служанки и просите вас извинить. Он вас не будет мучить и не накажет за то, что вы не нашли достойной красавицы. А если вы нуждаетесь в деньгах, я вам помогу по мере моих сил. Хорошо, Гульшан-бону?

Лицо Гульшан просияло:

— Хорошо, дорогая госпожа!

— Ахсан!

Одна из девушек, сидевших в передней, казначей Огача-аим, прибежала на зов.

— Что прикажете?

— Дай Гульшан два золотых и накинь на нее новый мунсак!¹

Ахсан поклонилась, сложив руки на груди, и вышла.

— Если что понадобится, приходите ко мне, запросто, не стесняйтесь!

Гульшан поклонилась, низко нагнув голову, поблагодарила. Дверь отворилась, вошла Ахсан, держа в руках мунсак, и остановилась перед Гульшан. Та встала с места и склонилась перед ханшей. Ахсан накинула на гостью мунсак и вложила ей в руку два золотых. Гульшан осторожно опустилась на ковер. Ахсан тоже присела на корточки. Гульшан подняла руки для благословения, Ахсан сказала: «Амины!»

Потом Гульшан и Ахсан-казначей, пятясь спиной к дверям, вышли от Огача-аим.

30. ГОСПОЖИ ХАНСКИЕ ЖЕНЫ

Когда Гульшан вышла в переднюю, девушки стали ее поздравлять с высокой милостью — ведь она «была удостоена любезного внимания». Надевая кавуши, Гульшан посматривала на царские покои. Потом она попрощалась со служанками и вышла во двор. Как мы уже говорили, вокруг этого двора жили любимые ханские жены, каждая со своими повитухами, портнихами, служанками и рабынями.

Рядом с помещением Огача-аим, во втором зале, жила любимая жена хана Розия-аим. Розия-аим только два го-

¹ М у н с а к — женская одежда, короткий легкий халат.

да назад стала женой хана, но, благодаря своей необыкновенной красоте, добилась особого расположения сеида и заняла одно из первых мест в гареме. К ней были приставлены четыре служанки и две рабыни, которые должны были служить ей. Розия-аим, дочь Ахунджан-бая, была родом из Кашгара. Молоденькой девушкой она была выдана замуж за кокандского бая Джанбобо, от него родила ребенка и вскоре овдовела. Потом она вышла замуж за кокандского хазрата¹ Миен Фазл Ваххаба. Хуфия, женщина, обязанность которой, подобно Гульшан, было высматривать красавиц для хана, донесла ему об ее красоте, и в один прекрасный день хан прислал арбу за Розией-ханум, приглашая ее «в гости»...

Что мог поделаться Миен Фазл Ваххаб против ханской воли? Проведя ночь в гареме хана, Розия наутро вернулась домой. Тогда муж ее, Миен Фазл Ваххаб, дал ей развод и с семью арбами добра отправил во дворец. Сделал ли он это со злобы на хана или из страха перед ним, Розия так и не могла понять².

Едва Гульшан приблизилась к жилищу Розии-аим, две служанки раскрыли двери ее прихожей и, выйдя во двор, стали с двух сторон, почтительно опустив головы. Тотчас из дверей появилась грациозная женщина, стройная, как кипарис, с белым, словно молоком напоенным лицом, с карими глазами, такими темными, что они могли сравниться только с безлунной ночью, с черными, длинными, до пят, волосами, вся в шелку и золоте. Голова ее с бесчисленными косичками была повязана легким газовым платком, вышитым по краям; сама она была одета в шелковое платье — черное с белым, обшито по вороту и подолу каймой; на ней была еще безрукавка из бухарского бархата, отделанная золотым шитьем, застегнутая на рубиновые пуговицы. Это была любимая жена хана — сама

¹ Хазрат — титул высокопоставленного лица, также почти-тельное обращение к представителям мусульманского духовенства.

² Большая часть сведений о гареме получена нами от Розии-аим. Благодаря своей исключительной памяти, эта сейчас уже девяностолетняя старуха смогла сообщить нам многие ценные подробности. Она поразила нас сохранившимися до сих пор характерными для ханской жены чертами. Приношу свою признательность и благодарность Розии-аим и посреднику между нами Баситу Кадырову, моему кокандскому другу, которому я обязан многим. (*Прим. автора.*)

Розия-аим. Розию сопровождал черный мальчик, лет восьми-девяти, у которого белыми были только зубы да белки глаз. Этот маленький раб был при ней на побегушках, всегда готовый выполнить малейшее желание своей госпожи¹. Гульшан склонилась перед Розией-аим в низком поклоне. Розия-аим кивнула ей, промолвив: «Как поживаете?» — и, не дожидаясь ответа, прошла мимо, направляясь в царские покои.

Гульшан подошла к помещению, где жила третья жена, Курбан-аим, и осведомилась у служанок об ее здоровье. В следующем, четвертом зале, в западной части двора помещалась Шодмон-аим — и на этом можно закончить счет ханским женам, жившим на главном дворе².

¹ Рабы при дворце Худояра были чаще всего таджики или негры, они могли жить в гареме с семи до двенадцати лет, мальчики старше уже не допускались в гарем. По словам Розии, когда маленькому рабу исполнялось двенадцать лет, его удаляли из гарема, поручая какую-нибудь работу во дворце. Рабы-кастраты были только при матери Худояра Хаким-аим (умерла в 1285 году), их было двое — Эшмат-саркар и Ташмат-саркар, оба были неграми, но они тоже без хана не имели права входить в гарем. Каждый день, когда хан шел здороваться с матерью, эти два раба приходили с ним и, поклонившись Хаким-аим, уходили вместе с ханом. Похоже, что это были приближенные рабы Хаким-аим, доставшиеся ей от Шералихана.

По рассказам Розии, кроме этих двух старых рабов, никаких внухов во дворце не было. Так что утверждения русских писателей, будто в гаремах жили внухи, неверны. Розия рассказывала: «Когда Худояр в первый раз был свергнут с престола, он взял с собой в Джизак несколько рабов, которым дал образование и впоследствии назначил их на разные должности. Это были: Шогулом, главный глашатай, Джамил, Файзулла и Муллача — казначей. Давлят-удайчи, Давлат-саркар, Шопсаид-курбаши. Все они не были кастратами и в гарем не допускались. (Прим. автора.)»

² По словам Розии-аим, Худояр за свое трехкратное царствование вступил в брак с такими женщинами: 1) Козоктура, киргизка; Розия-аим точно не знает, кто был ее отец, а нам думается: не была ли она дочерью Мусульманкула; у нее было четыре служанки; 2) Анбарчик-тура, дочь уратюбинского сановника Худояр-бека; 3) Катта-пошшо-аим, дочь кокандца Ходжи Калона, мать Насреддин-бека; у нее было семь служанок и четыре рабыни; 4) Куконлик-аим, из Сармазарского района Коканда (Розия-аим не знает, чья она была дочь); когда хан был изгнан в первый раз, она вышла замуж за другого; 5) Курбан-аим, казначей Урманбека, у нее было три служанки, две рабыни; ее дочь, по имени Шахзодахон, умерла в г. Оше в 1919 году; 6) княжна Ширин, из байской семьи, у нее было три служанки и две рабыни; 7) княжна Гульзода — у нее было четыре служанки, ее дочь Тура-аим была выдана замуж за ко-

Гульшан миновала последний зал главного двора, вышла из него и очутилась в уже знакомом нам коридоре.

Служанка, шедшая с водяного двора, увидев Гульшан, поставила на землю медное ведро с водой и подбежала к ней.

— Поздравляю с подарком! Как поживаете, здорова ли ваша матушка?

Гульшан слегка коснулась кончиками пальцев плеча служанки.

— А как ты живешь? Весела, здорова? Как поживает Муниسخон-пошшо-аим? Поправляется ли Биби-пошшо-аим?

кандского бека Караматхана; 8) Исфаралик-аим, дочь исфаринского ишана Хабиба, у нее была дочь Мохзодахон, которую выдали за Исахана, сына кокандца Сафохана (говорят, что Мохзодахон еще жива); когда Худояр вторично вступил на престол, он обвинил Исфаралик в распутстве и прогнал из дворца.

А вот жены, на которых Худояр женился за время второго своего царствования: 9) Муниسخон-пошшо, дочь кокандца Газихана, у нее было восемь служанок и четыре рабыни; она родила сына Саид-Умарбека, который теперь живет в кишлаке Тура, Рашиданского района; 10) Пошшо-бону-аим, сестра знаменитого в Коканде Баходир-хана, мать Мухаммеда-Аминбека и Чорсолахон-пошшо; у нее было девять служанок и пять рабынь; 11) Масудахон (Огача-аим), дочь Ибайдуллы-ходжи, мать Фансуруллабека; 12) Кишбиби (Кыз-аим), дочь дяди Худояра Гадойбая-додхо; она раньше была женой Шомурад-хана, а когда Шомурад умер, Хаким-аим женила на ней своего сына Худояра в городе Бухаре; у нее было пять служанок и три рабыни; 13) Шах-аим младшая, дочь Шуганского наместника, мать Урманбека; умерла, когда мальчику не было еще и сорока дней; 14) Тухта-пошшо (Чиндовуллик-аим) из кишлака Чиндовул Наманганского тумана, дочь Ходжи, у нее было четыре служанки и три рабыни; 15) Шах-аим старшая, дочь Дарбазского наместника; от нее родился Саид-Фансарулла, которого в пятилетнем возрасте убил Пулат-хан в Маргелане; у нее было семь служанок; 16) Гуландом, из байской семьи; 17) Мохбегим, из байской семьи, мать Беньяминбека; у нее было три служанки и три рабыни; 18) Гулькыз-бекач, из байской семьи; 19) Асаль-бекач, из байской семьи.

Жены Худояра в последний период его владычества: 20) Аим из Каратегина, дочь каратегинского наместника; у нее было семь служанок; 21) Биби-пошшо-аим из Эковата, родом из кишлака Эковат, около Намангана, дочь крупного ишана Худжама-пошшо; у нее было три служанки и две рабыни; 22) Розия-аим, сообщившая нам эти сведения; у Розии был сын — Саид-Умарбек, но он рано умер; 23) Камбар-пошшо младшая, дочь бека Ходжа-Туры; когда умерла старшая, Худояр женился на свояченице; у нее было три служанки;

— Слава богу, слава богу... Зайдите к нам!

— Зайду,— сказала Гульшан и сняла с себя подаренный халат.— Только ты не говори, что я здесь. Я зайду к вам попозже.

В эту минуту в конце коридора с грохотом открылась дверь и выбежали, догоняя друг друга, две босоногие служанки. Увидев Гульшан, снимающую с себя мунсак, девушки подбежали к ней.

— Гульшан-джан, Гульшан-джан! Здоровы ли? Все ли благополучно? Поздравляем с обновкой.— Шаловливые девушки, подступив с двух сторон к Гульшан, наперебой расспрашивали ее и совсем оглушили.

— Довольно, довольно! Чтоб вам подохнуть, мои резвые кобылки! — сказала Гульшан.— Что скажут госпожи ханши, если услышат, как вы галдите?

Девушки, не обращая внимания на протесты Гульшан, потащили ее к двери, откуда выбежали сами.

— Гульшан-джан! Наша сытая кобылка! Сытая кобылка!

Гульшан и сердилась на них, и все же не могла удержаться от смеха.

— Ах, чтоб вам подохнуть! Недаром я не люблю к вам заходить.

Не слушая Гульшан, одна из девушек шаловливо потянула к себе мунсак.

— Откуда ты его взяла? Подари-ка мне!

24) Ойнисса-сахон-пошшо, дочь старшины Турсуна; 25) Тухфаниса-аим, дочь казия из Алтыарыка, тридцать семь дней спустя после женитьбы на ней Худояр отправился в Ташкент — на поклон к русским; 26) Хамрок-биби-аим, дочь кокандца Нурмат-бая; 27) Санданиса (Чименлик-аим), дочь киргиза; 28) Шодмон-аим, из байской семьи, говорят, была любимицей хана; у нее было три служанки и три рабыни; 29) княжна Гуль-бону, из байской семьи; у нее родилась дочь Озодахон, которая стала невесткой кокандского бека Бахадир-хана; 30) Рух-афзобекач; 31) Сайкал-бекач; 32) Санобар-бекач; 33) Аргувони-бекач; 34) Нигор-бекач; 35) Рузвон-бекач. Все последние шесть жен, говорят, были тоже из байских семей.

Думается, это еще не полный список жен Худояра, возможно, что Розия-аим запомнила не всех.

Когда мы беседовали с Розией-аим, мой друг Басит шутя спросил ее: «Так сколько же раз хан женился, матушка?» Розия-аим смущенно ответила: «Ах, провались он, хан,— счету не было женам хана, дитя мое!»

Так она сказала, и, по-моему, сказала правильно. (Прим. автора.)

— Бери, бери! — сказала Гульшан. — Пусть он будет тебе саваном!

— Ну конечно, таким меня и накроют в могиле!

Они дошли до двери в конце коридора и все втроем сразу протиснулись в нее.

31. СОРОК ДЕВУШЕК

Гульшан со своими спутницами вошла во двор, называвшийся «Сорок девушек». Здесь жили певицы, танцовщицы и музыкантши, увеселявшие хана. Их было сорок, вот потому-то двор так и назывался.

В ханском гареме было сто пятьдесят пять рабынь. Четырнадцать из них обслуживали Ак-сарай, восемь находились при ханской опочивальне, восемь других присматривали за сыном хана Урманбеком, десятью командами повитухи, двадцать пять прислуживали во дворе «Сорока девушек», а остальные — ханским женам.

Навстречу к Гульшан, прервав игру в мяч, бросилось несколько девушек.

— Как поживаете?

— Все порхаете, как ветерок, не уставать вам!

— Муж ваш еще не умер?

— А как поживают городские джигиты?

Эти девушки ничуть не уступали в шаловливости тем, которых Гульшан повстречала ранее. Да и сама она развеселилась, забросала девушек вопросами.

— Ну как, не скучаете? Никто не родил? Никого не поймали с любовником?

Двор «Сорока девушек» состоял из одного зала, четырех небольших комнат, кухни и прочих служебных помещений, предназначенных только для них.

На девушках были надеты красные шерстяные платья, такие же платки с желтыми цветами и адрасовые или парчовые жилетки. Игравшие в мяч были босиком, а занятые работой по двору или приготовлением пищи — обуты в гладкие кожаные кавуши, прошитые нитями двух цветов.

Большинство этих девушек было старше двадцати лет, но попадались среди них семнадцатилетние, а то и шест-

надцатилетние. Красавицы, как на подбор, они были присланы в подарок хану от окрестных беков. Дня два хан удостаивал их своим вниманием, а затем отправлял обучаться пению, танцам и музыке у таких знаменитостей, как Нусрат-хафиз¹, Батырбаши-хола, Тилля-хафиз, Таджи-хафиз, Мискол-хафиз, Хон-огача, Мисок-огача, Улуг-оинчи², Шах-бачча³, Раджабхан Таш-хафиз и даже у самой Зебихан из Маргелана. Они в совершенстве изучили искусство пляски, пения и музыки.

По пятницам большой зал двора «Сорока девушек» подготавливали к базму⁴. Девушки наряжались, надевали драгоценности, красились и появлялись перед зрителями во всеоружии своих чар.

Нередко после пятничной службы в мечети сюда приходил хан. Его сопровождали Розия-ханум и Огача-аим. Для хана было приготовлено почетное место у передней стены большого зала, откуда он и любовался искусством сорока девушек.

Девушки потащили Гульшан на середину двора, уговаривая ее поиграть с ними в мяч. Гульшан упиралась, но девушки настаивали, и в конце концов ей пришлось покориться. Отойдя в сторону, она разулась, сняла с головы платок, подоткнула спереди, чтобы не запачкать, свое шелковое платье в шаровары, а их подтянула до колен и засучила по локоть рукава.

Девушки подали ей самодельный шелковый мяч.

— Нужно ударить безостановочно пятьдесят раз. После каждого десятка покружиться. Кто проиграет, пронесет всех остальных на спине вокруг двора.

Узнав условия игры, Гульшан призадумалась.

— А что будет, если я выиграю? — спросила она.

— Каждая из нас пронесет тебя на спине вокруг двора.

— Хорошо, отойдите в стороны, — сказала Гульшан, выходя на середину. — Но если тронете мяч или еще как-нибудь помешаете мне, это не зачтется.

Девушки согласились и отошли подальше. Гульшан ударила по мячу; упругий, он высоко подпрыгнул, и Гульшан благополучно проделала первые десять уда-

¹ Хафиз — певец, певица.

² Оинчи — танцовщица.

³ Бачча — танцовщик.

⁴ Базм — пир, пиршество.

ров. После этого она, как и полагалось, повернулась кругом, длинные косы разлетелись в стороны, грудь колыхалась...

Девушки смеялись, кричали. Мяч благополучно подпрыгнул еще десять раз, и Гульшан снова покружилась под смех подруг. Но вот пошел третий десяток, и на восьмом ударе мяч отскочил в сторону. Как ни старалась Гульшан заставить его подскочить вверх, ей это не удавалось, мяч покатился по земле. Девушки окружили ее, крича, смеясь, хлопая в ладоши. Гульшан попробовала было улизнуть, но не тут-то было. Одна из девушек подкралась сзади и прыгнула к ней на спину.

— Но-о, мой осел!

Девушки хохотали. Две из них взяли Гульшан за косы и потащили вокруг двора. Полюбоваться этим зрелищем высочили и те, кто был в комнатах и в кухне.

После первой девушки верхом на Гульшан проехала вторая, и, таким образом, без малого десяток раз бедняга обошла вокруг двора. Они чуть не до крови натерли ей спину.

Затем снова началась игра.

Ужин был готов незадолго до вечерней молитвы. Девушки направились к дому. В одну из комнат вместе с ее обитательницами вошла Гульшан. В их комнате царил такой же беспорядок, как и в их душах: где попало валялись платки, ичиги и прочие вещи.

При виде этого хаоса Гульшан начала браниться:

— Что это такое? Не можете навести порядок! Когда к вам ни придешь, у вас такое творится... Словно в мешке у цыганки, который она со всем своим скарбом тащит за спиной!

— Вот и приберите, Гульшан-апа! — воскликнула девушка по имени Назик.

— Я? А мне какое до этого дело?

— А мне какое?

— Да ты здесь живешь. В чистой комнате и на душе становится светлее.

— Мне и без того светло, — возразила Назик и, посмотрев на стоявшую рядом с ней Тухфу, рассмеялась. — Тухфа, а у тебя светло на душе?

Тухфа широко раскрыла рот и подошла к Гульшан.

— Вот посмотри, апа. У меня душа так светла, словно в ней сорок светильников горят.

— Да, вижу, вижу! — сказала Гульшан, отворачиваясь. — Но тебе одного света мало, душа еще кой о чем просит...

— Чего же она просит? Мужа? — откликнулась девушка по имени Кумри. — Ну, апа, раз ты можешь угадать, чего душа просит, загляни и в мою.

— Твоя тоже о муже тоскует, — рассмеялась Гульшан. — Вот пристали! Да вам скажи слово и спасайся бегством!.. Принесли плов... Назик, стели скатерть!

Назик мигом исполнила приказание. На скатерть она поставила два китайских блюда с пловом. Гульшан в компании семи девушек принялась за еду.

После вечерней молитвы все, не мешкая, собрались в большом зале. Подготовили, согрев на огне, два бубна, настроили дутары, тамбуры, чанг и гиджак¹, собираясь поразвлечься музыкой. Так развлекались они каждый вечер. И правда, чем еще могли заняться эти бедные затворницы, лишённые семейных радостей, мужского общества? Единственное их развлечение днем — игра в мяч, вечером — музыка, а ночью — сны.

Зазвучала прекрасная музыка. Бубен — ведущий инструмент в оркестре. Он тихо рокотал, позванивая колечками.

Сияли лица слушательниц, освещенные большой люстрой в сорок свечей. В центре круга танцевала девушка, грудь ее мерно колыбалась в танце.

Зал все наполнялся и наполнялся; отовсюду сходились девушки, каждый вечер посещавшие эти концерты.

Танцовщица поклонилась и вышла из круга. На ее место двинулась Назик. Только она вошла в круг, как музыка резко изменилась. «Бак-баканг, бак-баканг...» — заговорил в новом ритме бубен, и раздался отрывистый веселый мотив.

Назик грациозно покачивалась в танце. Несколько девушек запели нежными голосами в такт музыке:

Лишь тюльпаны расцветут, тотчас дети их сорвут.
Верно ль, всех прекрасней тут чаровница, что прошла,
Та, что мимо нас прошла?

¹ Д у т а р — двухструнный щипковый музыкальный инструмент. Т а м б у р — трехструнный музыкальный инструмент. Ч а н г — музыкальный инструмент наподобие цимбал. Г и д ж а к — четырехструнный музыкальный инструмент.

Ярче звезд глаза горят. От меня отводит взгляд.
В грудь мою проникнул яд, душу мне печаль сожгла.
Душу мне сожгла дотла.

Всем своим телом Назик искусно выражала смысл
этой песни.

Горе жжет сильней огня, друг уходит от меня!
Отвернулся от меня, гневом сердце распалил.
На меня ли распалил?

Краше роз — ее уста... Точно лилия — чиста.
Но, быть может, красота — слой румян и слой белил?
Может, это слой белил?

Блещут искры томных глаз. Страшный пир идет сейчас.
Тот, кто в омуте погряз, тот погибнет в свой черед.
Здесь — насилие и гнет.

О, не мучай, пощади! Ран моих не береги!..
Я — в гареме взаперти... Здесь веселый пир идет,
Падишахов пир идет.

Здесь, в гареме, за дверьми, горе душу бьет плетью,
За тяжелыми дверьми тяжко девушке Назми —
Плачет бедная Назми!

Последние строки песни были полны трагизма. Они выражали отчаяние несчастной девушки, страдавшей долгие годы, изнемогавшей от горя. Начавшись с легкой, веселой мелодии, музыка становилась все более мрачной, и движения танцовщицы передавали охватившее ее отчаяние.

Здесь, в гареме, за дверьми, горе душу бьет плетью,
За тяжелыми дверьми тяжко девушке Назми.

Все присутствовавшие знали историю несчастной девушки, о которой пелось в песне. Это ее стенания раздавались сейчас, хотя ее не было здесь. Изнемогши от горя и слез, спала она под землей. Девушки не только знали о ее судьбе, многие из них оплакивали ее по сей день. Ведь это она, талантливая поэтесса, оставила им свои песни. Она создала музыку, в которой звучали страдания этих несчастных, лишенных свободы. Как же им забыть ее? Чью душу не тронет горе влюбленной, разлученной с любимым, горе девушки, честь которой втоптана в грязь? Чье сердце не тронут эти слезы?

Да... Год назад умерла их подруга Назми. Она сочи-

нила эту песню. Назми была красивой девушкой. Жила она в кишлаке под Кокандом. Ее полюбил один юноша, и она полюбила его. Близился день их свадьбы. Но отец девушки, бедный дехканин, не уплатил за несколько лет налогов Худояр-хану. Сборщики налогов явились в кишлак и учинили жестокую расправу с бедняком. А так как у дехканина не было ничего, кроме Назми, они забрали девушку и преподнесли ее хану.

Хану понравилась красивая девушка. Он поручил ее заботам гаремных служанок. Назми сводили в баню, приодели, и несколько ночей хан тешился ею. Затем ее отправили во двор «Сорока девушек». Там прожила она около двух лет, неутешно плача и сочиняя песни. Много песен создала она в неволе. Но горе сломило Назми, она заболела чахоткой и умерла.

Песней Назми закончили концерт, и все разошлись.

В 2. НАЗИК

Гульшан решила остаться ночевать в одной из комнат, где жили семь подруг. Назик и Тухфа стелили постели. Кумри весело болтала с Гульшан.

— Ну и глупая ты, Гульшан-апа,— говорила Кумри.— Оставила дома мужа одного. Какой прок тебе от нас, холостячек?

— Не болтай, бесстыдница! — ответила Гульшан.— Конечно, мне от вас нет пользы. Вы думаете лишь об одном...

— А ты о чем думаешь?

— Я думаю, на что день прожить, а вы с жиру беситесь. И я когда-то была тут служанкой. Но никогда, как вы...

Девушки внимательно слушали Гульшан.

Тухфа, стеля постель, спросила:

— А разве ты об этом не думала?

Гульшан улыбнулась и, помолчав немного, ответила:

— Может, и думала, да при всех не болтала! Ведь это от шайтана. Будешь чаще молиться, такое и на ум не придет. Вот Зарифа, например, никогда не произносит бесстыдных слов.

— Ва! Ха-ха-ха-ха! — засмеялась Кумри.— А скажи-ка ей, Зарифа, что тебе вчера приснилось.

— Провались ты! — буркнула, отвернувшись, Зарифа.— Мало ли что приснится, а ты еще попрекаешь!

Девушки стали укладываться. Постели находились близко одна от другой. Гульшан выбрала крайнюю.

— Платья снимать! — скомандовала Кумри и, стоя, стянула с себя платье.— Штаны долой!

Девушки, по примеру Назик, стали шлепать друг друга по голому телу. Раздался смех, хихиканье.

— Ой! — вскрикнула Гульшан, зарываясь с головой в одеяло.— С вами тут грехов не оберешься... А знаете ли вы, что в вашем возрасте каждая могла бы быть матерью двух-трех детей.

— Верно, милая Гульшан,— сказала Кумри, поднеся свечу поближе к своему телу, чтобы получше разглядеть его.— Взгляните на меня. Я, пожалуй, уже могла бы и пятерых родить!

Девушки смеялись. Гульшан немного высунулась из-под одеяла и тоже расхохоталась при виде того, что перед ней открылось.

— Гаси свечу!

Кумри погасила свечу, стоящую на полке. Комната погрузилась в темноту. Но девушки продолжали возиться, стаскивать друг с друга одеяла. То и дело раздавалось: «подвинься», «ляг поближе»...

— Дадите вы спать в конце концов? — рассердилась Гульшан.

— Тише вы! — зашипела Кумри.— Гульшан пришла к нам выпастьяся.

— Бедняжка,— подхватил кто-то.— Дома муж ей спать не дает!

— Потому-то я и не выхожу замуж,— продолжала Кумри.— Сгори он, муж,— никогда не даст поспать!

— Спи, бедненькая, спи,— подхватила Тухфа.— О нас, девушках, не беспокойся.

Девушки снова залились смехом. Гульшан тоже не сдержалась и засмеялась вместе со всеми.

— Нечего попусту болтать,— сказала она наконец.— Слова должны иметь смысл. А все эти «хи-хи-хи» да «ха-ха-ха» без толку... Уж лучше выпастьяся!

— А что такое смысл, Гульшан-апа? — спросила Тухфа.

— Не спрашивай о смысле смысла,— прервала ее Кумри.— Лучше пусть скажет, какой смысл в том, что мы заточены во дворе «Сорока девушек».

— Ну, это ты брось,— откликнулся кто-то.— А вот есть ли смысл в том, что Гульшан-апа бросила мужа дома и пришла спать к нам, беспутным?

— А, чтоб вы онемели!

— Есть, есть смысл! — раздались голоса.— Она же к нам новых подруг приведет.

— А какой смысл в том, что она подруг приведет?

— А смысл в том, что нас, неразумных, станет больше.

— Провалитесь вы все! Не стану я никого приводить. Спите спокойно.

— Bravo,— воскликнула Назик.— Вот теперь вы дело говорите.

— Ты не права, Назик, Гульшан-апа давно стала умницей.

— С каких пор?

— Давно... Сколько лет, Гульшан-апа, как вы замужем?

Девушки снова захохотали.

— Да будет вам говорить непристойности, давайте спать!

— Нет, Гульшан-апа, подожди,— сказала Назик.— Я расскажу что-то «пристойное», хочешь послушать?

— Кому нужен твой рассказ? Провались он!

— Очень интересный рассказ. Не станешь слушать, все равно не дам спать!

— Рассказывай, только не тяни! — проворчала Гульшан, повернувшись на другой бок.

— Я быстро. Вы, подружки, тоже лежите тихо.

Девушки щекотали друг друга, смеялись, не обращая внимания на уговоры Назик.

— Тухфа, Кумри, не шумите. А не то задушу! Хотите? — закричала Назик.

Но никто не слушал ее угроз.

Назик вскочила, и тогда все спрятались под одеяла.

— Навруз, я тебя по губам шлепну!

То тут, то там еще выплескивался смех, но общий шум прекратился.

— Ты не спишь, Гульшан-апа?

— Нет, рассказывай!

Назик снова прикрикнула на подруг и села в постели.

— Как-то утром шли мы из бани,— начала она.— По этой же дороге шел один молодой человек.

— Старая история! — вставил кто-то, и девушки опять захихикали.

— Ну и что? Не хотите слушать — не надо, я для Гульшан рассказываю. А вы спите и не мешайте.

— Нет, нет, рассказывай, мы будем слушать,— откликнулась Тухфа.— Навруз, Кумри, Хамрох, угомонитесь наконец!

— Итак, Гульшан-апа, с нами рядом шел молодой человек. Спросите, каков он был из себя? Лицо румяное, гладкое, как яблоко, глаза лани, усы, как молодая травка, а брови красивее и тоньше, чем у Розии-аим... На нем — халат из бекасама, очень был ему к лицу. Мы невольно залюбовались, правда, Тухфа?

Тухфа подтвердила, а Назик, убедившись в том, что Гульшан еще не заснула, продолжала рассказывать:

— Джигит был молод и застенчив. Заметив, что на него смотрят чуть ли не двадцать девушек, он смутился и опустил глаза. Нас сопровождали тогда тетушка Насиба и повитуха Ханифа. Видят, что мы заинтересовались этим джигитом, и стали нас поторапливать. Пришлось ускорить шаг, но мы все оглядывались. И он не отставал, все время шел рядом. Когда мы подошли уже к воротам дворца, я обернулась и посмотрела назад. Он был шагах в десяти от нас. Тут меня словно шайтан толкнул — пришла мне в голову одна мысль. Отстала я от подруг, сняла с головы платок и, пряча его под паранджой, бросила на землю. Мы приблизились к воротам, привратники открыли их, пропустили нас и отошли в сторону. Я еще не знала, упал ли мой платок, но хотелось, чтобы он упал за воротами, и я боялась, что это не вышло. Внутри двора, пройдя шагов десять, я решилась оглянуться снова. Мой платок лежал на земле. А тот молодой человек наклонился, чтобы его поднять. Я продолжала свой путь.

— Апа, вы обронили платок!

У меня забилося сердце, и я остановилась. А он подходит, улыбается, подает платок.

— Не ваш ли?

— Мой! — ответила я и взяла платок, а поблагодарить забыла.

На этом разговор кончился. Молодой человек вошел в главные дворцовые ворота. Я, как-то вся обомлев, поплелась вслед за девушками в гарем... Я видела этого джигита на расстоянии одного шага от себя, я слышала его голос, рука его, кажется, коснулась моей... Ты спишь, Гульшан?

— Нет, не сплю! Что дальше было?

— А вот сейчас расскажу. Вхожу во двор, сердце так и бьется... В ушах все звучат слова: «Апа, вы обронили платок... Не ваш ли?» Передо мной встает его образ, и сердце трепещет. Чего я только не передумала, но придумать ничего не могла. Мое сердце было опалено огнем, и огонь пожирал его все время. Я словно опьянела от этого огня, голова кружилась, в глазах стоял туман, я просто себя не помнила. Зачем увидела я этого человека, зачем поглядела на него? Для чего бросила платок, а он поднял его? Как он мог войти во дворец? Он джин — злой дух, он хочет лишить меня разума... Ох, повидать бы мне его еще хоть разок! Я спрашивала всех своих спутниц: «Видали вы того джигита?» Говорят: «Видали». Спрашиваю каждую: «А хочешь ли снова повидать его, не горит ли у тебя сердце по нем?» — «Нет», — отвечают. Ну, после этого я окончательно поверила в то, что он джин. Я играла с джином, и он попутал меня. Снова я спрашивала: «Есть ли у нас во дворце такой джигит?» — «Нет», — говорят. «А видели вы, как он за нами вошел во двор?» Опять: «Нет». Значит — только меня джин попутал. А Тухфа смеется: «Ты полюбила волшебника», — говорит. И я так думаю. Да, я полюбила волшебника и он полюбил меня... И вот я стала ждать его. Я думала, если это правда, он заберет меня в свою страну. Дни и ночи ждала я, мечтала о встрече, а его все нет и нет. Через две недели пришло время идти в баню. Я обрадовалась: может быть, сегодня я уйду в волшебную страну. Я сгорала от нетерпения. Мы пошли. Когда на обратном пути из бани мы приблизились к тому месту, где повстречались с джигитом, сердце мое забилося. Если он явится и поманит меня, думала я, непременно пойду за ним. Но вот мы уже на этом самом месте, а волшебного юноши нет. Посмотрела я по сторонам, заглянула в переулок — никого! А я ведь продумала, как себя вести, что

стану делать, если он появится... От напряжения я вся покрылась холодным потом и не помню сама, как отстала от девушек. Вдруг слышу, тетушка Насиба зовет меня. Я заторопилась и догнала всех. Пока дошла до ворот дворца, я еще несколько раз оглянулась.

Назик вздохнула и помолчала.

— Вот так я влюбилась в волшебного юношу,— добавила она.— Три месяца уже влюблена, Гульшан-апа!

— Ты влюблена в волшебного юношу? Ха-ха-ха-ха!

— Почему вы смеетесь, Гульшан-апа? Если не верите, спросите Тухфу.

— Я не этому смеюсь,— сказала Гульшан, продолжая смеяться.— Просто юноша, о котором ты говоришь, вовсе не волшебный.

Назик вскочила:

— Кто же он?

— Человек.

— Человек? Ты его видела?

— Да... У нас во дворце. Знаешь, кто теперь на посту главного писаря?

— Знаю. Его зовут Анвар.

— Вот он-то и есть «волшебный юноша», в которого ты влюбилась.

Тухфа расхохоталась так громко, что несколько девушек вздрогнули во сне.

— Оказывается, Назик, ты влюбилась в мирзу Анвара?

Назик остолбенела.

— Как это? Такой молодой человек стал главным писарем?

— Да, стал.

— Правда, он достоин этого,— сказала она.— Он женат?

— Откуда мне знать? Впрочем, если и не женат, на тебе все равно не женится.

— Конечно, не женится,— сказала Назик с необычной для нее грустью в голосе.— Я осквернена собакой ханом, я...

Гульшан промолчала.

Тихо посапывали спящие, и в это мирное посапывание лишь изредка врывается звук заглушенного рыдания.

Салих-махдум вышел из ичкари. Среди людей, ожидавших главного писаря, он увидел и муллу Абдуррахмана.

— Добро пожаловать, мулла, добро пожаловать!.. Здравствуйте!

Поздоровавшись, махдум пригласил гостя в михманхану.

— Ну, хабба... Как поживаете?

— Слава богу! А ваше здоровье?

— Хвала всевышнему! Чему я обязан, что стопы вашей милости привели вас в мой дом?

— Вашему доброму ко мне расположению,— ответил мулла Абдуррахман.— Если господин Анвар сочтет возможным, я хотел бы надеяться, что смогу занять должность писаря...

— Очень хорошо, очень хорошо! — сказал махдум.— Что же может воспрепятствовать этому? Образование у вас достаточное, только вот бумаги составлять... Ну да Анвар подучит. Это не помешает. Что до каллиграфии, то тут, думаю, все в порядке.

— Ну, для того чтобы бумаги составлять, я в учителе не особенно нуждаюсь,— с обидой в голосе сказал мулла Абдуррахман.— Если я и не знаю всего того, что знает мирза Анвар, то, во всяком случае, лишь немногим меньше...

— Очень хорошо, очень хорошо! Правда, в канцелярии считают, что по сравнению с другими писарями и муфтиями Анвар изъясняется изящнее. Таковы плоды ученья в школе. Учиться полезно. Вы сами представьтесь мирзе Анвару, или мне о вас доложить?

— Не знаю... Впрочем, думаю, лучше скажите вы.

— Что ж, прибегнуть к помощи посредника тоже неплохо. Я с ним поговорю. Все равно ведь нужно ему объяснить, чему вы учились, и сказать о том, что вы способный человек.— Помолчав немного, махдум добавил: — Да, в дворцовой канцелярии принято на первых порах работать бесплатно. Наш Анвар тоже вначале не получал жалованья.

— Дело не в жалованье, ваша милость. Служба в мечети дает мне средства на жизнь.

— Хабба! С этим, значит, в порядке. Если вы научи-

тес хорошо и быстро составлять бумаги, то начнете получать жалованье. Кроме того, общение с сильными мира сего принесет немалую пользу — это ведь самое главное. — Махдум понизил голос. — Служа в мечети, далеко не уйдешь. Это хорошо придумано! Вы мне как сын, а чем ближе наши дети будут ко двору, тем лучше и нам. Будьте спокойны, мулла Абдурахман, вашу просьбу я передам и сам замолвлю за вас словечко. Мирза Анвар, несомненно, примет вас на работу.

Поблагодарив Салиха-махдума, мулла Абдурахман собрался уходить.

— Когда мне прийти за ответом?

— Хабба! Завтра же, после утренней молитвы... Почему уже уходите? Чаю, лепешку свежую...

— Нет, спасибо, ваша милость.

Махдум проводил муллу Абдурахмана во двор и вернулся к ожидающим мирзу Анвара. Он справился о здоровье каждого из них и спросил, что им нужно от главного писаря. Одетых побогаче он расспрашивал также, где учатся их дети, и, если оказывалось, что они живут неподалеку, выражал удивление, почему дети не отданы в его школу.

Дехканин в заплатах халате, с мозолистыми руками привлек особое внимание махдума.

— Похоже, что вы приехали из кишлака, — обратился он к дехканину. — Ну-ка, скажите, какая «хворь» у вас?

Дехканин почтительно встал, сложив руки на груди.

— У меня тринадцать танапов земли, господин. А налог — видно, ошиблись — посчитали с тридцати трех танапов! Хочу подать прошение.

— Хм! — воскликнул махдум. — У вас что, в кишлаке нет старшины?

— Есть... Да не из тех, что выслушают жалобу.

Махдум снова оглядел дехканина с ног до головы.

— А знаешь, братец, чтобы составить прошение, нужны денежки. Без денег не стоит и беспокоиться...

Дехканин похлопал по поясу, как бы показывая, что деньги есть.

— Что вы, что вы, господин, не такая уж у меня глупая голова, чтобы приехать без денег.

Махдум обрадовался, увидев, что деньги есть, но и забеспокоился: он знал, что Анвар бессребреник и с бедных дехкан денег не берет. Он неоднократно поучал сво-

его воспитанника, упрекал Анвара в том, что он не знает «вкуса» золота, но это ни к чему не привело. А хорошо знающий «вкус» золота Салих-махдум придумал себе интересное занятие: все время, пока длился у Анвара прием, он сидел в крытом коридоре и каждого выходящего от него спрашивал: составлял ли Анвар бумагу или только давал советы, платил ли ему проситель за это? Если выяснялось, что хотел заплатить, но Анвар отказался взять деньги, Салих говорил: «Вы мало дали, предложили бы больше, он бы взял. Ну ничего, оставьте сколько есть, я, пожалуй, уговорю его принять»,— и забирал у просителя деньги.

Он умудрялся брать даже с тех, кто заходил к Анвару просто перекинуться словечком. «Даром даже кошка не выйдет на солнце погреться! — объяснял он в таких случаях.— Мирза Анвар постеснялся сказать вам о деньгах, дайте мне — я передам, скажу, что вы не знали, как предложить. Хабба, это пригодится на тот случай, если вам понадобится снова обратиться к нему».

Таким образом, пользуясь именем Анвара, бесплатно писавшего бумаги и дававшего советы, махдум уже несколько недель занимался своим «новым ремеслом». Когда просители расходились, он, позванивая в карманах монетами, шел в ичкари и начинал считать свою выручку, раскладывая отдельно копейки, отдельно пятаки, особенно отбирая серебро. «Э, дела важнее слов, только простофили этого не понимают»,— думал махдум и весело посмеивался.

Конечно, свое «ремесло» он скрывал от всех и особенно боялся, что узнает о нем Анвар...

В тот день Салих-махдум ушел на предзакатную молитву, когда Анвар уже вернулся из дворца. Это обстоятельство так беспокоило махдума, что он покинул мечеть, не дочитав молитвы до конца. Однако многим посчастливилось завершить свои дела с Анваром до прихода махдума. Злясь на суфи, который запоздал с призывом на молитву, махдум прошел в крытый коридор; он заметил, что еще не все просители разошлись, и остановился в коридоре, словно кого-то поджидая. И действительно, вскоре из михманханы вышел человек, по виду похожий на имама. Махдум взглянул на него недружелюбно, но тут же выражение его лица изменилось, и он воскликнул: — Здравствуйте, ваша милость! Изволили прийти...

— Здравствуйте, как поживаете, Салих-махдум? У меня дельце есть к мирзе Анвару, дай бог ему долгой жизни. Добрый, чуткий юноша. Я попросил его написать небольшое прошение. Но скажите, как ваше здоровье, махдум?

Махдум старался быть как можно приветливее и не расспрашивал о прошении — этот человек был ишаном¹, и требовать у него деньги — все равно что у нищего просить подавание... А за разговором с ним он может упустить следующего просителя. Поэтому он старался поскорее закончить разговор с ишаном.

— Хорошо, хорошо, ваша милость, благодарю вас, очень просим, приходите.

— Приду, обязательно приду... Нужно поздравить мирзу Анвара, помолиться за него. Сами вы, махдум, и не подумаете угостить меня и получить мое благословение. Я уж так и сказал мирзе Анвару: вы одной услугой не отделаетесь, придется угостить. Мирза — щедрый человек: «Только приходите, говорит, за угощением дело не станет». Слышал я, что вы, махдум, собираетесь поженить детей. Спросил у мирзы, а он смеется... Так и не сказал ничего толком. А дело хорошее, не медлите с ним. Когда же свадьба?

Взгляд махдума выражал крайнее нетерпение: из-за этого долгого бессмысленного разговора он мог упустить выгодную встречу.

— Да вот думаем весной устроить.

— Долго, долго ждать. Ну что же, всему свое время. Большой, должно быть, устроите пир? Созовете гостей со всего города? Вас, наверное, посетят и жены хана. Жених ведь не маленький человек. Потребуется чуть ли не тысяча халатов, чтобы одарить всех гостей. Ну конечно, и они придут на свадьбу не с пустыми руками. Не иначе как жены хана принесут вашей дочери подарков на сотню золотых, а может, еще и рабыню в придачу. Каков расход, таков и приход, говорят.

В эту минуту махдум услышал, что кто-то выходит из михманханы, и, как резвый конь, начал топтаться на месте. А ишан все заливался соловьем.

— Ничего, обойдется. Святому делу, как говорится, сам бог помогает. Конечно, этот ваш свадебный пир

¹ Ишан — духовный наставник.

превзойдет все, что мы видели доселе. Но открывайте объятия пошире. Я сам, бог даст, приду вам помочь. Без привычки трудно справиться с приемом стольких гостей. Это мы можем принять сразу пять тысяч человек.

Из михманханы вышла женщина и быстро проскользнула мимо. Махдум растерянно смотрел то вслед уходящей, то на ишана.

— Пусть ваши женщины не беспокоятся. Мои понагорели на свадьбах, и, если дадите знать заранее, я с превеликим удовольствием пришлю их на подмогу... Да вы что-то рассеянны, махдум?! Может быть, плохо себя чувствуете?

У махдума и впрямь был беспокойный взгляд, так как со стороны михманханы опять послышались шаги. Это вышел от Анвара давешний дехканин.

— Нет, нет, что вы, я здоров.

— Ну вот, значит, о приеме гостей не беспокойтесь. Мы еще до свадьбы встретимся у вас и поговорим обо всем с мирзой Анваром.

Дехканин тем временем поклонился, проходя мимо столь уважаемых особ, и прошел к воротам. Обеспокоенный махдум бросил ишана и окликнул дехканина:

— Пойдите, братец!

Дехканин остановился. А ишан все говорил:

— Если вы смогли бы, то я на этой неделе свободен, и у мирзы Анвара найдется время. Не нужно особых приготовлений. Немного самсы или манты, все равно, лишь бы вкусно было... Если надумаете, пришлите когонибудь из учеников предупредить меня...

— Слушаюсь, ваша милость.

— Вот и договорились! А если сами придете за мной, и того лучше. Своим ногам платить не приходится. До свидания, мулла Салих, до свидания, да будет над вами божие благословение.

— До свидания, ваша милость, до свидания!

Махдум даже не пошел проводить ишана до ворот — так он стал ему противен — и подошел к дехканину.

— Что, брат мой,— спросил он его,— вы хотели, чтоб вам написали прошение?

— Нет, ваша милость, их превосходительство написали одну бумагу, вот она, ее нужно показать землемеру,

— Очень хорошо! — сказал махдум.— А вы заплатили за нее?

— Нет. Я давал деньги, а они не взяли.

— Значит, мало да...

Махдум хотел сказать «значит, мало дали», но прикусил язык: из михманханы вышел Анвар и поклонился ему.

— Здравств...— поспешил махдум ответить на его поклон,— я только... из мечети!

Затем он кивнул дехканину, изумленно посмотревшему на него, и буркнул:

— Проходите, если закончили дела!

84. ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Дехканин, так и не поняв, что значили слова «мало да...», в недоумении вышел из крытого коридора. А растерявшийся махдум пошел вместе с Анваром в ичкари. Пройдя молча несколько шагов, он бросил осторожный взгляд на приемного сына и сказал:

— У вас был Гази-ишан. Пустой человек! Чуть ли не целый час болтал про какое-то «угощение». Только время зря отнял! Суший дармоед, да и жаден к тому же. Вам он, наверное, тоже намекал на угощение?

Анвар кивнул головой и улыбнулся.

— Жадность — большой порок,— продолжал махдум.— Не зря арабы говорят: «Скромного уважают, жадного презирают...» Таков, между прочим, был и его покойный отец. «Собаку рвет тем, что съела» — сын еще хуже. В их роду один хуже другого. Написали тебе из милости прошение, ну и уходи. Так нет, он еще и угощения требует!

Анвар, посмеиваясь, следовал за махдумом, а тот все ворчал:

— «Не нужно, говорит, особых приготовлений. Манты, самса... Лишь бы вкусно приготовлено и достаточно». А если вам шашлык подать, вы что, ишан, откажетесь? Заявляет, что возглавит свадебный той,— он будто бы умеет хорошо гостей принимать. Я еще с ума не сошел — поручить такому человеку устройство свадьбы!.. Решил, видно, прийти нечетом, а уйти четом. Скрыга!

С этими словами махдум вошел в ичкари. Во дворе стояла Рано, держа на руках ребенка. Анвар, следовавший за махдумом, подошел к ней и взял мальчика. Рано заметила, что отец чем-то рассержен, и вопрошающе посмотрела на Анвара; тот подмигнул, давая понять, что ничего серьезного нет.

Махдум поднялся на айван и сел. «Господи, прости!» — вздохнул он. Уже из мечети он вышел в дурном настроении, а сейчас оно испортилось до предела. Шутка ли, благодаря этому болтуну ишану, у него лопнул весь сегодняшний «заработок». А дехканин не только увильнул от уплаты денег, он чуть не опозорил его. И во всем виноват этот скареда, этот негодяй ишан! Махдум не стеснялся в выражениях, мысленно ругая его.

Делая вид, что забавляет ребенка, Анвар разговаривал с Рано. Нигор-аим готовила ужин, и махдум, справившись, когда его подадут, позвал к себе Анвара.

— Идите сюда, можно и здесь поужинать... А ты, Рано, присмотри за братьями... Мансур, кажется, все еще на улице. Заодно и ворота закрой на цепь, дочь моя!

Рано пошла на мужскую половину. Анвар, держа ребенка на руках, присел на край айвана. Ребенок вырывался и что-то лепетал.

Махдума это забавляло.

— «Мам-мам, мам-мам, мам...» Ах ты негодник! — сказал он, протягивая руки к сынишке.— Ну и шалун! Ребенок тоже тянулся к махдуму, сжимая и разжимая ладошки.

— Ну, иди ко мне, джигит, иди. Да он совсем еще несмышлениш! Вот если бы переболел корью... Ду-ду-ду!

Вернулась Рано с братишками. Махдум оставил малыша и начал осыпать попреками мальчишек.

— Вот дураки! Не позови вас, сами и не додумаетесь явиться домой. Поглядите-ка на их одежду! Ты что, в пыли валялся? Ишак! Отряхнись! Разденься и вытряхни все! Такая хорошая одежда! Ну что с ними сделаешь?

Анвар посмотрел на испуганных детей и улыбнулся.

— Поумнеют.

— На том свете? Ну и задам же я им сейчас взбучку! Рано, постели брату курпачу, заведи у него ребенка

да спроси у матери, готов ли плов. Пусть подает, если распарился.

Рано расстелила на айване курпачу, взяла мальчика и пошла узнать насчет плова.

— Анвар, пожалуйте на курпачу! А вы, ишаки, идите мыть руки!

Ребята побежали к арыку. Анвар пошел вслед за ними. Вода в арыке была очень мутная, Анвар привел детей обратно и полил им на руки чистой воды из кувшина. Затем стал мыться сам.

— Рано, полей брату на руки! — крикнул с айвана махдум.

Но Анвар не дождался ее; когда она подошла, он уже помылся.

— Какая ты медлительная, — рассердился махдум. — Не дай бог послать тебя за водой, если подавишься то-локном! Задохнешься, пока ты ее принесешь!

Анвар и Рано засмеялись, да и махдум улыбнулся, видимо довольный своей шуткой.

— Верно ведь говорят, Анвар, что лучше быть быстроногим нищим, чем нерасторопным ремесленником.

Молодые люди снова рассмеялись, а махдум пришел в полный восторг.

Анвар сел на курпачу, Рано расстелила перед ним скатерть. Нигор-аим принесла на глиняном блюде плов. Все принялись за еду. Плов оказался удачным.

Махдум, отведав, стал хвалить жену.

— Плов сегодня хороший... Только мяса многовато!

— Потому и вкусный плов, — улыбнулась Нигор-аим и посмотрела на Анвара.

— Во всем нужно соблюдать меру.

— Ну, к мясу в плове это отношения не имеет.

Рано засмеялась словам матери, Анвар отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Слова священных хадисов¹ обязательны для всех! — сказал махдум. — Мы живем сейчас на земле и должны проявлять усердие. Но хадисы готовят нас и к загробной жизни... Нужно молиться, но не слишком в этом усердствовать, ибо чрезмерная молитва лишает

¹ Хадисы — сообщения, рассказы о поступках и изречениях пророка Мухаммеда и его соратников, вошедшие в мусульманское священное предание — сунну — и потому выдаваемые за норму, образец поведения.

сил, человек теряет тогда возможность зарабатывать достаточно, чтобы содержать семью. Это нарушает правильный образ жизни. Довольно и того, что человек выполняет предписанные религией законы. А что это значит? Это значит — нужно придерживаться золотой середины. Священные законы чудесны и богоугодны, когда они применяются в быту. Например, ты собираешься положить в плов все мясо; однако, придерживаясь золотой середины, ты делишь мясо на две части и откладываешь одну половину. Вот тут-то и происходит чудо: на другой день у тебя опять есть мясо на обед. Золотая середина обеспечила двухдневное питание. А вот еще как бывает: человек привык хорошо питаться, но впал в нужду, не может купить себе мяса и страдает от этого. К тому же человек, привыкший вкусно поесть и лишенный этой возможности, готов пойти на преступление, чтобы достать вкусную еду. Да, да, это так! Отчего — спросите? Конечно, из-за излишеств, которые он себе позволял ранее.

Поучая Нигор-аим, махдум стремился убить одним камнем несколько птиц. В то же время этот камень мог попасть в него самого: что бы он ответил, если бы кто-нибудь из сидящих вместе с ним за пловом спросил, входит ли в понятие золотой середины его поведение в крытом коридоре сегодня, не говоря уже о прочих днях?

Не знаем, нашелся ли бы он, что сказать. Впрочем, пройдя науку в медресе, махдум и тут не растерялся бы. Раскрыл бы книгу и, перелистывая ее, нашел страницы, гласящие о необходимости обеспечить семью, и, оправдываясь особыми расходами, какие приходится терпеть, нашел бы указание даже на то, что его корысть угодна богу; еще пристыдил бы тех, которые не знают, что значит «забота о семье».

Но с махдумом никто не спорил, не возражал ему. Возможно, по неопытности, а возможно, и по другим причинам. Лишь молодые люди, сидевшие друг против друга, улыбаясь, многозначительно переглянулись.

Выговорившись, махдум все свое внимание снова обратил на плов. Не поднимая головы, он долго молча ел. Видимо, забыв о золотой середине, махдум каждую горсть плова уснащал отличным куском мяса, в то время как другие редко-редко брали по кусочку.

Съев почти половину плова, он наконец поднял го-

лову и предложил Анвару есть поусерднее. Затем прикрикнул на ребят за то, что насорили, и с упреком обратился к Рано:

— Ты мало ешь, дочь моя! Разве так едят плов?

— По аппетиту у меня «неудовлетворительно»,— сказала Рано.

Анвар и Нигор-аим расхохотались.

— Ты за словом в карман не лезешь, дочка,— рассмеялся и махдум.— Но кто мало и медленно ест, тот плохо работает.

— Значит, плов нужно есть на «превосходно»?

— Да уж!.. Если не горит рот.

Снова все рассмеялись.

— Кстати,— сказал махдум, перестав смеяться,— у меня есть просьба к главному писарю, чуть было не забыл. Э... э... тут давеча приходил... э... э... мулла Абдуррахман. Я ему обещал... он хотел... с вами повидаться. Насколько я понимаю, ему хотелось бы получить место писаря. Я сказал, что поговорю с мирзой Анваром, возможно, он возьмет вас... Он, кажется, грамотный, этот мулла, и хорошей души человек...

Анвар призадумался.

— Никак не могу вспомнить, кто это мулла Абдуррахман?

— Да ну же, наш мулла Абдуррахман! Он еще приходил благословлять вас, когда вы получили должность писаря! Молодой имам!

Анвар покачал головой.

— Ничего не помню.

— Ладно,— сказал махдум, прищутив правый глаз.— Я вам напомню. В тот день приходил также ваш почитатель — ткач. Помните его?

— Помню!

— Ну вот, а после него пришел молодой имам. Вспомнили теперь?

— А, вспомнил! Он когда-то учился в вашей школе.

— Хабба! — воскликнул махдум и обратился к Нигор-аим:— Ты тоже его знаешь.

— Откуда я его знаю?

— Он учился в Бухаре и засылал несколько раз сватов к Рано.

Нигор-аим утвердительно кивнула и незаметно покосилась на Анвара.

Рано покоробили слова о сватовстве, она бросила ешь и, взяв полотенце, стала вытирать руки.

Неизвестно, с каким умыслом сказал о сватовстве махдум, но Анваром овладело чувство ревности. Не обращая внимания на махдума, ожидающего от него ответа, он попросил у Рано полотенце.

— Почему уже вытираете руки, Анвар? Вы целый день ничего не ели... Неужели так быстро насытились?

Анвар поблагодарил Нигор-айм, сказал, что он сыт, и кивнул ребенку: «Вот какие дела...»

— Анвар и Рано сделаны из одного теста,— продолжал махдум, поедая плов (он, видно, не дошел еще до «золотой середины»),— оба едят одинаково мало.

Этой шуткой махдум как бы хотел устранить неловкость, возникшую от разговора о сватовстве Абдуррахмана. Молодые люди улыбнулись друг другу. Нигор-айм тоже почувствовала облегчение.

— Так как же вы смотрите, Анвар? Возьмете Абдуррахмана к себе?— спросил махдум.

— В данное время у нас нет нужды в писарях.

— Думаю все же, такого человека упускать вам нельзя. Подучившись у вас, переняв ваш опыт, такие люди работают не покладая рук. А уж относиться к вам он, конечно, станет сердечнее, чем чужие. Вот, Анвар, мое мнение.

— Подумаю!..

— Думать, конечно, неплохо. Но я давно уже это обдумал и пришел к выводу: чем больше рядом с тобой будет людей, подобных мирзе Султанали, тем лучше.

— Может быть, вы и правы...

Анвар пристально разглядывал скатерть. А Рано также внимательно смотрела на Анвара, понимая, что под его нежеланием дать согласие что-то кроется.

Нигор-айм кормила Мансура пловом и прислушивалась к разговору.

Махдум рыгнул и попросил полотенце.

— Я рассудил правильно, Анвар. Не сомневайтесь.— Он собрал со скатерти несколько рисинок и бросил их в рот.— Возьмите на работу муллу Абдуррахмана. Он готов некоторое время поработать даже бесплатно. Ну, согласны?

— Дело не в оплате...

— А в чем?

— Не обидятся ли другие служащие у нас, если я приведу нового писаря. Вот что меня смущает.

— Раз он будет работать бесплатно, так не все ли им равно? Что от них убудет?

— А то, что через месяц у них окажется соперник. Особенно я думаю о нашем муфтии Шаходате... Вам известен его характер.

— Да, это собака, ваш муфтий Шаходат! — воскликнул махдум. — Вот мне и кажется, что для защиты от ему подобных вам нужен свой человек. Молоды вы еще, мой сын! Неужели вам требуется чье-то разрешение, чтобы принять нового писаря?

— Нет.

— Ну вот! «Что стоит карнайчи разок дунуть в свой карнай?»¹ Завтра я скажу, чтобы он явился к вам.

— С этим успеется... Сначала я кое с кем посоветуюсь.

— Хорошо, можно их уважить, и для виду посоветоваться. А принять на работу его все-таки надо!

Махдум прочел молитву и начал собираться в мечеть — наступал час вечерней молитвы. Выходя на улицу, он вспомнил ишана Гази с его глупой болтовней о предполагаемой свадьбе, о гостях, которые придут на свадьбу, о ханских женах, а главное — о многочисленных подарках от них... Куда их девать? Уже в мечети, когда суфи читал молитву, махдум подумал о служанке, которую могут подарить Рано. Уж лучше бы не дарили — лишний рот в доме.

55. ХАН ХОЧЕТ РАЗВЛЕЧЬСЯ

ел сентябрь, но погода стояла жаркая. Была пятница. В середине чисто подметенного и свежеполитого дворцового сада возвышалась большая супа, покрытая красным ковром с вытканными на нем тюльпанами. На ковре лежала бархатная курпача, а поверх нее брошена шкура льва.

Сейчас эта супа была пуста: и хан, и его приближенные отсутствовали. Но все небольшие супы, стоявшие напротив, были заполнены. На них восседали визирь,

¹ Карнай — музыкальный духовой инструмент, огромная труба.

военачальники, верховные судьи, шейх-уль-ислам¹, судьи, высшее и городское духовенство, ученые-ишаны, придворная знать и низшие чины — курбаши и начальники районов. Духовные лица были одеты в халаты из бенаресского шелка, головы их покрывали белые величественные чалмы; на визирах и военачальниках — бархатные и шелковые халаты, чалмы, а на некоторых — шапки из каракуля.

Сегодня, перед пятничной молитвой, хан намерен развлечься. Потому и собралась здесь вся знать. Устремив взоры к роскошно отделанным внутренним воротам дворца, все ждали выхода его величества.

Немного подальше ханской супы стоял шалаш. В нем сидели и беседовали несколько человек.

Наконец из ворот дворца вышел Дервиш-удайчи, он сделал знак всем встать, потом подошел к воротам, встал сбоку и застыл в поклоне.

И вот, в тесно облегающем большой живот парчовом халате, низко опустив на лоб белую шелковую чалму, показался Худояр-хан. Все склонились перед ним. За ханом шел его малолетний сын Урманбек в красных бархатных одеждах. В красное сукно были одеты следовавшие за юным наследником красивые как на подбор телохранители. Эти шестнадцать — семнадцатилетние красавцы шли в десять рядов по четыре в ряд.

Хан подошел к супе.

И тут же откуда-то снизу раздались звуки музыки. Музыканты заиграли красивую, торжественную мелодию «Сарбозча». При повторе ее вся свита запела:

Да будешь ты счастлив во всем, шахиншах!²
Врагов твоя слава повергнет во прах!
Пусть на поле выйдет весь вражеский стан,—
Неверных рассеет могучий наш хан.
Ты в жертву получишь, о Шахимардан³,
Всех тех, кто святой оскверняет Коран!..
Да будешь ты счастлив во всем, шахиншах!
Врагов твоя слава повергнет во прах!

¹ Шейх-уль-ислам — высшее духовное лицо.

² Шахиншах — «Царь царей» — титул государей древнего Ирана, употреблявшийся и по отношению к кокандским ханам для возвеличения их.

³ Шахимардан — эпитет халифа Али, означающий «Царь мужей».

Хан поднялся по ступеням супы. Урманбек следовал за ним. Юные телохранители, обойдя супу, стали позади хана и начали выстраиваться по всем правилам для охраны его величества.

Хан сел на львиную шкуру и указал Урманбеку место справа от себя. Присутствовавшие продолжали стоять склонившись. Телохранители окружили хана с трех сторон. Хан сделал знак почтительно склонившимся людям, разрешая им поднять головы. Все выпрямились и скрестили руки на груди. Музыка смолкла.

Удайчи взошел на супу и поднял руки. Этот жест повторили все.

— Да сгинут наши враги, изменники, предатели! Дай, боже, государю нашему и его стране благоденствие и покой!

Помолившись, все провели руками по лицу. Хан сделал знак удайчи, и тот воскликнул:

— Мингбаши, кушбеги, оталык¹, шейхи-уль-ислам и другие господа, его величество хан приглашает вас сесть рядом с ним.

Один за другим стали подыматься на супу придворные, которых называл удайчи. Поклонившись низко хану, они окружили его. Хан снова что-то сказал удайчи.

— Его величество разрешает сесть!

Все, кроме телохранителей, с шумом начали усаживаться. Кое-где слышен был кашель.

И тут удайчи обратился к хану:

— Да благословит аллах его величество и возвеличит его государство... Один из ваших рабов обращается к вам с просьбой. Примете ли вы его?

Хан разрешил позвать просителя. Все взглянули в сторону камышового шалаша. Оттуда вышел человек высокого роста, с черной бородой, на нем был светло-коричневый халат и бязевая чалма со спущенным на четверть аршина концом. Человек шагал неторопливо и важно. У подножия супы он остановился. Все, начиная с хана, улыбнулись, а он поправил чалму, разгладил усы и бороду, отряхнул халат, плотнее завернулся в него и склонил голову перед ханом.

¹ Мингбаши (буквально — тысяцкий) в Кокандском ханстве являлся первым сановником после хана. Кушбеги (сокольничий) и оталык (ханский дядька или воспитатель) — высшие должностные лица.

Хан и вся знать хохотали — они узнали любимого ханского шута Закира, по прозвищу «Бык».

Закир-Бык поднял голову и, словно молясь за упокой чьей-то души, поклонился на обе стороны. Все снова рассмеялись.

Удайчи, стоявший по другую сторону лестницы, заметил шуту:

— Не забывай, в чьем присутствии находишься!

Закир стоял неподвижно, сложив на груди руки, и бросил только взгляд на удайчи.

— Сам знаю, не дурак!

— Что же дальше?

— У меня просьба к моему хану.

Снова огласился смехом сад¹.

— Если пришел с просьбой,— сказал удайчи,— то и проси смелей! Ты ведь стоишь перед его величеством — ханом.

— Я обдумываю. Что, уж и подумать нельзя?! Не хочешь ли ты, чтобы я, как сумасшедший Джаббар, ляпнул не то, что нужно, и чтобы меня тоже повесили?

— За то время, что ты пришел со своей просьбой, можно было уже плов сварить.

— А я и варю в уме свою просьбу. Ведь от недоваренного плова живот пучит, не так ли?..

— Почему же ты по дороге сюда не обдумал свою просьбу?

— Он что, спятил?— воскликнул Закир.— У меня больше забот нет, как думать об этом по дороге?!

— А о чем же ты думал?

— Я шел к хану,— значит, готовился к смерти. Думал о детях, которые осиротеют, об их матери, которая тут же выскочит замуж.

— Да что ты без толку болтаешь! Его величество и все эти важные господа ждут...

— Ха-ха-ха! — засмеялся Закир.— Вы каждый день заставляете ждать у дворца тысячи людей, а меня не могут немного подождать?! Хи-хи-хи!.. Ваше величество, у меня к вам просьба!

Хан кивнул головой, что означало «говори!».

— Первая моя просьба к его величеству — убрать

¹ Выражение «к моему хану» по-узбекски звучит так же, как и «к ханум», то есть к женщине, и получается игра слов.

вот эту жабью образину! Его кваканье страшнее ваших грозных слов.

Смех.

Худояр-хан сделал знак удайчи подняться на супу. Закир воздел руки к небу:

— Дай бог его величеству не знать слез, горя и нужды! Пусть будет вечно строен его стан и да согнутся в три погибели его враги! Да осенит голову юного наследника счастье долгой жизни и процветания на троне его отчизны! И пусть у ханских слуг, тех, кто носит и белые чалмы, и синие чалмы, и коричневые халаты, сердце будет всегда светло и, как их седины, бело! Аминь, аминь! А еще мы молим снизойти к нам, бродягам, заблудившимся в пути, потерявшим разум, к нам, притче во языцех, в горе и печали странствующим в чужих краях... Слухом полнится земля, что властитель ее, словно Искандер¹ второй, кладезь всех богатств, мозг и хлеб страны родной. Безграничен он в доброте своей, а разгневают его, то страшнее всех смертей... Он друг и защитник одиноких, вечных странников, бесприютных... Нам, беднякам, ничто не падает с неба,— постоянно думаем, где бы раздобыть кусок хлеба. Мы жадно ищем себе пропитание, а под вашу сень пришли показать свое искусство и старание. Может, сочтете возможным заплатить за него хоть грош?

— Хорошо,— сказал хан под общий смех,— покажите ваше искусство.

36. ШУТЫ

Закир поклонился хану, направился к шалашу и закричал во всю глотку:

— Бахрам-бай, эй, Бахрам-бай!

Из шалаша вышел человек без шапки, в грязной распахнутой рубашке, из-под которой выглядывало голое тело, одна нога обута, другая — босая, одной рукой он держал завязки от штанов, в то время как другой почесывал плечо.

— Что это, ишак заревел?— сказал Бахрам, озираясь по сторонам.— А, чтоб ему пропасть, чтоб сест-

¹ И с к а н д е р — Александр Македонский.

ре его развестись с мужем, всех вшей у меня разогнал,— ворчал он, рассматривая швы своей рубахи.

Все рассмеялись.

— Бахрам, это я тебя зову.

— А, Закир-ака, это ты? Что случилось?

— Я уговорил хана.

— Уговорил? Я ведь говорил, что хан — тряпка.

Снова смех.

— А где они?— спросил Закир.

— Да там, внутри,— ответил Бахрам-бай, кивая на шалаш.

— Что они делают?

— Да пусть их, они дожевывают мою кавушу.

Смех становится все громче.

— Когда же ты наконец поумнеешь?— гневно воскликнул Закир.— Как же ты теперь выйдешь к хану в одной кавуше?!

Бахрам призадумался, почесывая затылок.

— А вот возьму и выйду. Подумаешь,— хан, такой же человек, как и я!

Снова взрыв смеха.

— Ну хорошо, чтоб тебе провалиться, веди уж их сюда! Да поскорее!

Бахрам снова почесал плечо и, шлепая одной кавушей, вошел в шалаш. Вскоре он появился, ведя за собой еще двоих. Один из его спутников был низенький толстый человек. На его круглом, как ось арбы, теле сидела голова, похожая на большую тыкву. Под горлом у него вздувался зоб величиной с добрую дыню. Казалось, что вместо глаз на его лице воткнуты высушенные урючины, вместо рта — кавуша, нос похож на чудовищную лягушку, уши торчат, как лоханки. А борода, усы! А брови! О них уж лучше совсем не говорить, так, несколько торчащих там и сям волосков. К тому же его рябое лицо было щедро усеяно веснушками. Если к этому добавить, что одет он был в короткий заношенный халат из бязи, перепоясан таким же бязевым поясом, обмотанным несколько раз вокруг галии, что на голове его красовалась жалкая, потрепанная тибетейка, сползшая на макушку, то портрет будет закончен. Это странное существо неизменно состояло при хане в качестве шута, звали его Бахтиар.

Второй, человек средних лет, наоборот, был очень высокий и худой. Лицо узкое, как облизанная ложка. Его халат волочился по земле, на голове — высокий дервишский колпак, ноги босые.

Этого шута звали Давлят.

— Эй, вы, ублюдки, — встретил их, крича и размахивая рукой, Закир. — Поумерьте вашу жадность! Жены с вами разведутся, что ли, если вы меньше есть будете? Где его кавуша?

Бахрам стоял, грустно склонив голову набок.

Давлят и Бахтияр переглядывались, вытирая рты.

— Говори! — кивнул Бахтияр Давляту.

— Нет, ты говори!

— А что мне говорить?

— Скажи, что мы ее не ели...

Бахтияр положил обе руки на пояс, выпрямился и откинул назад голову.

— Знай, брат, что болтать! Ничего мы не ели.

Закир молча подошел к нему, схватил его за зоб.

— А это что? Вот где задник кавуши, — сказал он под общий хохот.

— Сейчас мы пойдем к хану, — совсем другим тоном заговорил Закир. — Держите себя при нем получше, будьте вежливы. Как только встанете перед ним, поклонитесь пониже, прочитайте молитву. Слышите? Ну, идите за мной!

Все трое цепочкой двинулись за шутком. У лестницы Закир остановился, остальные, толкая друг друга и неловко топчась, тоже стали. Но стояли они как попало, а один даже спиной к хану.

Закир, ничего не замечая, торжественно провозгласил:

— Ваши рабы пришли к вам на поклон!

Раздался смех.

Лишь теперь Закир заметил, как стоят шуты, и поспешно повернул их лицом к хану.

— Ах вы бестолковые, ах невежи!.. Кланяйтесь же, кланяйтесь все разом тому, кто сидит перед вами.

Они поклонились, но это вызвало новый взрыв смеха, потому что шуты кланялись кому попало, только не хану.

Закир попросил прощения у хана и снова закричал:

— Кому вы кланялись?!

— Тому, кто сидит перед нами.

— Чтобы вам лопнуть, как разбухшая бочка! Молитесь же скорее! Молитесь!

Все трое подняли руки, но не произнесли ни слова. Потом стали подталкивать друг друга локтями, приговаривая:

— Ну же, молись!

Так у них ничего и не получалось.

Вокруг все хохотали. А Закир, видя, что дело плохо, сам поднял руки.

— Говорите «аминь», ослы! — сказал он.

Шуты пробормотали «аминь, аминь», а Закир продолжал:

— Прими, аллах, нашу молитву... Нам не нужны рабы божьи — Бахтиар, Давлят, Бахрам. Возьми к себе души всех троих, избавь людей от этой нечисти, аминь!

Бахрам, Бахтиар и Давлят молились вместе с ним.

Опять все громко расхохотались.

— Просите же хана! — снова обратился к шутам Закир. — Что, вы так и будете стоять, вытаращив глаза?!

Все трое снова подтолкнули друг друга, перемолвились о чем-то между собой. Давлят сделал знак и что-то сказал сидящим на супе, а Бахрам громко заговорил:

— Как увидели мы эти чалмы, штыки, сабли, очень испугались... Давлят сказал, что все это людоеды. (Смех.) Очень просим, отпустите нас с миром... (Смех.) У нас прямо душа ушла в пятки. (Смех.) Во имя бога, будьте милосердны и справедливы. (Смех.)

— К черту ваши мольбы! — воскликнул Закир, хлопнув себя по коленям. — Удирайте, не то вас тут съедят!

С криком «спасите» все трое разбежались в разные стороны. Бахтиар споткнулся о ноги Давлята и упал, вызвав громкий смех зрителей. Бахрам и Давлят удрали в шалаш... Закир схватил Бахтиара.

— Ой, братец, отпусти, не погуби, у меня дети! — захныкал Бахтиар.

— Да не съедят тебя!

— Съедят, братец, непременно съедят. Глянь в глаза вон тому беку. Ой-ой-ой, что за глаза!.. Отпусти меня!

Смех не умолкал.

— Да я же просто так сболтнул, будьте вы прокляты!

— Нет, ты, видно, на меня зуб имеешь, братец! Вон тот дамулла — настоящий людоед! Он и раздевать не станет, так сожрет! А коли хочешь знать правду, я и самому хану не верю.

Хохот.

Бахтиар вырвался из рук Закира и покатился колесом в шалаш. Тот помчался за ним и тоже скрылся в шалаше.

Через некоторое время оттуда вышел Давлят, переодетый, с чалмой на голове, в кожаных кавушах, в руках он держал нечто похожее на молитвенный коврик. Поклонившись хану, он сказал:

— Сюда изволил прибыть шейх-уль-ислам Валихан-тура¹.

Хан посмотрел на Валихана-туру, который сидел рядом с дамуллой Ниязом.

Шейх-уль-ислам, недоумевая, бросил косой взгляд на Давлята, как бы спрашивая: «Что это вы затеяли?» А Давлят, стоявший подле молитвенного коврика, жестом показал, что ничего не случилось, и вернулся в шалаш.

Тут все поняли, что сейчас будет показан Валихан-тура. Зрители оживились, начали перешептываться, перемигиваться, все глаза были прикованы к шалашу. И вот, в халате из бенаресского шелка, с посохом в правой руке и с книгой, завернутой в узелок, — в левой, вышел из шалаша сам шейх-уль-ислам Валихан-тура (Закир). Он был согбен, как и настоящий Валихан-тура, шел его походкой. Все то и дело переводили взгляд с одного на другого. А сидящий рядом с ханом настоящий Валихан-тура, покраснев, повторял: «Помилуй бог!»

Тем временем новоявленный шейх-уль-ислам остановился, ткнул во что-то концом посоха и снова продолжал свой путь.

Все хохотали, засмеялся и сам Валихан-тура, снова воскликнув: «Помилуй бог!». Закир был его точной копией. Дойдя до молитвенного коврика, он положил свой посох рядом с посохом Валихана-туры, снял кавуши и ступил на коврик. Затем он сел, положил на колени книгу, что-то прошептал, погладив лицо руками, осмотрелся и крикнул:

¹ Шейх-уль-ислам Валихан-тура был родом из Чуста, являлся мударрисом медресе. (Прим. автора.)

— Мирза Хамдам, эй, мирза Хамдам!

Тут уж особенно громко засмеялись муллы, окружавшие шейх-уль-ислама.

— Эй, мирза Хамдам!

Из шалаша вышел Бахрам в одежде муллы.

— Что прикажете? — спросил он, подойдя к шейх-уль-исламу и отвешивая поклон. Тот посмотрел на кавуши, стоящие подле молитвенного коврика.

— Вытри-ка мои кавуши, мирза Хамдам.

Мулла, вынув из кармана носовой платок, начал усердно выполнять приказание.

А между тем из шалаша вышел Бахтиар, тоже одетый, как мулла. Подойдя к шейх-уль-исламу, он отвесил поклон.

— Здравствуйте, — приветствовал его Валихан-тура, оглядев с ног до головы. — Садитесь, молодой человек, садитесь!

Бахтиар сел.

— Ну, что скажешь, сынок?

— У меня... к вам просьба, господин. Наш хан построил медресе... Я пришел из кишлака, жажду овладеть наукой. Прошу вас, предоставьте мне келью.

— Хорошо... Хорошо... Вы откуда?

— Из Алтыарыка, господин...

— Очень жаль, — посетовал шейх-уль-ислам, — опоздали, все кельи уже заняты учащимися.

— А я и с ними готов жить, — угодливо сказал Бахтиар. — Я из кишлака, тесноты не боюсь!

— Так, так... Сейчас все кельи забиты, некуда потесниться, просяному семечку негде упасть... Правду говорю, милый...

Настоящий Валихан-тура понимал, в чем дело. Он даже потом покрылся. Бахтиар-проситель грустно прочитал молитву и отошел в сторонку. Так называемый мирза Хамдам поплевал на кавуши, почистил их и сел напротив своего господина. С другой стороны в это время к Валихану-туре подошел Давлят.

— Здравствуйте, святой отец, — сказал он, снимая кавуши. — Как поживаете, здоровы ли вы, все ли у вас благополучно?

— Слава богу, слава богу!

Не ожидая приглашения, Давлят сел рядом со «святым отцом».

— Просьба у меня к святому отцу...
— Пожалуйста! Говорите!
— По правде говоря, хочу попросить у вас келью, святой отец!

— Вот как! Вы откуда?

— Я из Чуста, господин, ваш земляк.

— Чей сын?

— Мастера Мухаммеда, мыловара...

— Хорошо, хорошо,— сказал «святой отец» и приказал «мирзе Хамдаму»:— Отведи келью этому человеку!

Давлят прочитал молитву и ушел. Играя роль учащегося из Коканда, явился на его место Бахтиар. Он так же, как и тот, что пришел из Алтыарыка, получил отказ: «Ей-богу, у нас просяному семечку негде упасть». И отправился восвояси. Давлят снова пришел в роли просителя из Чуста, и мирзе Хамдаму было отдано распоряжение — «дать ему келью».

Хан и дамулла Нияз хохотали до слез. А Валихантура то и дело вытирал испарину.

Закир поклонился хану и пошел к своим «ученикам».

Представление продолжалось.

37. ЗАГОВОРЩИКИ

уровая зима. Январь. В каждой из двух комнат ханской канцелярии поставили несколько сандалов¹. За каждым из них сидят по четыре писаря. Они составляют и исправляют бумаги.

Анвар вызван к хану. Прошло уже полчаса, а он не выходит оттуда. Сидящие за одним из сандалов — муфтий Шаходат, мулла Абдуррахман и мирза Калоншах о чем-то тихо-тихо шепчутся. Но вот появляется Анвар, и они, прервав беседу, принимаются за работу.

— Какой приказ получили, мирза Анвар? — спросил, откашлявшись, Шаходат.

¹ С а н д а л — низкий квадратный деревянный столик, который ставят над жаровней или прикрытым решеткой углублением в каменном или земляном полу. В жаровню или углубление засыпаются горячие угли. Сандал накрывается одеялом, под которым греются.

— Ничего особенного,— ответил Анвар, присаживаясь к своему сандалу.— Нужно написать письма правителям Оша и Андижана... Брат мой мулла Абдуррахман, сколько вы приготовили копий?

Мулла Абдуррахман пересчитал бумаги, лежавшие перед ним.

— Три.

— Сделайте еще одну, и хватит. Вы не проставили, надеюсь, имени сборщика налогов?

— Не проставил.

— Очень хорбшо, я сам проставлю. Заканчивайте поскорее — есть для вас еще работа. А к вам, таксыр, вот какая просьба,— обратился Анвар к муфтию Шаходату,— придется написать прошение пансаду¹ Абдушукуру, который вчера приходил. Он все ходит, что-то бормочет, я ничего не понял из его слов. Вы, видимо, лучше знаете, чего он хочет.

— Пусть не морочит голову,— огрызнулся муфтий.— Сколько раз ни обращался он ко мне за помощью, ни разу, насколько я припоминаю, не заплатил за труды.

— Теперь я ручаюсь, что заплатит.

— Ну, уж если мне не удалось получить, то вам вряд ли это удастся.

— Если не удастся, то заплачу вам из своих денег. Главное — избавьте меня от него!

Муфтий промолчал, Анвар углубился в свои бумаги. Тогда Шаходат тихонько подтолкнул своего соседа Абдуррахмана, подмигнул ему, улыбаясь: «Вот, мол, какие дела». А в улыбке, сопровождавшей этот взгляд, можно было прочесть: «Как видишь, главный писарь даже прошение без нас не может написать». Мулла Абдуррахман, подняв голову от бумаг, тоже улыбнулся. Наблюдавший за ними мирза Калоншах сделал руками такой жест, как будто в них зажат карнай, который он с издевкой направил в сторону Анвара. В эту минуту вошел мирза Султанали и пристально посмотрел на Калоншаха.

— Не плохо кривляетесь, поздравляю!

Анвар оторвался от работы и взглянул на Султанали.

— Что случилось?

— Ничего,— ответил Султанали, улыбаясь, но глаза его горели гневом.— Я пришел за тем документом...

¹ П а н с а д — пятисотник; военно-должностное лицо.

Анвар порылся в бумагах и вытащил одну из них.

— Ответьте, как я говорил.

— Хорошо.

Выходя, Султанали еще раз посмотрел на писарей. Теперь все трое прилежно работали. Султанали ушел. Через некоторое время Шаходат поднял голову, посмотрел на углубившегося в работу Анвара, затем перелегнулся с Калоншахом, и во взгляде его чувствовалась укоризна: «Нехорошо получилось». Шаходат покачал головой. Но Калоншах успокаивающе мигнул: «Ничего...» Только мулла Абдуррахман не принимал участия в этой мимической игре. И без того бледный, он еще больше побледнел и весь углубился в работу.

По ходатайству Салиха-махдума Абдуррахман в конце концов получил должность во дворце. Вот уже три месяца работает он писарем у Анвара и со второго начал получать жалованье — пять золотых в месяц. Сначала, находясь, как все думали, под покровительством Анвара, он, казалось, служил добросовестно. Но за это же время он сошелся с Шаходатом, Калоншахом и им подобными. Правда, дружбы между ними еще не было, — они все предполагали, что Абдуррахман — человек Анвара, и боялись при нем болтать лишнее. Когда же через месяц ему назначили жалованье, они еще больше уверились в правильности своего предположения. Но поведение Абдуррахмана заставило их призадуматься. Так, например, переписывая составленные Анваром бумаги, он обращал внимание на то, что в них отсутствуют арабские и персидские слова, и, смеясь, приводил арабскую поговорку: «Не посолённая еда».

Муфтии терялись в догадках — искренни эти насмешки над Анваром или нет? Чувствуя себя обиженными, эти завистники, в свою очередь, ввертывали какую-нибудь ядовитую поговорку, делая вид, что говорят просто так, без намеков на ее переносный смысл. Так, иногда Шаходат, якобы устав от работы, говорил, вздыхая: «Лев умирает в лесу от голода, а собаку кормят дичью». Калоншах подхватывал: «Свинья нежится на тюфяке, в то время как мудрецам приходится спать на земле».

Догадывался ли мулла Абдуррахман или нет, над кем они при этом смеются, но на всякий случай хитро улыбался. Так испытывали они муллу Абдуррахмана весь второй месяц его работы. Он также не терял даром

времени: путем намеков, жестов, взглядов давал понять, что сочувствует им. Окончательно убедившись в этом, оба муфтия начали открыто привлекать на свою сторону новичка, хотя его и пригласил на работу ненавистный им человек. Постепенно, уверовав в дружеское к себе отношение, они сделали его своим единомышленником.

Как всегда, бумаги, поступавшие из казы-ханы¹, служили главным источником насмешек. Стоило только Анвару за неимением времени поручить составление ответа кому-нибудь из них, как муфтии начинали пересмеиваться: «Это не по зубам главному писарю».

Так, под влиянием муфтиев, мулла Абдуррахман очень скоро забыл добро, сделанное ему Анваром. К тому же и сам он был не прочь посмеяться над ним и, принижая его, испытывал удовольствие.

Анвар хорошо знал, что муфтии любят прохаживаться на его счет, но он не подозревал об участии Абдуррахмана в этих разговорах. Обо всем догадался Султанали. Однажды он сказал Анвару: «От муллы Абдуррахмана нам проку мало. Было здесь два бешеных пса, нападавших на вас, а теперь третьего вы сами сюда привели!»

Анвар обычно уходил с работы последним. В этот вечер все уже разошлись по домам, но эти два муфтия оставались в канцелярии. Султанали, также находившийся там, понял, что они не хотят его оставить с главным писарем наедине. Он попрощался и ушел. Лишь тогда муфтии стали собираться.

На дворе было холодно. Снег толщиной в четыре пальца покрыл улицу. Обычный для Коканда резкий, морозный ветер острыми снежинками больно колол лицо. Люди нахлобучивали меховые шапки, наматывали чалмы на лоб и уши, поднимали до носа край халата. По улице бежали с такой быстротой, словно могли упустить, проворонить что-то. Снег и мороз подарили всем кавуши со скрипом. Уж не отличить было обувь баев и беков от обуви бедняков и ремесленников — и нарядные сапоги, и простые кожаные кавуши скрипели одинаково громко. И даже деревянная обувь — на некоторых была и такая — поскрипывала весьма приятно.

¹ К а з ы - х а н а — помещение шариатского суда, судилище.

38. ДУША БЕДНЯКА

Анвар не бежал, как все, но и он шел быстрым шагом. У кирпичного моста, проложенного над речкой, подле небольшого домика стоял караульщик, укутанный в тулуп. Увидев Анвара, он приблизился к нему, поклонился и сказал:

— Ваша милость, видно, замерзли... У меня разведен костер.

Анвар высунул нос из-под ворота халата, улыбнулся и направился к двери, из которой шел дым. Сторож прошел вперед, открыл дверь, и Анвар последовал за ним в сторожку. Она вся почернела от копоти. На полу посредине горел костер, пламя его вырывалось в отверстие, сделанное в потолке. У костра сидел Султанали и палкой поворачивал дрова, поправляя пламя.

— Вы тоже оковенели? — со смехом спросил Анвар.

— Нет ничего горячее огня и объятий пылкого юноши, как сказала одна женщина... Ну, подсаживайтесь!

Покоряясь настойчивым приглашениям Султанали и караульщика, Анвар присел у костра на сложенную вчетверо кошму и протянул руки к огню.

— Садитесь и вы, почему стоите? — обратился Анвар к караульщику, почтительно стоявшему перед ним.

После этого приглашения сторож присел на корточки и подвинул к огню кумган.

— Крепкий мороз! — заметил Анвар, немного согревшись.— А вы вышли из дворца и сразу наткнулись на костер.

— Думал, совсем оковенею, пока домой дойду,— рассказывал Султанали.— Тут, вижу, у Таира-ака дым валит из дымохода, открыл дверь... А здесь просто благодать! Может, это и назойливо, но все же зашел, что тут такого?.. А вас Таир-ака сам, видно, пригласил? Пожалуйста, еще чаем начнет угощать?

Таир еще ближе поставил кумган к огню.

— Сейчас заварим, ваша милость, сейчас. Вода уже закипает... А у нас есть хороший зеленый чай.

— Ну, если только сами собираетесь пить,— сказал

Анвар.— Для меня не нужно заваривать, я скоро уйду.

— Куда это? Бросать такой хороший костер!

— Домой... А вдруг меня кто-нибудь ждет.

— Да кто это придет в такой холод? Таир-ака, заваривайте чай, мы не отпустим главного писаря!

— Слушаюсь, ваша милость! Пусть они попьют чая бедняков,— сказал Таир, взял в углу охапку щепок и подбросил ее в костер. Потом он отодвинул от огня кипящий кумган и заварил чай.

— Нельзя уходить от такого костра,—сказал Султанали.— Выпейте одну-две пиалы чаю, и послушаем, что скажет Таир-ака.

Анвар улыбнулся. Таир снял с колышка, вбитого в стену, узелок, вынул из него несколько лепешек, горсть катта-курганского кишмиша и положил все это на подносик.

— Бедность, ваша милость,—сказал он извиняющимся голосом, ставя поднос перед Анваром.— Нет у меня достойного вас угощения...

— Ничего... Я люблю сидеть и пить чай вот в такой темной комнате, прямо у костра,—заверил Таира Анвар.

— В этом есть своя прелесть,—подхватил и Султанали.

— Да, да, что-то поэтическое, дервишское,—сказал Анвар.— В детстве, когда я остался сиротой, я жил точно в такой обстановке у моей сестры. Ее муж — бедный ремесленник. Зимой в их доме так же жгли костер, и мы, сидя у огня, пили чай. Все это я бережно храню в своей памяти и вспоминаю с любовью.

Таир-ака протянул Анвару глиняную пиалу с чаем. Догорающие щепки в костре вспыхнули напоследок высоким пламенем. В темной сторожке стало светло от рассыпающихся искр.

— Есть у вас семья, дети, Таир-ака?

— Нет, ваша милость! Я живу здесь один... Молюсь за благоденствие народа.

— Таир-ака похож на вас,—рассмеялся Султанали.— Зачем вы свадьбу отложили на весну? Проведете зиму в одиночестве, так же как он. Нехорошо!

— А мне нравится такая жизнь. Зачем заботы на себя брать, не правда ли, Таир-ака?

Таир-ака ворошил палкой угли.

— Если средства есть, то не худо иметь семью, ваша милость.

— Зачем?

Все еще вороша угли палкой, Таир-ака помолчал. Потом, стряхнув искры, залетевшие в его бороду и усы, сказал:

— Если бог пошлет ребенка, то на старости лет он подмогой будет.— Таир-ака снова поправил огонь.— Вот у меня нет никого, а ведь мне уже за пятьдесят, ваша милость. Пока силы есть еще, сам о себе забочусь. Но придет время, сил не станет, кто за мной ухаживать будет?.. Заболею, кто мне тогда подаст воды? А когда наступит срок, придет за мной смерть и бог заберет то, что дал мне на время... закроются мои глаза, умру я в каком-нибудь углу, и кто об этом узнает? Никто! А если у человека есть дети, такого не случится.

— Ваша правда! — воскликнул Султанали.— Человечек не знает, что его ждет. А если есть дети, то есть и надежда.

Анвар призадумался, помолчал.

— Ну что же, женить вас?— спросил он, протягивая Таиру пустую пиалу.

Таир-ака благодарно улыбнулся.

— Э, ваша милость,— сказал он,— уже поздновато.

— Почему это?

— Посмотрите на мою бороду, от нее идет запах тления.

— Это не так. Вы выглядите моложе нас.

— Душа постарела, ваша милость, душа,— сказал Таир-ака, прикладывая руку к сердцу.— Душе больше ничего не надо, только покоя... А когда он наступит, неизвестно.

Разговор на этом прервался. Анвар посмотрел искоса на Султанали, и тот понимающе кивнул головой.

Таир-ака выбирал угли из золы и бросал обратно в костер. Но костер потерял свой жар, тихо колебалось его пламя, чадая синим дымком. Зола вместе с дымом улетала вверх, догоревшие сучья превращались в уголья.

Собеседники, словно сговорившись, молча смотрели на догорающий костер.

По-видимому, муфтии ушли вслед за мной, мир-за Анвар?— спросил Султанали.

Неизвестно, слышал ли глубоко задумавшийся Анвар эти слова, но он кивнул головой.

— Когда я, распрощавшись с вами, вышел на улицу, ваш друг мулла Абдуррахман уже ждал их. Видно, они собирались продолжить разговор.

Анвар, отрываясь от своих мыслей, нехотя повернул-ся к Султанали.

— Какой разговор?

— Ну, собственно, не разговор, а сплетни.

Анвар рассмеялся.

— Вы ненавидите муллу Абдуррахмана.

— Да и есть за что. Он ведет себя неподобающим образом: притворяясь вашим другом, действует как враг.

— Мы не знаем, что у него на душе.

— Во всяком случае, не доброе. Эта ящерица нам не друг.

— Ну и что же? — улыбнулся снова Анвар.

— Скажите, муфтии нам враги или друзья?

— Может быть, и враги. Но мы им не враги.

— Прекрасно! — воскликнул Султанали. — Человек благодаря вам устроился на работу, а затем только то и делает, что перешептывается с вашими врагами, целует их в рот и в нос... Что мы должны думать о таком человеке? Он или враг, или дурак. Но мулла Абдуррахман не дурак, он видал виды — стреляный воробей! Значит, вывод может быть один — он враг. Если вас не убеждают мои слова, обратимся к мудрости шейха Саади, он говорит: «О мудрец, остерегайся друга, который общается с твоим врагом!»

— Разве я считаю муллу Абдуррахмана хорошим человеком?

— Вы, может быть, и не считаете, однако обращаетесь с ним незаслуженно хорошо. Это дает повод наглотать тем жуликам.

— Как же, по-вашему, нужно себя вести? — спросил Анвар, беря с подноса две изюминки.

— Муллу Абдуррахмана надо удалить из дворца, пусть себе священнодействует в мечети. Да и для муфтиев найдутся должности в казы-хане.

Анвар засмеялся, покачав головой. Таир-ака разворочил костер и постелил коврик для вечерней молитвы. Султанали встал на место, какое полагается имаму, и все трое начали молиться.

Помолившись, они снова присели у костра.

— Разве их трудно убраться? — спросил Султанали.

— Убраться-то легко, но заслуги в этом мало! — засмеялся Анвар. — Ваши слова напомнили мне об одном человеке. Хороший, честный человек... один из прихожан муллы Абдуррахмана. Зовут его... ах да, его зовут Сафар, он ткач. Вчера, вернувшись из дворца, я застал его у себя дома. «Пожалуйста, входите, Сафар-ака», — говорю. А он взволнованно рассказывает, будто слышал от какого-то приятеля муллы Абдуррахмана, что мулла сказал: «Под мирзу Анвара скоро хлынет вода». «Это что значит? — спрашивает меня ткач, вконец расстроенный. — Почему под вас может хлынуть вода?» — «Ну, — говорю я, — пока подо мной сухо... А если и хлынет вода, вы научите меня ткать?» Он ничего не ответил, а все повторял то же, что и вы: «Наш имам — грязный сплетник, его надо прогнать!» Ну — как, Султанали, вам по душе эти слова?

— Да, ткач Сафар ваш искренний друг, — уверенно сказал Султанали. — Я убежден, что этот гнусный мулла-скорпион затаил против вас в сердце злобу.

Таир, молча перемешивавший в костре угли, вдруг спросил:

— Сафар-ткач — это не тот ли худой, длинный, сутулый, ваша милость?

— Да, он.

— Это мой друг. Мы с ним каждое лето работали поденщиками. Славный малый!

— Ясно, — отчеканил Султанали. — Все ясно. Абдуррахман в злобе и мстительности не уступает вашим муфтиям. Забыть добро, которое ему сделали!..

— Пословица недаром говорит: «Соверши хорошее дело и брось в реку. Если его не оценят рыбы — оценит бог». А что сказано у Физули? «Жизнь — это базар, где каждый хвалит свой товар». Мы тоже свой товар выносим на базар, но муфтии, порывшись в своем сундуке, ничего лучше грязных сплетен не нашли...

— Это так, мирза Анвар, но все же надо вам обороняться от врагов или нет?

— А что мне враги! — рассмеялся Анвар.— Если они хотят занять место главного писаря, я сам им в этом помогу. Я понимаю, вас возмущает их бессовестное поведение. Я тоже не ангел небесный, меня тоже злят сплетни, которыми они стараются меня опутать, задевают мое самолюбие. Я тоже склоняюсь к мысли выгнать их из дворца. Но меня кое-что удерживает от этого: во-первых, я не хочу равняться по ним — это унижительно; во-вторых, как посмотрят люди? «Недавно сел на это место и уже выгоняет людей, проработавших тридцать лет». Непременно начнутся такие разговоры. Хорошо еще, если они уйдут тихо, спокойно, ну, а вдруг обратятся к хану или шоговулу¹ и те вернут им должности?! Во сколько раз тогда увеличится их злоба и мстительность?! Что касается муллы Абдуррахмана, я вначале не хотел приглашать его на работу. Но тут, как я вам уже говорил, вмешался один человек, которому нельзя было отказать... и я был вынужден принять его. Мулла Абдуррахман стал на сторону грязных людей, и от него легко будет избавиться... Но, по-моему, все же не следует. Конечно, не стоило брать его, но раз уж так вышло... Он и трех месяцев еще не проработал,— как его уволить? Очень неловко! Его грязное прошлое мы не можем уже исправить, в конце концов, каждый ест то, что выбрал.

Насчет муфтиев Султанали не нашел возражений, но на увольнении Абдуррахмана настаивал.

— Хорошо,— говорил он,— пусть муфтии портят воздух еще какое-то время, но муллу не оставляйте! Увольнение этого червяка послужит хорошим уроком для остальных.

Анвар усмехнулся.

— Вы что-то сильно невзлюбили моего «друга».

— Да.— Строго сказал Султанали.— Если вы не уберете хотя бы его, то уйду я. Мне противны были рожки муфтиев, теперь же, лицезрея еще третьего подлнца, я совсем выхожу из себя.

Султанали не шутил. Анвар понял, что перечить ему больше нельзя.

— Хорошо,— сказал он,— если вы считаете необходимым, то избавимся от него.

¹ Шоговул — сановник, служащий при ханском дворце.

— Отлично! — обрадовался Султанали. — И еще одно пожелание: с завтрашнего дня переведите меня к себе. Тогда муфтии не смогут с утра до вечера сплетничать, гримасничать, бездельничать.

— Это тоже можно, — снова рассмеялся Анвар. — Бедные люди! Они в мое отсутствие отводили душу, а вы и этого хотите их лишить. Вот угнетатель!

Султанали оставался по-прежнему серьезным.

— Если они так поступают, то и мы ответим тем же.

Друзья стали собираться. Анвар вынул из кошелька золотой и протянул Таиру. Тот взял было монету, но тотчас вернул ее обратно.

— Стыдно мне брать деньги.

— Это не для вас, — сказал Анвар, отводя руку Таира, — вы купите на эти деньги дров, изюму, а если хватит, то и чаю. Когда мы придем к вам с мирзой Султанали, вы снова разведете для нас костер...

— Да у меня и так все, что нужно для вас, найдется.

Анвар денег обратно не взял. Таир-ака бросил вопрошающий взгляд на Султанали, словно советуясь — что делать? Тот подмигнул: «Возьми и поблагодари!»

Таир-ака прочитал молитву, и друзья ушли.

40. МАЛЕНЬКИЙ ЛАЗУТЧИК

Вот уже несколько дней, как Сафар-ткач повеселел. «Это благодаря мне муллу Абдуррахмана выгнали с работы, — думал он, посмеиваясь. — Такой надутый, важный человек размяк, как лепешка, упавшая в воду. А теперь пусть-ка по одежке протянет ножки».

Встретив на улице зобатого Самада, он ему сказал: «А под главного писаря и впрямь вода пошла... Ты оказался прав, Самад!»

Дело в том, что насчет воды, которая якобы течет под мирзу Анвара, говорил как-то Сафару Самад. Теперь он смутился, покраснел. «Я не так понял тогда, плохо слышал...» — начал было он и постарался обратить все в шутку. А Сафар продолжал: «Как говорится,

пока снимут голову барану-вожаку, тысячи овец потеряют головы. Передай это своему имаму»,

Самад промолчал.

Как только Сафар узнал о том, что мулла Абдурахман во дворце больше не работает, он решил навестить мирзу Анвара, да никак не мог собраться — работа не пускала. Наконец выдался день посвободней, но он подумал: «Нет, сегодня среда — не стоит. До пятницы, когда я совсем не занят, да и мирза не работает, осталось всего два дня. Вот послезавтра я к нему и пойду».

Сафар-ткач закончил работу незадолго до вечерней молитвы. Несмотря на стужу, он совершил омовение ледяной водой и, закрутив кое-как бязевую чалму на голове, помчался в мечеть. Прошел по крытому коридору во двор мечети и увидел выходящих вместе из одной кельи Шаходата, Қалоншаха и муллу Абдурахмана. Сафар твердо знал, что муфтии работают во дворце. Неужели они хотят вернуть туда муллу Абдурахмана? Он почтительно встал у порога, скрестив на груди руки, дал им пройти вперед и последовал за ними. Проходя мимо Сафара, мулла Абдурахман бросил на него такой взгляд, что Сафар подумал: «Видно, муфтиев тоже прогнали с работы, как муллу Абдурахмана, вот они и собрались все вместе позлословить насчет мирзы Анвара!..»

Суфи кончил читать молитву, мулла Абдурахман встал перед молящимися. Все почтительно поклонились ему. Но когда мулла произносил слова молитвы, Сафар, вместо того чтобы стоять, благоговейно склонив голову, смотрел на обоих муфтиев и думал: «Как уродлив тот, с бородой, похожей на кетмень... А этот совсем растерялся, по лицу видно... Мулла обеспокоен, как птица, у которой только что вывелись птенцы... Верно, они все трое точат зубы на мирзу Анвара!.. А может, наоборот, пришли, чтобы утешить муллу или помирить его с мирзой?.. Но нет, лучше уж мирзе не мириться с муллой, если тот может из-за пустяка так долго таить обиду».

За этими мыслями Сафар и не заметил, как молитва окончилась; впрочем, поклоны он отбивал усердно.

После фатыхи народ начал расходиться, но несколько человек, в том числе и Сафар, сохраняя приличие, стояли не двигаясь, пока из мечети не вышло все духо-

венство. Лишь когда суфи потушил свечи, они двинулись к выходу. Во дворе Сафар увидел, что одна келья освещена, оттуда вышел мальчик лет одиннадцати с пестрой скатертью в руках.

Сафар прошел в крытый коридор и остановился. Вскоре мальчик поравнялся с ним. Тогда, пропустив его вперед, он двинулся следом. Мальчик шел по правой стороне улицы, дом Сафара стоял на левой, но он продолжал идти за мальчиком.

— Эй, сын Шукура-суфи! — окликнул Сафар мальчика.

Мальчик остановился. Сафар подошел к нему.

— Ну, идем! Тебя ведь зовут Маматкул, да?

— Да!

— Ты знаешь моего Аскар-бая, Маматкул?

Мальчик недоуменно смотрел на Сафара.

— Аскар-бай — мой товарищ, разве вы не знаете?

— Да, да! А ты, мне кажется, хороший малый...

Что ты делал в мечети?

— Я был в келье у имама, наливал ему чай. К нему гости пришли, важные муллы.

— Да, да! А куда ты теперь идешь?

— Я к имаму домой, принесу оттуда плов гостям.

— Да ты настоящий помощник! Ну принесешь плов, а потом, наверное, снова станешь чай подавать?

— Да. Буду прислуживать, пока гости не уйдут.

— Правильно! А когда пришли важные муллы?

— Вот как отец стал созывать на молитву, они и пришли. А сейчас чай пьют, я подавал.

Шагов десять Сафар прошел молча.

— Ты хороший мальчик, Маматкул... А о чем эти почтенные дядюшки говорили?

— Они еще ни о чем не говорили.

— Маматкул, тот, кто выслушает и запомнит их разговор, прямоком попадет в рай. Ты послушаешь, о чем они говорят?

— Да... Отец тоже сказал, что это богоугодное дело.

— Молодец, Маматкул! Непременно послушай! Если хорошо послушаешь, а потом придешь ко мне и расскажешь, о чем они говорили, я дам тебе десять полушек.

Маматкул, пораженный, смотрел на ткача.

— Правда, дядюшка Сафар?

— Конечно, правда, Маматкул,— сказал Сафар, позванивая монетами в кармане бязевого халата.— Слышишь, монеты звенят. Если ты выслушаешь разговор гостей и потом перескажешь его мне, то получишь десять полушек.

— Вечером я боюсь идти к вам.

— Чего ж ты боишься, Маматкул? Твой друг Аскар и ночью не боится.

— Я собак боюсь.

— Дурачок! На нашей улице собак нет. А к тому же можешь дожидаться утра, раз уж ты так боишься... Если имам отправит тебя из комнаты, ты выполняй его приказание, но незаметно подойди к окошечку и слушай!

Маматкул улыбнулся каким-то своим мыслям и утвердительно кивнул головой.

— Если наберешься храбрости, то сразу после их ухода приходи ко мне, я буду ткать в мастерской. Тут же и получишь десять полушек, Маматкул. Сделаешь, да? Ты же ничего не теряешь.

— Хорошо,— сказал мальчик, сворачивая в узкую улочку.

Сафар некоторое время постоял, глядя вслед мальчику, потом повернул назад. Он решил на другой же день отправиться к Анвару и принести ему свежие новости. Вероятнее всего, что и муфтии — враги главного писаря и должны быть изгнаны из дворца. Занятый этими мыслями, он пришел наконец домой. Там его осыпала упреками Тухта-биби, так как сваренная ею к ужину лапша перестоялась настолько, что превратилась в кашу.

41. «А ВАШИ МЕДЯКИ НЕ СТЕРТЫЕ?»

обычно раннюю утреннюю и вечернюю молитвы Сафар ходил читать в мечеть. Остальные — полдневную, предзакатную, ночную — за недостатком времени читал дома. Но сегодня он не пошел вечером в мечеть еще и по особым причинам. Маматкул, торопясь получить свои десять полушек и увидев его там, мог выболтать о подслушанном разговоре при посторонних.

После ужина Сафар отправился в свою мастерскую. Он зажег подле станка коптилку, связал оборванные нити основы, разобрал и расчесал спутавшиеся нити, опрыскал их изо рта крахмалом, снова расчесал и начал обмахивать, чтобы скорее просохли. Наконец основа заправлена в станок; из старой тюбетейки Сафар вынул шпульки с намотанными на них нитками, поднялся на станок и, отодвинув назад бердо, заправил челнок.

Коптилка едва освещала ткача. Сафар, с его сутулыми плечами и впалой грудью, словно слился со станком в одно целое. Каждый нажим на подножки станка сопровождался звуком «чич-чач». Под этот напев челнок сновал из стороны в сторону; утѳк тянул за собой основу, и через определенные промежутки времени станок производил по четыре вершка бязи.

Сафар один раз в сутки заправлял нитки, этим определялось его ночное рабочее время; а коптилка как бы служила часами: масла, налитого вечером, как раз хватало на этот срок.

Сафар намотал готовую ткань на круглый валик и посмотрел, в порядке ли основа; затем положил под язык насвай и прислушался, не идет ли кто по улице. Он все еще надеялся, что прибежит Маматкул. Ничего не услышав, он заложил в челнок новую шпульку и снова принялся за работу. Тухта-биби сидела в ичкари и веретенком наматывала нитки на шпульки. Намотав кучу шпулек, она наполнила ими широкий рукав платья, принесла их в мастерскую, молча выложила шпульки в тюбетейку и собрала пустые шпульки.

— У меня ноги озябли,— сказал Сафар,— согреться бы...

— Развести огонь?

— Вот спасибо! Хватит нескольких щепочек!

Тухта-биби ушла, а Сафар быстро-быстро, словно рассердившись на что-то, заработал ногами, нажимая на подножки. Челнок так и сновал.

Минут десять продолжалась напряженная работа. Вдруг челнок сразу остановился, Сафар прислушался. Во дворе скрипнула наружная дверь и послышались легкие шаги. Держа челнок в руках, Сафар усмехнулся. Еще два-три шага — и дверь в мастерскую отворилась.

— Молодец, Маматкул, молодец, молодец! Дверь закрой, ну же!

Маматкул прикрыл за собой дверь, поднес ко рту озябшие руки и начал согревать их своим дыханием.

— Озяб, Маматкул? Сейчас разожем огонь... А я все храню твои десять полушек, думаю, вот придет Маматкул, и я ему их отдам...

В эту минуту дверь приоткрылась и снова закрылась.

— Заходи, Тухта, заходи, здесь Маматкул.

Тухта вошла с охапкой дров в руках и взглянула на мальчика.

— Это ты, Маматкул! — воскликнула она. — Что пришел так поздно? Твоя мать здорова? Все ли у вас благополучно?

Маматкул кивнул ей головой и посмотрел на Сафара.

— У него ко мне дело есть, — сказал Сафар. — А ты разведи огонь поскорее, видишь, он озяб.

Тухта-биби бросила дрова в углубление, где разводили костер, и поднесла к ним лучинку, зажженную от коптилки.

— Молодец, Маматкул! — сказал Сафар-ткач. — Значит, ты, сынок, проводил их и пошел ко мне? Молодец! А приходил к ним еще кто-нибудь?

— Нет...

— Вот как... Значит, мулла не сказал тебе «уходи!»

— Я еще два раз кипятил чай. А если бы меня не было, кто бы это сделал?.. Я подавал им чай и слушал, о чем они говорят.

— Молодец, молодец! — все повторял, смеясь, Сафар. Он посмотрел на Тухту-биби, говоря: «Джигит должен таким быть, а наш Аскарбай тоже ведь джигит». — Ну-ка, Маматкул, подсядем к огню, согреемся и побеседуем.

Они присели на корточки подле костра. Сафар снял кавуши, чтобы лучше согреть ноги.

— Тетушка, Аскарбай спит уже? — спросил Маматкул.

— Спит, — ответила Тухта-биби и, унося пустые шпульки, обратилась к мужу: — Намотаю эти шпульки, хватит на сегодняшнюю ночь?

— Наматывай, там посмотрим.

Тухта-биби вышла из мастерской. Сафар поглядел, улыбаясь, на мальчика. Маматкул ответил ему улыбкой, но почему-то тут же вздохнул, взглянув на карман, в котором Сафар держал деньги,

— Ну, умница Маматкул, говори!

Маматкул задумчиво и нерешительно поднял глаза.

— Все слова у них книжные... Большой мулла читал Коран, но я...

Сафар сообразил, что смущает мальчика, и, смеясь, сказал:

— Ты не понял? Жаль! Ну, расскажи хотя бы то, что понял.

Маматкул вздохнул с облегчением и невольно вновь взглянул на карман Сафара.

— Если не расскажу о книжных словах, деньги все равно дадите?

Сафар, смеясь, достал деньги из кармана и раскрыл ладонь.

— Конечно, дам. Вот видишь, из них десять — твои!

— Дядюшка имам...— начал рассказывать Маматкул, а глаза его так и впелись в монеты,— дядюшка имам сам был главным писарем во дворце. А потом один человек, не мулла, а какой-то неграмотный, сел на его место... Он сказал про дядюшку имама, что тот плохо пишет, и дядюшку имама прогнали... Там есть еще человек по имени Али. Это он говорил плохое про дядюшку имама...

Сафар перебил Маматкула:

— Кому он говорил дурно про муллу?

— Вот тому, неграмотному... После этого они и прогнали имама. А теперь они хотят прогнать и других. Этот неграмотный очень плохой человек, они говорят... Вот муллы и пришли к дядюшке имаму посоветоваться, что делать.

Маматкул говорил, все время поглядывая на деньги в руке Сафара.

— Деньги не стертые, Сафар-ака? — наконец спросил мальчик.

Сафар засмеялся и, отделив пять полушек, протянул их Маматкулу.

— Да вот, посмотри сам.

Маматкул взял деньги и внимательно оглядел их со всех сторон.

— Как будто не стертые... Сафар-ака, а на одну полушку дадут десять пайса¹ халвы?

— Дадут! Ну, деньги положи пока в карман. Остальные получишь, когда кончишь рассказывать. Так, значит, большие муллы пришли советоваться...

— Да! А если я завяжу деньги в поясной платок, они не потеряются?

— Подожди завязывать... Получишь еще пять полушек, и спрячешь все вместе.

Маматкул подбросил деньги, лежавшие у него на ладони, они зазвенели, а он, поеживаясь, заныл:

— Ноги у меня совсем занемели.

— Не сиди на корточках.

Маматкул сел как следует, поджав ноги под себя, но продолжал хныкать:

— Как иголками колет...

— Оставь ты свои ноги, потерпи, рассказывай дальше. Сейчас все пройдет.

— Правда? — Маматкул поглаживал ноги. — С вами тоже так бывает, Сафар-ака? Так вот, большой мулла взялся за бороду и стал грозиться: «Попадетса он в силок», — говорит. Дядюшка имам сидел задумчивый, а потом... Ой, ноги колет, Сафар-ака!..

— Сейчас пройдет. Дальше, дальше...

— Дальше? А, я вспомнил! Дядюшка имам еще говорил, что этой весной он должен жениться.

Сафар-ткач прервал Маматкула:

— Кто это он?

— Ну тот, неграмотный... которого они все ругали... Дядюшка имам сказал, что, по слухам, невеста очень красивая. Вот, говорит, надо постараться, чтобы о ней узнал хан. А другие муллы сказали: «Хорошо придумано! Очень хорошо!» — Маматкул замолчал, видимо что-то припоминая, и добавил: — Они еще сказали, что Гульчин все устроит.

— Значит, говорят, Гульчин все устроит?

Маматкул заколебался:

— Я не совсем расслышал. Гульчин, а может быть, Гульчий?.. Нет?

— Ну, еще что?

— Все.

¹ П а й с а — мелкая единица веса, «восьмушка».

— Только и всего?
— Да, все. Ведь когда я выходил во двор, чтобы налить чай, я не слышал, о чем говорят.
— Ну, ладно. А потом они ушли?
— Ушли. И мне дядюшка имам велел идти домой... Вы бы дали мне денег, я бы их завязал все вместе.
Сафар, смеясь, отдал ему остальные пять полушек.
— Никому не рассказывай, что я тебе дал деньги, хорошо? И о разговоре у имама не рассказывай, богу не нравится этот разговор... Ты не боишься идти домой один?
Маматкул подумал мгновение, завязал монеты в пояс и, крепко держа этот узелок, пустился бежать, ничего не ответив Сафару.

42. ХИТРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда Сафар прошел в ворота, из ичкари вышла нарядно одетая женщина. Он впервые видел такую красавицу в таком роскошном наряде, и, пока она закрывала лицо, он все глядел на нее и не мог оторваться. Под этим впечатлением он вошел и в михманхану. Анвара там не было, а сидел какой-то чужой человек. Это был Султанали. Сафар поклонился ему, Султанали ответил на поклон и пригласил сесть. Сафар сел и, немного помолчав, спросил, где мирза Анвар. Султанали сказал, что он ушел к одному беку и скоро вернется, затем осведомился, по какому делу пришел Сафар.

— Особых дел у меня к его милости нет, я только искренне молюсь за его благополучие... и мне захотелось просто повидать мирзу.

Султанали знал, что Анвар, по доброте души, многим оказывает благодеяния, и принял Сафара за одного из многочисленных просителей. Однако говорил он с ним приветливо, и Сафар-ткач, видя к себе теплое отношение, почувствовал расположение к Султанали.

Помолчав немного, Сафар опять заговорил:

— Дай бог, чтобы удача всегда сопутствовала мирзе! Душа-человек, хороший человек! С нами, бедняками, он дружит так же, как и с вами. Қо всем одинаково относится.

Султанали удивился. Как-то не вязались эти притязания на дружбу с мирзой Анваром со скромными словами, сказанными Сафаром раньше.

— Да это так!.. Мирза Анвар со всеми одинаков! А чем вы занимаетесь? — спросил Султанали.

— Я ткач, ваша милость. Но мирза не сторонится меня, хоть я всего лишь только ткач. Это и располагает к нему, ваша милость. А вот старейшина нашей махалли, например, тот никогда с нами не поговорит. Истинная правда, ваша милость.

Слова эти рассмешили Султанали.

— Вы правильно рассуждаете. Как вас зовут?

— Я человек маленький, из тех, что живут в укромном уголке, вперед не вылезают... Каков я, таково и мое имя. Я не столь знаменит, как купец Алим-кавок¹, которому достаточно назвать себя, чтобы его все узнали.

Султанали снова засмеялся. Ему очень понравилась «истинная правда» ткача. Он испытывал к нему дружеское чувство.

— А вдруг я узнаю, кто вы, если назоветесь, — в раздумье проговорил Султанали. — Вы — ткач, говорите? Не вы ли на прошлой неделе кое о чем рассказывали мирзе Анвару?

— Возможно. Ведь когда у меня случается свободная минута, я прихожу к мирзе.

— Вы не из прихожан ли муллы Абдуррахмана?

— Вот-вот-вот! Точно так, господин.

— Если не ошибаюсь, вас зовут Сафар?

Ткач даже засмеялся от радости.

— Как? Значит, мирза говорил обо мне?

Султанали, тоже смеясь, сказал:

— А еще прибеднялись, говорили: я не знаменитый купец Алим-кавок, никто меня не знает... А оказывается, вас знает и главный дворцовый писарь, а затем выяснится, что и курбаши² и дахбаши³.

— Виноват, виноват, оказывается, я не знал себе цены!

Так смеясь и остря, они все больше и больше чувствовали расположение друг к другу. Через некоторое

¹ А л и м - к а в о к — знаменитый в ту пору купец, привозивший из-за границы товары для Худояр-хана.

² К у р б а ш и — начальник городской полиции.

³ Д а х б а ш и — староста, десятник.

время им уже казалось, что они давние друзья. Султанали стал называть ткача просто по имени, спросил, как себя чувствует в последнее время мулла Абдурахман. А Сафар выразил свою радость по поводу его увольнения и сказал, что мулла ходит позеленевший от злости.

— Раз уж он ни на что не способен, думаю я, стоит ли ему греметь, как пустой чайник, привязанный к хвосту. Кривому пню пристал кривой топор. Правильно поступил с ним мирза.

— Да,— сказал, смеясь, Султанали.— Что-то он теперь говорит людям? Вы не слышали?

Сафар почесал правый глаз, потом начал рассматривать свои кривые ногти.

— Об этом я ничего не слышал... Но, знаю, что он плохой человек.

— А чем он плохой?

— Чем?..— Сафар продолжал смотреть на свои ногти.— Да что говорить, он хочет погубить мирзу. Раньше он был просто недругом, а теперь обиженный враг...

Честная, бесхитростная душа Сафара стала постепенно раскрываться все больше, выдавая свои тайны. Слова «обиженный враг» заставили Султанали насторожиться.

— Я работаю с мирзой Анваром, Сафар-ака, и между нами нет никаких тайн. Вспомните, зная вас только понаслышке, я сразу сказал о вашем разговоре с мирзой Анваром...

— Я понял это, господин.

— Если поняли, то почему вы боитесь говорить со мной откровенно? — упрекнул его Султанали.

— Нет, нет, братец вы мой, ей-богу...

— Так почему же вы не рассказываете откровенно все, что знаете о мулле Абдурахмане?

— Я же сказал, что он дурной человек.

— Это я и без вас знаю. Но, видно, вы и меня считаете плохим человеком. Ну, ну, хорошо, дождемся мирзу Анвара. Вы ему все расскажете, а я тогда пристыжу вас.

Сафар-ткач расхохотался и сказал, шутливо погрозив пальцем:

— Откровенно вам скажу: хитрый вы человек...

Эта наивная характеристика рассмешила Султанали.

— А вы еще хитрее! — ответил он.

— Я хотел самому мирзе рассказать все, что узнал.

— Вы ему и скажете, но не плохо, если и я об этом узнаю. Так что же намерен предпринять обиженный враг?

— Обиженный враг!.. — Сафар рассмеялся и, подумав, ответил: — Вы работаете во дворце и, наверное, знаете там двух чванливых муфтиев.

— Как же, знаю, есть там такие... Они из тех, кто за грош выдаст справку от имени бога в том, что дохлый ишак вполне свеж и съедобен. Да, они из тех... Ну и что же?

— Вот здорово вы сказали! Так оба эти муфтия пришли позавчера в гости к мулле Абдуррахману...

Сафар рассказал все, что нам уже известно. Султанали был захвачен бесхитростным рассказом о том, как был подслушан разговор муфтиев с муллой Абдуррахманом.

— Мальчик, ваша милость, говорил путано. Как видно, мирза Анвар собирается жениться на какой-то девушке. Она красива, и пройдохи решили подсунуть ее хану в гарем. Человек, таящий злобу, готов на любую пакость.

Султанали даже в лице переменился, резче выступили морщины, широко раскрылись глаза.

— Неслыханное дело!.. Ну, продолжайте же.

— Это почти все, что удалось узнать от мальчишки. Да, вот еще что, — сказал Сафар, немного подумав: — Придя к такому решению, они добавили: «Это проделает Гульчин». Я так и не понял, кто это. Может, мальчик что-то напутал или муллы говорили не по-нашему? Я ведь не силен в грамоте, разных там их премудростей не знаю...

Неизвестно, чем поразили Султанали слова Сафара, но только он вдруг глубоко задумался. Сафара это взволновало, он стал почесывать лоб и, прищурив глаза, старался по выражению лица Султанали понять, что именно его обеспокоило.

— Когда все это было? — спросил наконец Султанали.

- Позавчера, ваша милость.
- Значит, прошел только один день, четверг?
- Да, да.

Сокрушенно покачав головой, Султанали рассказал Сафару о том, что мирза Анвар собирается весной жениться на дочери хозяина этого дома и враги, видимо, хотят унижить его и опозорить.

— Спасибо вам, Сафар-ака,— сказал Султанали,— за то, что вы рассказали о кознях, которые задумали враги мирзы Анвара. Я его друг и очень вам благодарен. Но прошу вас пока ничего не говорить об этом самому мирзе. Пусть это останется между нами, ведь, если он узнает, это его сильно огорчит. Очень прошу вас!.. Сначала нужно расстроить замыслы этих подлецов, а потом уже сказать ему. И действовать нужно быстро, чтобы они не успели нанести ему удар... После этого, пожалуй, можно и ему все рассказать. А сейчас я еще до прихода мирзы Анвара кое-куда схожу по этому делу... Впрочем, могу даже сказать, куда собираюсь пойти. Дело в том, что мальчик неправильно услышал имя «Гульчин». Они сказали: «Это проделает Гульшан». А Гульшан — это имя женщины, гаремной сводни... Она разыскивает красивых девушек для хана. Они хотят прибегнуть к ее помощи, чтобы побольней отомстить Анвару. Нельзя терять ни минуты, я должен немедленно пойти к этой женщине. Теперь вы поняли, как обстоит дело, Сафар-ака?

— Понял, дорогой, понял!

— Значит, договорились — ни слова мирзе Анвару, пока мы все не закончим,— настойчиво повторил Султанали, вставая с места.— Ну, я пойду, пока не пришел мирза, а то он меня задержит. Если он спросит у вас, где я, скажите, что меня кто-то вызвал, хорошо?

— Хорошо. Но не лучше ли и мне уйти?

— Нет, оставайтесь! Объясните ему, почему я ушел. Только так, как мы договорились. А в следующую пятницу непременно приходите сюда же. Я вам расскажу, чего удалось добиться, и мы вместе с мирзой все обсудим. Идет?

— Идет!

Султанали распрощался с Сафаром и быстро вышел из михманханы,

Махдум, стоя на айване, наворачивал чалму вокруг головы. Вдруг он увидел, что в крытом коридоре появилась какая-то женщина, и сказал Рано, сидевшей с вышиванием у сандала:

— В коридор вошла женщина, узнай, дитя мое, что ей нужно.

Рано подошла к женщине, которая стояла к ней боком.

— Здравствуйте...

Женщина ответила Рано на приветствие, отошла подалее в конец коридора и поманила девушку за собой. Рано обратила внимание на богатую шубу женщины. Подойдя к ней, она снова поклонилась.

— Скажите мне, милая, это дом Насиббека?

— Нет,— улыбнулась Рано,— мы его соседи.

Женщина окинула Рано взглядом с ног до головы.

— Ох, беда! — воскликнула женщина, всплеснув руками.— Ошиблась я и вас понапрасну обеспокоила. Но уж раз так случилось, не худо бы познакомиться. Чей это дом?

— Салиха-махдума.

— Ах, как неловко получилось! И надо же было мне ошибиться! Значит, я попала в дом почтенного махдума? А вы кем ему приходитесь?

— Я... дочь его.

— Да благословит вас бог. А как зовут вас?

— Рано... Да вы зайдите, пожалуйста, в дом.

— Спасибо, Рано-хон... Дом Насиббека справа или слева от вас? Где вход к нему?

— Первые ворота слева.

— Спасибо, Рано-хон!

Женщина все стояла, пристально глядя на девушку. Рано смутилась, опустила глаза. Женщина наконец попрощалась, чему-то улыбнулась и двинулась к выходу. На улице ей тут же повстречался Сафар-ткач.

Попрошавшись с женщиной, Рано вернулась в ичкари, а махдум, нарядившись в халат, спустился с айвана. Справившись о том, кто приходил, он отдал дочери распоряжения по хозяйству, так как Нигор-аим с утра ушла в гости к родственникам, и в доме осталась одна Рано.

— Мать придет поздно, приготовь обед пораньше!.. Хабба! Готовь только на себя и на Анвара. Я ведь на свадьбу иду, там наемся, да и мать придет неголодная.

Уже уходя, он снова остановился:

— А братца Анвара спроси, что ему приготовить... так-то лучше будет, дочь моя!

Рано кивнула головой. Махдум ушел, а она вернулась на айван и снова занялась вышиванием. Но вскоре свернула работу и сняла с полки книгу. Но и книга ее не развлекла. Почитав немного, Рано отправилась на мужскую половину. Подойдя к двери, ведущей в сад, она услышала голос Анвара, который с кем-то прощался. Рано в ожидании стояла у двери. Вскоре Анвар, как ей послышалось, направился в ичкари. Рано улыбнулась и спряталась за дверь. Не успел он пройти и двух шагов, как раздалось:

— Здравствуйте!

Услышав этот нежный голос, Анвар сделал вид, что очень испугался, и стал плевать во все стороны¹.

— Из меня прямо дух вон... Что это все значит, девушка?

— Это значит, что я вас испугала.

— Ах, вот как! А что ты тут делаешь?

— Я хотела спросить, что вам приготовить на обед?

— Спроси у отца.

Рано объяснила, что отец ушел на свадьбу и поручил ей позаботиться обо всем.

— Как приятно, что мы с тобой одни на весь дом,— сказал Анвар, улыбаясь.— Пойду-ка закрою ворота.

— Вот как!.. Запрете ворота?!

— Рассердилась, милая! А ты не думаешь о том, что если я войду в ичкари, то михманхана останется без присмотра!

Рано сделала вид, что недовольна.

— Я пришла не за тем, чтобы звать вас в ичкари, а спросить, что вы будете есть!

— Понимаю... Но я хочу, чтобы ты не скучала.

¹ По старинному обычаю, испугавшись, принято отплевываться, чтобы отогнать беду.

— Я и не буду скучать!.. Что вам приготовить?

— Да, в самом деле, что бы такое заказать? — в раздумье сказал Анвар.— Лапшу режешь плохо, плов у тебя слишком разваренный получается, самсу печь не умеешь, лагман¹ так перевариваешь, что уж лучше просто есть болтушку, а о мантах и говорить нечего... И ты еще осмеливаешься спрашивать — «что сготовить?». Любопытно!

— Ну, если я такая неспособная, то готовьте себе сами.

— Да и я не умею хорошо готовить, потому и помалкиваю. Но если мы возьмемся за дело вместе, то может быть, нам и удастся что-нибудь сделать... Ты иди, милая, разведи огонь, а я буду резать морковь и лук, хорошо?

Рано молча, как будто все еще сердясь, ушла в ичкари. Анвар, улыбаясь, прошел на мужскую половину дома.

И вот Рано развела огонь и моет котел для плова. Анвар, сидя на маленькой супе подле очага, режет морковь. Девушка все еще делает вид, что сердится, и не отвечает на его вопросы, а когда он говорит что-нибудь смешное, она отворачивается, чтобы он не видел ее улыбку.

— Правду говорят, что, имея дело с женщиной, не трогай ее очаг и прятку... Ты, конечно, еще не женщина, но род твой все же женский... Как резать морковь, мелко или крупно? Правда ли, нет ли, давным-давно жила-была девушка... Попал ей как-то в глаза дым, и она горько заплакала. Спросили, почему она плачет, оказывается, потому что дрова сырые... Ух, сердитая была девушка!.. Не отворачивайся, не отворачивайся! Вижу, что смеешься. Ой, дай тряпку, руку порезал.

Рано кинула быстрый взгляд на его руку и, увидев, что он шутит, продолжала делать свое дело.

— Вот какая девушка: руку порежешь — и то не верит. Осторожно, дорогая, волосы сгорят.

Рано откинула косы за спину, подошла к очагу, налила масла в котел и положила перед Анваром мясо и лук.

Нарезав мясо, Анвар продолжал ее дразнить.

¹ Лагман — лапша с накрошенным мясом, без бульона.

— Эй, скажи-ка, девушка, когда же твоя свадьба?
Не нравится проза — спрошу стихами:

— Звукам сладостного пенья,
Дням весеннего цветенья,
Наслажденья, упоенья,—
Им придет черед, Рано?

Рано улыбнулась и посмотрела искоса на Анвара, потом уставилась глазами в какую-то точку и замерла.

— Ну на прозу не смогла ответить, а на стихи как?..
Впрочем, и смешон же я,— сказал Анвар.

Рано продолжала сидеть молча, не обращая внимания на шутки Анвара. Но вот она повернулась к нему лицом:

— Долго ль слушать мне намеки,
От которых рдеют щеки?..
Домогательства, упреки —
Им конец придет, Мирзо?

Так сказала Рано и тут же добавила:

От знакомого порога
В чужедальнюю дорогу,
Удаляясь понемногу,
От меня уйдет Мирзо?

И снова:

Потирая лоб рукою,
Благозвучною какою
Поэтической строкою
Удивит вот-вот Мирзо?

Анвар даже растерялся от этого потока стихов...

— Да, вот это девушка! Настоящая цыганка!..—
воскликнул он.

Рано, мешая угли в очаге, посмотрела на Анвара снизу вверх и улыбнулась.

— Ответ!

Анвар призадумался.

— Непонятно мне: стыдлива
Иль кокетлива на диво
Та, что, как звезда, красива?

Анвар запнулся — никак не мог подыскать рифму к последней строке. Все слова, приходившие ему в голову, были бедны, похожи на те, что уже произнесла Рано. Как он ни бился, ничего не выходило, тогда он рассмеялся вместе с Рано.

— У вашей птицы есть голова и два крыла, а ног нет,— сказала она.

— Этого довольно! Имея голову и два крыла, птица может летать, а больше ей ничего не нужно.

— О нет! Птице ноги нужны! Взлетит она в небо, полетает и устанет... Захочет сесть на дерево, а без ног не сможет. Вот и упадет на землю, а там ее кошка съест.

Рано заливалась смехом, даже слезы появились на глазах, длинные ресницы смежились. Лицо ее от смеха и тепла покраснелось и было похоже на румяное яблоко, тонкий носик докрылся капельками пота, похожими на жемчужинки.

Анвар ничуть не огорчился своим поражением. Он готов был сто раз вытерпеть такое же, чтобы увидеть Рано, похорошевшую от смеха и от восторга, который ей доставила ее победа.

44. «МЕШОК ПОТЕРЯЛИ?»

ултанали явился в махаллю Кушбеги и прошел в ворота одного из домов. Миновав темный коридор, он постучал во внутреннюю дверь. Кто-то крикнул «сейчас», и тогда он отошел назад. Вскоре из ичкари вышел человек лет сорока, в наброшенном на плечи бекасамовом халате, в рубахе, надетой на голое тело, в кавушах на босу ногу. Поклонившись Султанали издали, он вдел руки в рукава, плотнее завернулся в халат и подошел здороваться.

— Входите, ваша милость,— сказал он.

Этого человека звали Холбой, он был мужем Гульшан, женщины, умеющей добывать деньги. Этот брак принес ему сытую, спокойную жизнь. День и ночь валялся он, ничего не делая. Все доставляла домой жена, он только готовил обед и подметал двор. В других семьях обычно жены вели хозяйство, а мужья зарабатывали деньги; в семье Холбоя все было наоборот.

Гульшан не оказалось дома, она ушла во дворец. Узнав об этом, Султанали совсем упал духом; он стоял и о чем-то напряженно думал.

— Вы уверены, что она пошла во дворец? — спросил он.

— Сначала ей надо было куда-то зайти. Если бы обстоятельства там сложились удачно, она оттуда пошла бы во дворец, если нет — вернулась бы домой. Поскольку ее до сих пор дома нет, думаю, что она во дворце.

— Вы знаете, куда она собиралась зайти?

— Не разобрал, ваша милость.

Султанали почувствовал такую усталость, словно долго бежал. Пятясь, он сел на лавочку и провел рукой по лбу.

— Приходил к ней кто-нибудь вчера?

— Приходили, но меня в это время дома не было.

Султанали даже в лице изменился, он смотрел в растерянности то на потолок, то вдоль коридора на улицу.

— Когда она вернется, скажите, что я приходил и снова приду. Пусть сидит дома и с места не двигается. У меня к ней важное дело есть. Слышите?

Заручившись обещанием Холбоя, Султанали ушел. Быстро шагая по тем же кривым улицам и переулкам, какими пришел сюда, он оглядывал всех встречных женщин с ног до головы. Дойдя до базара, он услышал призыв на молитву. По направлению к мечети потекли толпы людей в чалмах, только он, позабыв пятничную молитву, мчался куда-то сломя голову... Пройдя улицу, на которой жил Салих-махдум, он вдруг в раздумье остановился и повернул обратно. Ворота дома Салих-махдума были приоткрыты. Михманхана оказалась на замке, значит, на мужской половине дома никого не было. Султанали остановился подле калитки, ведущей в сад, и заглянул в щель. Удостоверившись, что женщин в саду нет, он шагнул туда и потихоньку дошел до ичкари.

— Мирза Анвар, эй, мирза Анвар! — крикнул он.

Он окликнул Анвара еще несколько раз и лишь тогда услышал, что кто-то подошел к калитке. Он снова позвал Анвара, и женский голос ему ответил:

— Его нет.

— А где он?

— Ушел в мечеть на пятничную молитву.

Султанали вздохнул, казалось, с облегчением и, глядя в землю, спросил:

— Могу ли я, не ожидая его, справиться кое о чем у вас, сестра? Приходила сюда какая-нибудь женщина?

— Нет. Впрочем, была одна, но она попала к нам по ошибке, — ответила Рано.

У Султанали потемнело в глазах, он нахмурился.

— Зашла по ошибке?

— Да.

— Когда это было? Сколько времени прошло?

— Да-а.., утром...

Султанали сокрушенно покачал головой и, поблагодарив Рано, ушел. На улице он бросился бежать, как говорится, не чуя ног под собой. Полторы версты до дворца Султанали пробежал в пятнадцать минут, так что, несмотря на мороз, обливался потом. Остановившись подле первых дворцовых ворот, он опустился на маленькую супу и, вытирая пот со лба, заговорил с привратником.

— Вы, господин, мешок потеряли, что ли? — спросил, смеясь, один из привратников.

— Похоже на то!.. А что, его величество вышел к пятничной молитве?

— Не выходил.

Султанали, делая вид, что отдыхает, молча посидел на супе.

— Проходила какая-нибудь женщина в гарем? — спросил он наконец.

— Да не одна. Их пять или десять прошло, — рассмеялся привратник.

Султанали улыбнулся через силу и снова устало опустился на супу. Больше он ничего сделать не мог. «Два часа пробегал понапрасну, — с горечью подумал он, поникнув головой, — из кожи вон лез, чтобы Абдуррахман и его сообщники не достигли своей грязной цели». Как тяжело ему было при мысли, что мирза Анвар может быть унижен и опозорен этими людьми! Мучила его также мысль, что он явился причиной увольнения Абдуррахмана. «Если бы я не настаивал на удалении его из дворца, не требовал бы этого от Анвара, они не стали бы мстить ему». Он был уверен, что Анвар не прекнет его ни словом, но на душе было от этого не легче. Как смотреть теперь Анвару в глаза? Подавленный всеми этими мыслями, Султанали открыл калитку в воротах и вошел внутрь. Оставив в стороне прямую дорогу, он начал прогуливаться по заснеженным клумбам цветника.

Под стенами во внутреннем дворце взад и вперед шагали вооруженные часовые.

Долго прохаживался Султанали и наконец дошел до левого дворцового крыла. Подойдя к одному из часовых, он поздоровался с ним, поговорил о том о сем и повернул к восточной части дворца. И здесь он перемолвился словечком с беками, охранявшими ворота. На вопрос: «Что делаете вы здесь в пятницу?» — он ответил: «Слышал я, что его величество собирается сегодня развлекаться!»

Посидев немного, Султанали отправился к северной части дворца. Там на холме, над недавно выстроенным склепом, который предназначался для ханской семьи и гарема, в окружении черных мальчиков-рабов забавлялся луком и стрелами Урманбек.

Султанали почтительно поклонился юному наследнику хана, присел у склепа и прочел молитву, следя при этом все время за играющими детьми. Окончив молитву, он присел на айван у карыханы¹. Урманбек закладывал стрелы в лук и стрелял. Они взлетали вверх и падали где придется. Мальчики-рабы собирали стрелы и подносили их Урманбеку. Одна упала к ногам Султанали. Он поднял ее и стал расправлять на ней перья. В это время подбежал один из маленьких черных рабов и молча протянул руку за стрелой. Но Султанали поднял стрелу повыше, так, чтобы тот не мог достать.

— Дайте стрелу, господин, не то его милость рассердится.

Султанали, словно играя с мальчиком, продолжал высоко держать руку.

— Ты знаешь Гульшан-апу?

— А что? Дайте стрелу.

— погоди, пострел! Пришла Гульшан-апа сегодня в гарем?

— А что, если пришла?

— Когда кончится игра, позови мне Гульшан-апу! Слышишь?

— Хорошо!

Протянув кончик стрелы мальчику, Султанали, однако, не выпустил ее из рук и посмотрел на часовых, прохаживавшихся вдоль крепости.

— Так позовешь, сынок, да?

¹ Карыхана — приют для слепых и одновременно школа, где изучали Коран наизусть.

— Сказал, что позову!

— Ты знаешь меня?

— Вас? Знаю, вы писарь, ваша милость.

Султанали отдал стрелу, и маленький раб побежал к своему господину. Глядя на часовых, Султанали подумал, что они еще беспечнее его: ведь он мог связаться через мальчика с гаремом. И если бы об этом кто-нибудь узнал, всем не поздоровилось бы.

Урманбек еще немного пострелял, а затем, бросив лук и стрелы на землю, прошел в ворота гарема. Маленькие рабы последовали за ним.

Султанали, проводив взглядом детей, снова прочел молитву по умершим и медленно-медленно вышел из дворца.

45. «ФАТЫХА — ПЕЧАТЬ ВСЕВЫШНЕГО»

Махдум знаком остановил учеников, громко читавших вслух, вскочил и побежал во двор, куда вошли в это время два знатных бека. Низко поклонившись, он открыл дверь в михманхану.

— Пожалуйте, ваша милость, пожалуйте.

Махдум недаром растерялся: беки были из приближенных хана. В михманхане все сели, а махдум, стоя и сложив руки, торжественно сказал:

— Добро пожаловать!

Гости почтительно встали.

— Да осенит господь вас благодатью, почтеннейшие. Тысяча вам благодарностей за то, что удостоили своим присутствием нашу скромную обитель!

Беки поблагодарили махдума, и один из них, по имени Абдурауф-тункотар¹, взглянув на своего спутника, сидящего рядом, начал объяснять цель их прихода.

— Нас к вам прислал его величество хан. Он оказывает вам великую честь...

Махдум встал и поклонился, хотя и был весьма растерян, так как совсем не представлял себе, в чем могла заключаться эта «великая честь».

¹ Т у н к о т а р — начальник ночной охраны.

Тут заговорил второй бек, Мухаммад-Шариф-дастарханчи¹.

— Не всякий бывает удостоен такой чести... Его величество изъявил желание быть вашим зятем, и нам поручено принести эту благую весть.

Махдум снова привстал, но голос ему уже не повиновался, и он молчал.

— Его величество узнали, что у вашей милости есть дочь,— сказал Абдурауф-тункотар,— и изволили сказать: «Если человек сумел воспитать такого ученого, как мирза Анвар, он, наверное, вырастил умную, хорошую дочь». Нам поручено сказать, что ваша дочь будет окружена таким же почетом, какого удостоили мирзу Анвара. Конечно, не приходится объяснять, сколь дорого и ценно подобное расположение хана...

— Спасибо, спасибо! Дай бог, чтобы приумножились богатства его величества! — пораздумав, ответил махдум. — И если бы у меня была не одна, а сто дочерей, я счел бы своим долгом отдать их в рабыни его величеству... Однако у моей дочери есть пороки и недостатки... Есть и другие обстоятельства, ваша милость!

— Безгрешен только бог,— сказал тункотар,— раб божий всегда грешен, но и всегда его можно простить за это.

Махдум кивнул головой и помолчал, опустив глаза.

— Передайте мою нижайшую просьбу его величеству, пусть он простит меня, но, во-первых, я ничтожный, слабый, бедный раб его величества, не достоин оказанной мне чести, во-вторых, может ли моя простенькая неученая дочь разделить ложе его величества?! Рабыня, она недостойна этого, она не может быть равной великому хану. Мы не имеем права воспользоваться теми милостями, которыми осыпает нас высокий покровитель, мы того не стоим!

— Его величество глубоко уважает людей науки, это и равняет вас с ним, ваша милость.

Бек начал пространно говорить о высоких благах, которые принесет расположение хана. Махдум молчал и только согласно кивал головой.

— Да, конечно, да, конечно... — бормотал он.

¹ Д а с т а р х а н ч и — накрывающий ханский стол, видная должность при ханском дворе.

Я верный раб его величества! Однако есть еще одно обстоятельство, которое очень смущает меня, несчастного. Я уже обещал отдать свою дочь... мирзе Анвару. Вот это и заботит меня больше всего!

Услышав это, Абдурауф-тункотар посмотрел на второго бека, а тот рассмеялся и махнул рукой:

— Это пустяки! Мирза Анвар свой человек, он предан его величеству. Узнав обо всем этом, он только обрадуется.

— Дай-то бог!

— Мы сейчас пойдем и доложим его величеству о том, что вы возносите за него свои молитвы и что вы согласны... И, несомненно, это весьма обрадует его величество! — сказал Мухаммад-Шариф-дастарханчи, отрезая все возможности возразить что-либо, и продолжал: — Ну, конечно, назначить день свадьбы мы предоставим самому хану. А теперь прочтем фатыху. Фатыха — это печать всевышнего.

Абдурауф-тункотар воздел руки к небу, и махдум, вконец растерянный, последовал его примеру. После фатыхи оба «свата» встали и тут же собрались уходить. От всего происшедшего с такой стремительностью у махдума закружилась голова, он даже забыл, что еще хотел сказать посланцам хана. А это и было самое главное. Но как ни напрягал он свою память, провожая беков до ворот, он ничего не мог вспомнить. И только уже прощаясь с ними, он вдруг воскликнул: «Хабба!» Да, это действительно было важно: он хотел, чтобы о сватовстве рассказали Анвару сами сваты. Они охотно согласились, заверив махдума, что проведут все дело деликатнейшим образом и его имя не будет затронуто.

Проводив высоких гостей, махдум вернулся в михманхану. Он уже ничего не соображал и никак не мог разобраться, хорошо ли, плохо ли то, что сейчас произошло. Но на душе было скверно: он не то жалел Анвара, не то просто стыдно было перед ним. Мысли путались: то он думал, что лучше было бы раньше устроить свадьбу, то вспоминал, что ему предстоит сделаться тестем хана, а это — немаловажная честь. Так все время, думая то об Анваре, то о хане, он никак не мог обрести спокойного состояния духа и закрыл михманхану. Увидев махдума в дверях школы, дети начали повто-

рять урок. Но махдума сейчас раздражал шум, ему нужна была тишина, чтобы всесторонне обдумать неожиданное дело. Войдя в комнату для занятий, он сел на свое место и приказал ученикам замолчать. А когда все затихли, он сказал: «Вы свободны». Детям не пришлось повторять это дважды: они поклонились учителю и мигом исчезли.

Махдум сидел неподвижно и думал, думал... От мыслей об Анваре по-прежнему было тяжело на душе, но его уже окрыляли мечты. Стать тестем хана совсем неплохо. Можно получить большой калым. А если бог пошлет внука, возможно, что именно он станет наследником хана. Сама судьба вмешалась в это дело, потому что и была отложена свадьба Анвара и Рано. Это судьба предназначала Рано стать женой хана. И все же радужные надежды и мечты не могли прогнать предчувствия какой-то беды, которое овладело его душой. Это было мучительно, и махдум вдруг разозлился на Анвара: «Кто ему велел отложить свадьбу до весны! Он и вообще-то вечно медлит. А теперь, когда хан посватался, кто посмеет отказать хану!» — думал он. Наконец, немного успокоившись, махдум представил себе кубышку золота — калым, уважение и почет от людей... А вдруг он еще встанет рядом с управителем страны, молодым престолонаследником-внуком, подумал махдум и улыбнулся.

Он постепенно приходил в себя, все больше и больше радуясь свалившемуся, словно с неба, счастью. Видя во всем происшедшем доброе предзнаменование, он отгонял от себя тревожные мысли об Анваре. Его уже не беспокоило мнение домашних относительно неожиданного предложения хана. Он сообщил им об этом счастливым видом. Нигор-аим восприняла эту весть трагически и пролила немало слез, а Рано, читавшая в это время рубайи Хайяма, упала без чувств.

— Бедный Анвар уже свыше десяти лет кормит и одевает нас, и вот какова наша благодарность! — воскликнула сквозь слезы Нигор-аим.— А бедняжка Рано будет сто первой женой, окруженной сотней соперниц!

Придя в себя, Рано словно застыла в полном отчаянии. И лишь махдум, обозвав жену и дочь дурами, ушел, весьма довольный самим собой.

46. НАСТОЯЩИЙ ДЖИГИТ

 апомним, что накануне Султанали поручил мальчику-рабу вызвать Гульшан, а сам вышел из дворца. До вечера, поджидая ее, бродил он вокруг дворцовых стен. Вскоре после предзакатной молитвы из дворца вышли несколько женщин, среди них была и Гульшан.

Султанали поздоровался со всеми — он знал всех женщин, бывавших во дворце, — и отвел в сторону Гульшан. Из разговора с ней он выяснил, что все потеряно; к тому же враги усугубили свое грязное дело: мулла Абдуррахман, придя к Гульшан, сказал, что его к ней направил Салих-махдум, даже денег ей прислал, чтобы она получше выхваливала его дочь перед ханом.

— Я уже несколько месяцев не выискиваю девушек для хана, — сказала Гульшан, — но тут решила помочь человеку. Чтобы не попасть впросак, я сначала решила взглянуть на девушку. Она мне понравилась, и я пошла к хану. Не очень-то мне этого хотелось... Но, Султанали, откуда же я могла знать, что она просватана за мирзу Анвара, что кто-то хочет мстить ему! Только во сне могло присниться! Теперь все кончено, не могу же я пойти к хану и очернить девушку, которую я вчера только ему хвалила. Если мирза Анвар хочет жениться, то я знаю немало красивых девушек... Я виновата перед ним и постараюсь найти ему хорошую невесту.

Неужели все пропало?! С ненавистью думая о мулле Абдуррахмане и его друзьях, Султанали попрощался с Гульшан и ушел. Целый день он пробегал по городу, но не ощущал усталости, им владело лишь одно чувство — гнев на то, что победа досталась поллецам. Он не мог без боли думать о том, какое страшное впечатление произведет на Анвара, с его тонкой и нежной душой, эта вражеская месть. Он боялся, что Анвар, возмущенный предательством хана, не умеющего ценить людей, бросит службу во дворце.

Но, как говорит Гульшан, дело сделано. Теперь хан неминуемо станет зятем Салиха-махдума, ничего не делаешь! Да и все равно теперь, сообщать или нет эту новость Анвару, он так или иначе узнает. Но от кого? Долго думал об этом Султанали и наконец пришел к заключению, что должен сам сообщить это Анвару. Был

все же один шанс из ста за то, что трагедии можно избежать. Возможно, если он поставит в известность Анвара, тот найдет выход из положения. А может быть, все это вообще не имеет для него большого значения. И наконец, если Анвар и будет сильно задет, то, узнав из дружеских уст о грозящем ему ударе, легче перенесет его.

Утром, сотворив намаз и даже не позавтракав с семьей, Султанали отправился в дом Салиха-махдума.

Анвар только было собрался идти во дворец.

— Ну как же так можно! Почему вы ушли вчера, не дождавшись меня? — спросил он обиженно, когда Султанали вошел в михманхану.

— Меня вызвали... Но ведь оставался Сафар-ака.

Анвар, все еще с обиженной миной, спросил, завтракал ли Султанали. Тот ответил, что якобы ночевал неподалеку у родственников, напился у них чаю и вот по пути зашел к Анвару.

Друзья вышли вместе. Пройдя шагов двадцать по улице, Анвар, улыбаясь, посмотрел на Султанали.

— Когда вы вторично зашли к нам вчера, о ком вы спрашивали?

Султанали почесал лоб.

— А вы были дома, когда я вас звал?

— Я был дома,— рассмеялся Анвар и молча прошел несколько шагов.— А если и не был, то вас все равно узнали. Когда мне рассказали о вашем приходе, я очень удивился и вот с тех пор недоумеваю: кто же эта женщина, которой вы интересовались? В чем тут дело?

— Да пустяки...

— Ну все же!

Султанали шел некоторое время молча. Он был доволен, что разговор складывался благоприятно.

— Такая история... Может, вас она немного и касается, но, в общем, пустяки... Так что же, рассказать?

— Конечно, расскажите! Я очень был обеспокоен вашим неожиданным посещением.

— Вам просто ничего сказать нельзя,— рассмеялся Султанали.— Иглу вы принимаете за верблюда, а соломинку за бревно.

— Это я-то?! Хорошо же, пусть будет даже всемирный потоп, скажу, что вода мне по щиколотку... Рассказывайте!

Султанали старался говорить в полушутливом тоне, начал он с того, о чем рассказал ему Сафар-ткач. В головах, мол, у бедняги Абдуррахмана и у муфтиев только низкие мысли, они только о том и думают, как бы отомстить Анвару.

Теперь Анвар понял, почему у него в последние дни беспокойно на душе. Его предчувствия подтвердились. Слушая о том, как Сафар с помощью мальчика узнал о заговоре, Анвар посмеялся над Абдуррахманом, чем немного облегчил Султанали его трудную задачу. Но когда дело дошло до разговора с Гульшан, Анвар изменился в лице, веки его затрепетали. Впрочем, он скоро овладел собой и выглядел совсем спокойным.

— Ничего страшного,— сказал он, махнув рукой.— Я не представлял себе, что они могут пойти на такую подлость, но мести от них ожидал... Ничего особенного, Султанали-ака!

Султанали, видно, не придавал значения особым интонациям в голосе Анвара и продолжал говорить в том же полушутливом тоне.

— Эти ишаки в чалмах скачут, пока не дорвутся до хлеба. Просватанную девушку они хотят подсунуть хану, и этим думают отомстить мирзе Анвару. Глупцы! Они надеются, что мирза Анвар не найдет себе жены! Да ведь все девушки страны расчесывают свои косы для мирзы Анвара. Разве вы не сможете, если захотите, стать зятем главного казиза, шоговула или другого такого же высокопоставленного лица! Смешно смотреть на глупцов, которые хотят камнем убить льва.

— Ничего страшного!..

— Молодец, Анвар! Я часто сердился на вас за ваше хладнокровие... Теперь я вижу, что это хорошая черта. Не поймите меня превратно, Анвар! Низость и злоба этих муфтиев и копейки не стоят. А девушка?.. Девушка — это такая вещь, которая для вас всегда найдется.

— Конечно!

Удивительно держал себя Анвар. На его лице не было и следа волнения. Султанали всячески старался его утешить, и Анвар коротко отвечал ему, кивал головой, как бы соглашаясь со всем, что он говорил.

Вместе вошли они в ханскую канцелярию. Несколько писарей уже сидели за работой. Анвар поздоровался с ними и, как ни в чем не бывало, приветствуя Шахода-

та, спросил его о здоровье. Султанали не мог без отвращения даже глядеть на муфтиев. Он поразился выдержке Анвара: «Настоящий джигит!»

Это была правда: сердце Анвара умело не только любить. Это было закаленное, мужественное сердце.

Султанали работал теперь в одной комнате с Ацваром, сидел рядом с Шаходатом. Анвар разобрал пришедшие сегодня бумаги, прошения передал удайчи, а остальные поделил между писарями. Каждый занялся своим делом, и наступила тишина, нарушаемая лишь скрипом камышовых перьев да шелестом бумаг. Так продолжалось около часа. Затем начались разговоры. Шаходат подсел ближе к сандалу и положил рядом бумагу и перья.

— Мулла Навруз, оказывается, низкий человек,— начал он,— его дело так поразило меня, что я со вчерашнего дня не могу успокоиться.

— Низкий, низкий,— подтвердил Калоншах.

Султанали бросил взгляд на Анвара, но тот углубилсь в работу.

— Не откликнуться на просьбу стольких людей — только негодяй мог так поступить! Пришел час, твой сын скончался, какое же, спрашивается, отношение имеешь ты к вещам невестки?! Нет, это бесчеловечно!

— А как может негодяй быть человеческим?

Султанали улыбнулся, поглядев на муфтиев.

— К нему пришли люди от обеих сторон, объяснили ему, а он ничего и слышать не хотел, так они без толку и проторчали... Хоть бы угостил их чем-нибудь, не разорился бы, жадюга! Позор на его голову!

— Я никак не подозревал, что мулла Навруз таков! — подхватил Калоншах... — Он поправил все человеческие чувства.

Султанали побледнел, вски его затрепетали.

— Интересные разговоры, господа,— неожиданно заговорил он.— Разве в наш век еще есть человеческие чувства? Если поразмыслить, то придем к выводу, что все мы начисто отвергли их! Оставим других в покое, можем ли мы в себе найти хоть каплю человечности?

Муфтии были поражены нетерпеливо-нервным тоном Султанали, прервавшего их «приятный» разговор. Анвар посмотрел на своего друга, но не встретился с ним

взглядом, так как глаза Султанали уже снова были прикованы к бумагам.

— Странный вы человек, Султанали,— сказал Шаходат.— Мы говорим об одном, а вы кипятитесь совсем по другому поводу.

— Я, как и вы, говорил о человечности. Что-то ее у нас не видно! Вот я и жаловался на это!

— Интересно! Вы, что ж, когда-нибудь наблюдали бесчеловечность с нашей стороны? Вы, видно, разум потеряли!

Анвар попытался поймать взгляд Султанали, но тот повернулся теперь лицом к муфтиям.

— Конечно, с вашей бесчеловечностью я еще не сталкивался,— язвительно сказал он.— Однако, проверяя свою совесть, я увидел, что даже в течение одной этой недели я несколько раз готов был совершить преступление. Этим и объясняются мои слова. А до других мне дела нет, господа!

Муфтии побледили и, словно сговорившись, все посмотрели на Анвара, покачивая неодобрительно головами, как бы жалуясь на Султанали.

— Султанали-ака,— сказал Анвар просительным тоном,— видно, вы и впрямь потеряли разум, как говорят эти господа. К чему такие разговоры?! Делайте, ради бога, свое дело и успокойтесь.

Потом Анвар посмотрел, улыбаясь, на муфтиев, как бы предлагая им не обращать внимания на Султанали.

Шаходат, пробормотав что-то под нос, принялся за работу. Султанали, подчиняясь Анвару, тоже улыбнулся и начал писать. Все работали, и снова воцарилась тишина.

Вечером, как обычно, писаря разошлись; сначала ушел Султанали, а за ним последовали и муфтии. Анвар ушел позже всех. Перед самым выходом он встретил Абдурауфа-тункотара. Тот шутливо взял его под руку и повел за собой во внутренние покои, в самую дальнюю комнату.

— Чем могу служить вашей милости? — спросил Анвар.

— Дело в том, что мы сегодня допустили некоторую вольность по отношению к вам.

— Да?.. Могу я узнать, в чем дело?

— Его величество послал сегодня нас в качестве сватов к вашему учителю, Салиху-махдumu. Придя к нему, мы узнали, что его дочь просватана за вас. Но мы надеемся, что для нашего благодетеля хана вы уступите...

Анвару эти слова терзали сердце, но он собрался с силами и сказал:

— Только и всего?

— Да, вот именно это, мирза Анвар.

— Пустяки! Можно было меня и не спрашивать.

— Благодарю вас, Анвар. Я доложу о вашей преданной покорности его величеству!

— Нет, нет! — запротестовал Анвар, покачав головой. — Ни в коем случае не говорите! Ни в коем случае!

— Почему же? Пусть его величество знает, как вы ему преданны.

Анвар неопределенно усмехнулся.

— Не говорите, — настойчиво повторил он, — я не хочу, чтобы вы ему это сказали!

Вместе вышли они из канцелярии.

Небо было сплошь покрыто черными тучами. Налетел знаменитый кокандский ветер. Пониже туч пронеслись вороны, даже не взмахивая крыльями. Накрапывал дождь.

Тем временем Анвар дошел до моста и стал тревожно обдумывать, где бы ему провести эту ночь...

47. ПИСЬМО

Махдум вернулся домой после вечерней молитвы и увидел, что дверь в михманхану открыта. Поняв, что Анвар там, он прошел прямо в ичкари.

Нигор-аим тем временем принесла в михманхану чашку плова. Голова опущена, ресницы слиплись от слез — несчастная мать пребывала в глубокой печали. Анвар вставил в эту минуту зажженную свечу в подсвечник. Нигор-аим расстелила скатерть, поставила плов перед Анваром и разрыдалась. Анвара это несколько не удивило, он знал причину ее слез.

— Не плачьте! Не нужно печалиться. Наперекор судьбе не пойдешь! Вы ведь не хотели того, что произошло?

Нигор-аим ничего не ответила и, плача, поспешила выйти из михманханы. Анвар, пристроившись подле сандала, поел немного плова, вытер руки, натянул на себя одеяло и глубоко вздохнул.

Огонь свечи дрожал, как сердце несчастного влюбленного, и едва освещал михманхану. По лицу Анвара пробегали дрожащие тени, и потому казалось, что и лицо его тоже дрожит. Кругом стояла тишина, и только редкая дробь дождя за окном, да ветер, бившийся по временам о ставню, да кошачье мяуканье, доносившееся иногда с соседней крыши, нарушали ее.

Порыв ветра, проникший через щели ставни, едва не погасил свечу. На мгновенье михманхана погрузилась в темноту, и в ту же минуту из ичкари послышались чьи-то шаги. Анвар встрепенулся, открыл глаза, потянулся к чашке, стоявшей на сандале, и прислушался к шагам. Кто-то проходил мимо михманханы. Анвар сообразил, что это махдум направляется в мечеть на ночную молитву. Не вставая с места, он поставил чашку в нишу за своей спиной. Вскоре из ичкари снова послышались шаги; вот они все ближе, ближе... И наконец появилась Рано, с чайником в руках. Смятенное лицо, глаза красные от слез, веки опухли.

Опустив глаза, она поставила подле Анвара чайник, взяла из ниши пиалу, сполоснула ее чаем, вытерла, снова сполоснула, подала Анвару и вдруг зарыдала, улав головой на сандал.

— Рано, Рано! — взволнованно сказал Анвар. — Ты ведь не ребенок! Еще ничего не произошло.

Рано всхлипывала, не поднимая головы. Анвар утешал ее, успокаивал.

— Ну, что ты плачешь, Рано? Разве слезы чему-нибудь могут помочь? Ты и меня заставишь плакать. А ведь если вдуматься, я должен лить слезы, а не ты. Но я не плачу. А почему? Да потому, что слезы — самое последнее дело... Я не люблю плакс... Встань, моя хорошая, встань!

Анвар погладил Рано по голове, потом взял ее лицо в обе руки и поцеловал.

— Если хочешь, чтобы я тебя разлюбил, тогда плачь! Ты вся умылась слезами, Рано! Дай-ка, я вытру твое лицо. Опомнись, соберись с мыслями, будь умницей и послушай, что я тебе скажу!

Рано отвернулась, вытерла слезы головным платком и глубоко вздохнула.

— Слезами горю не поможешь! Никогда! Опять у тебя слезы на глазах!.. Ну хорошо, ты плачь, а я помолчу, Рано!

Девушка снова вытерла лицо.

— На, Рано, выпей,— сказал Анвар, налив ей чаю в пиалу.

Рано покачала головой, но Анвар заставил ее взять пиалу.

— Хоть немного отпей!

По настоянию Анвара Рано сделала два-три глотка. Анвар вышел в переднюю и вернулся с тазиком и кувшином, наполненным водой.

— Вымой лицо, Рано,— сказал он, подойдя к ней.

Он полил ей на руки, она умылась. Потом Анвар подал Рано полотенце, сняв его с колышка, вбитого в стену, и она вытерла им лицо.

— Вот и хорошо! Теперь поговорим как следует. А к чему слезы?

Рано вздохнула с некоторым облегчением. Даже улыбнулась Анвару, ласково смотревшему на нее.

— Ну, улыбнись еще разок, Рано!

Но она вдруг резко ответила:

— Сейчас не до смеха...

— Если сейчас не до смеха, то и слезам еще не время!

Анвар сел, продолжая говорить:

— У тебя есть чудесный ларчик, это твое маленькое сердце. Он полон драгоценностей, но сегодня злая судьба забросила туда грубый камень, твое сердце не выдержало этой тяжести, и ты расплакалась. Я тоже был потрясен, но, как видишь, не плачу. Ты спросишь почему? Да потому, что ничто не вытеснит из моего сердца драгоценного бриллианта, которым оно владеет. Не так ли и у тебя, Рано? Теперь разберемся в происшедшем. Все это исходит не прямо от самого хана. Правда, хан большая скотина, он способен на любую мерзость. К тому же вокруг него копошится всякая мелкая нечисть, всегда готовая совершить пакость. Однако руки у них коротки, чтобы самим решиться на подобное дело. Но так как они одержимы вечным беспокойством, то щеко-чут скотину-хана, подстрекают его совершать подлости...

Может быть, ты помнишь муллу Абдуррахмана, который к тебе сватался? Так вот он, говоря словами поэта:

Со мной расстался, не добившись толку,
Но на своем стоит, надеясь втихомолку,

Как ты знаешь, по настоянию твоего отца я взял Абдуррахмана на работу. А он спелся с моими врагами и начал действовать против меня. Я его удалил из дворца, и он принялся за свои козни. Но разве они смогут разлучить нас?! Никогда! Что значит физическая разлука перед нашей духовной близостью! Ее не удастся уничтожить! Так стоит ли плакать, Рано? Люди думают, что настоящая любовь, ее вершина — в соединении любящих. Но это не так: истинная любовь проверяется в разлуке. Соединение влюбленных гасит пламя их любви, а разлука всегда раздувает его, доводит чувство до совершенства. Что из этого выберешь ты, Рано?

Опустив глаза, Рано крутила бахрому от скатерти. Анвар повторил свой вопрос.

— Я выбираю второе... Но я не лягу в грязную постель хана!

Анвар сидел молча, ответ Рано потряс его.

— Этого и я не хочу!.. Но подлецы отрезали все пути. Рано... есть еще время подумать... Если ты найдешь выход, я склоню перед тобой голову. Не допущу, чтобы ты лила слезы... стала жертвой этого животного! И не плачь, будь умницей, действуй, а я...

Анвар оборвал на полуслове, в дверях михманханы появился махдум!

— Рано, иди в ичкари! Что ты тут делаешь в такой поздний час?

Анвар вздрогнул. Он сделал Рано знак — «иди», но та не тронулась с места.

Махдум промолчал и ушел. Анвару стало очень тяжело. Как бестактно поступил махдум! Неужели он не понимает, что это обидно для Анвара? Своим повелительным окриком он налагал запрет на обычные вечерние встречи молодых людей. К тому же он явно избегал встречи с Анваром и нарочно не зашел в михманхану.

Печальное лицо Рано выразило вдруг гнев и отвращение.

— Совести у него нет! — воскликнула она.

— Не печалься, Рано, не сердись,— сказал Анвар.— Ну, кажется, мы все обсудили...

Рано посидела еще немного, помолчала, потом ушла. На глазах ее снова заблестели слезы.

Когда утром Нигор-аим принесла в михманхану чай, Анвара там не оказалось. А на сандале лежало развернутое письмо:

Дорогая тетя!

Вы заботились обо мне с самого детства. Немало хлопот доставил я и его милости — махдуму. За все это я не смог вам отплатить как следует. По известным вам причинам я вынужден отказаться в дальнейшем от ваших добрых забот обо мне. Все мое достояние, как, например, золотые, находящиеся у вас на хранении, я отдаю вашей семье. Я копил их на свадьбу вашей дочери и прошу истратить их по назначению, на ее свадьбу.

Если кто-нибудь станет меня искать, скажите, что я во дворце.

Надеюсь, что вы, по своей доброте, простите все мои прегрешения.

Анвар»

48. НАКАНУНЕ СВАДЬБЫ

Сваты от хана пришли вторично, чтобы назначить день свадьбы. Решено было отпраздновать ее в будущую пятницу в доме махдума. После свадебного обряда Рано должна была переселиться во дворец.

На следующее утро после договоренности о дне свадьбы хан прислал подарки: триста золотых и роскошные одежды для невесты. Махдуму была пожалована должность управителя всеми школами страны.

Купаясь в ханских милостях, махдум ни разу не вспомнил об Анваре, исчезнувшем три дня назад. Что-то проручав насчет «глупости и неблагодарности» Анвара, он на этом и успокоился. Успокоилась немного и Нигор-аим. Иногда при мысли об Анваре у нее становилось тяжело на сердце, но в предсвадебной суматохе и она поневоле забывала о нем.

Рано! Вот чье горе было поистине велико. Приближалась трагическая развязка. К тому же вот уже три дня, как ничего не известно об Анваре! Он сказал, что соединение любящих убивает любовь, разлука доводит ее до совершенства... Неужели он совсем покинул ее? А может быть, его оскорбило поведение махдума? Все равно он не должен был так поступить! Ведь она так нуждается в утешении, в помощи больше, чем когда-либо. Он всегда был ее мудрым, добрым советчиком и вдруг именно теперь, в эти тяжкие дни, он поступил так жестоко. Рано иссохла от горя, даже в прекрасных ее глазах не было уже ни слезинки.

И вот во вторник, за два дня до свадьбы, назначенной, как нам известно, на пятницу, Рано сидела у сандала и думала о том, что до этой страшной пятницы осталось совсем мало. Только два дня! Ни о чем другом она не могла думать. Она словно стояла на краю пропасти и пятилась, пятилась назад в ужасе перед надвигающимся четвергом — кануном пятницы, а там... Потом врывалась мысль об Анваре, и сердце ее наполнилось обидой на него: покинул ее в такие трудные дни! О, если бы он вдруг появился, она нашла бы для него слова упрека: «Все ваши обещания были ложны! Вы боитесь потерять должность главного писаря, иначе... Неужели, прожив в нашем доме десять лет, вы не знали характера отца? А я-то вас ставила выше всех на свете. Что же вы пришли теперь, когда все потеряно?!»

Но, мысленно произнося все эти слова, Рано не отдавала себе отчета в том, что было бы в действительности, если бы Анвар пришел и спросил: «А что, собственно, потеряно? Почему ты думаешь, что я пришел слишком поздно?» Вряд ли она смогла бы на это ответить. Ведь она сама никакого выхода не придумала, даже не думала о нем. Все ее помыслы были устремлены к Анвару, только он мог ее выручить. А он исчез и нанес еще одну рану ее и без того истерзанному сердцу.

Нигор-аим забегалась по делам. Уже давно плакал Масуд, которому надоело лежать в люльке. Рано, очнувшись от тяжелых дум, глубоко вздохнула и, встав с места, подошла к ребенку. Она сердито покачала люльку, но мальчик продолжал плакать. Тогда Рано вышла во двор и раздраженно крикнула матери, которая что-то делала на айване:

— Покормите его!

Затем прошла в крытый коридор.

В саду Махмуд и Мансур играли с соседскими детьми, они стреляли из лука. Все вокруг было покрыто талым снегом. Края супы, стоявшей под виноградником, размыло дождями, а верх ее прорезали трещины.

Рано остановилась подле супы и окликнула брата:

— Махмуд, где отец?

— Отец на базаре.

— Есть кто-нибудь на мужской половине?

— Нет.

Больше ни о чем не спрашивая, Рано подошла к средней двери. Махмуд сказал правду: на мужской половине никого не было. В связи со свадьбой школьников освободили на несколько дней от учения.

Увидев, что михманхана закрыта, Рано, неизвестно для чего, прошла к комнате для занятий. Сняв с двери цепь, она вошла туда и, бросив взгляд на потрепанные циновки, стала ходить по комнате и что-то искать в нишах. Затем взяла в одной из них голубую чернильницу и заглянула внутрь. Увидев там лишь остатки засохшей туши, она бросила чернильницу на пол и вышла.

— Махмуд!

Мальчик в это время закладывал стрелу в лук.

— Поди сюда!

Махмуд нехотя подошел к ней.

— Что такое?

Она поманила мальчика за собой и вернулась обратно в комнату. Целясь на ходу то в одну, то в другую сторону, Махмуд последовал за сестрой. Там они о чем-то поговорили.

И вот Рано сидит в комнате и что-то пишет. Вдруг ей послышалось, что мать во дворе с кем-то здороваётся. Она выглянула в окно и увидела, как к айвану подошла полная, невысокого роста, беременная женщина. Рано перестала писать, потому что женщина заметила ее — нужно было выйти и поздороваться. Рано так и сделала.

Нигор-аим пригласила незнакомку присесть у сандала.

— Сюда, милая, пожалуйста!

Женщина не заставила долго себя упрашивать, прошла и села к сандалу. Потом, пристально глядя на Рано, прочитала фатыху и поправила на голове платок.

— Вы, милые, наверное, думаете: а что нужно от нас этой незнакомой женщине? — сказала она, доставая из кармана письмо. — Вот уже два дня, как мирза Анвар находится у нас... Вы, может быть, знаете, я жена мирзы Султанали... Мирза Анвар говорит, что ему скучно без книг. Книги, говорит, у меня дома... И вот дал записку.

Нигор-аим, услышав это, пришла в смятение, а Рано, стоявшая несколько поодаль, подошла и ревниво выхватила из рук женщины записку, чтобы опередить свою мать.

— Нам очень стыдно перед мирзой, — сказала Нигор-аим. — Эти три дня я просто не нахожу себе покоя, все думаю: где-то он скитается?.. Да, против судьбы не пойдешь. А ведь мы думали породниться с ним...

— Что ж, милая, судьба! — подхватила женщина. — А какой человек мирза!.. Если в стране есть двое умных, то один из них он. А вам он за все благодарен. Но после того, что случилось, он, по-моему, просто счел неудобным прийти.

Пока женщины вели этот разговор, Рано прошла в комнаты.

«Тетя и Рано! Посылаю вам бесчисленные мои поклоны. Молюсь за вас. Не обижайтесь на меня, другого выхода нет. Передайте подательнице сего сборник шейха Саади. В свободное время буду читать. А тебе, Рано, уже не нужна тетрадь с моими стихами, да и небезопасно ее хранить. Не обижайся на меня и тетрадь передай тоже. Напишите, как поживаете, здоровы ли?»

Преданный вам Анвар».

Как ни коротко было письмо, оно доставило Рано большую радость. Прочитав его, она почему-то разорвала бумагу, на которой писала до появления женщины, и, пользуясь тем, что гостя продолжает разговаривать с Нигор-аим на айване, стала писать Анвару ответ.

49. ЗАГАДОЧНЫЙ НАМЕК

Султанали вернулся домой до прихода Анвара и подошел к жене, которая доила корову перед хлевом.

— Ты ходила, Рузван?

— Ходила, — ответила она, продолжая доить. Молоко звучно лилось в посуду.— Ходила, принесла.

— Ты уже развела огонь в михманхане?

Рузван кивнула головой.

Султанали пошел в дом, снял халат, чалму и вернулся к жене.

— Отвяжите телку, пустите ее к корове,— попросила она.

Султанали отвязал телку, которая была привязана к столбу. Телка приникла к материнскому вымени.

Рузван понесла в комнатку горшок с молоком. Султанали последовал за женой.

— Ну, Рузван, о чем же там говорили?

— Я пришла, отдала письмо, — начала Рузван, разливая молоко по чашкам, — они вскипятили чай, мы посидели, поговорили, потом я взяла книгу и вернулась домой.

— Кто там был?

— Жена учителя и ее дочь.

— Как она выглядит?

Рузван словно с сожалением покачала головой и причмокнула языком.

— Я поняла, что девушка красива, когда вы сказали, что главный писарь очень расстроен. Но такой красоты я еще не видела. Прямо картинка! Может ли быть такое совершенство!

— Да, да!

— И, видно, влюблены они друг в друга... И что это хан-людоед ввязался! Бедная девушка совсем убита горем! Света белого не видит!

— Да, да... А как мать?

— Тоже, бедняга, не знает, что делать. «Кануло, говорит, в вечность счастье моих детей».

Султанали горестно покачал головой.

— Где книга?

— В михманхане... Да, кстати, в нее вложено письмо.

Распорядившись об ужине, Султанали вышел из ич-кари.

Михманхана была открыта. Сидя у сандала, Анвар перелистывал книгу Саади. Увидев вошедшего Султанали, он закрыл книгу и, сделав над собой усилие, улыбнулся.

— Спасибо за книгу.

— Там и письмо есть. Наверное, вы уже нашли его.

Но, оказывается, Анвар письма не заметил. Он снова раскрыл книгу и увидел под ее переплетом вчетверо сложенный листок.

Заметив, что Анвар при виде письма смутился, Султанали сослался на какое-то дело и ушел. Тогда Анвар развернул письмо.

«Здравствуйте, уважаемый Анвар-ака! Мы живы и здоровы. Очень обрадовались, получив ваше письмо и узнав, что вы тоже живы и здоровы. Дай бог вам здоровья и впредь. Вы хотите знать о нас. Могу сообщить, что, слава богу, все спокойно и благополучно. Посылаю книгу, которую вы просите. Кланяется вам мама. Остальное прочтете у шейха Саади, на этом заканчиваю свое письмо.

Рано».

Анвар замер с письмом в руках. Через некоторое время он перечитал его, вдумываясь в каждую фразу. «Очень обрадовались...узнав, что вы живы и здоровы»... Это означает: «вы ушли и успокоились»... В следующей фразе: «дай вам бог здоровья и впредь»... здесь тоже он услышал упрек, подтверждающий его мысль. Такой же упрек чувствуется в словах: «у нас, слава богу, все спокойно и благополучно». Но вот последняя фраза показалась Анвару неясной: «Остальное прочтете у шейха Саади, на этом заканчиваю свое письмо». Анвар понял это так: «Теперь нет подле вас Рано, и вы в свободное время читайте Саади»...

Анвар сложил письмо, вложил его в книгу и вздохнул. Письмо огорчило его. Все эти дни ему было очень тяжело, а тут стало еще тяжелее. Рано в безвыходном положении! Она просит о помощи, она упрекает! Что делать? Как избежать трагической развязки? Есть толь-

ко один путь, крайняя мера: признаться Худояру в своей любви к Рано, упасть к его ногам, просить, умолять... Нет, на такое унижение Анвар не способен. И разве можно рассчитывать на милость хана? А если Анвар и пойдет на такой позор, его могут обвинить в бесстыдстве, в дерзости, и его же еще подвергнут наказанию.

Вконец измученный, Анвар даже не пытался скрыть своего состояния перед вошедшим в михманхану Султанали. С помутившимся взглядом, чуть не теряя сознание, он обхватил голову руками и склонился к сандалу. Султанали понял, что на него так сильно подействовало письмо. Чтобы не смущать Анвара, он стал что-то искать на полках в нише.

Анвар выпрямился, глубоко вздохнув, и жестом пригласил Султанали присесть. Тот сел.

— Что с вами, Анвар?

Анвар через силу улыбнулся.

— Меня письмо расстроило, — сказал он и замолк. — От вас у меня нет тайн, — продолжал Анвар, — а с той, которая его писала, у меня, можно сказать, уже давно установились близкие отношения. Когда произошли известные вам события, я ушел, решил порвать с ней всякую связь и перебрался к вам. Теперь она передала мне письмо, в котором выражает свою обиду, упрекает меня в том, что я бросил ее. Что тут скажешь, молода еще, неразумна... Вот прочтите: с начала и до конца — одни упреки. Поневоле расстроишься...

Султанали, чувствуя себя неловко, улыбнулся и покраснел. Читая письмо, он особенно внимательно остановился на одной фразе.

— Интересно, что она хочет сказать этой фразой: «Остальное прочтите у шейха Саади, на этом кончаю письмо»?

— Да и это упрек! — воскликнул Анвар. — «Теперь обо мне не беспокойтесь и в свободное время читайте шейха Саади». Вот смысл фразы, по-моему.

— А может быть... — сомневающимся тоном начал было Султанали.

Этот тон заставил и Анвара призадуматься.

— Что же еще, по вашему мнению?

— Я... я теперь готов согласиться с вами, а то было иначе понял.

— Как же?

Я подумал, что это означает: «В книге есть другое письмо, остальное прочтете в нем...»

— Возможно, вы правы, — сказал, опешив, Анвар. — Уж не поискать ли от нечего делать?

Султанали засмеялся.

— Прекрасно. А я пойду и, если готово, принесу вам поесть...

Султанали вышел, а Анвар стал лихорадочно перелистывать страницы. Сначала он ничего не находил, но продолжал прилежно перелистывать. Наконец, дойдя примерно до тридцатой страницы, он обнаружил испи-санный листочек и стал его читать.

«Из предосторожности, я это письмо вкладываю отдельно в эту же книгу. Анвар-ака, тот истинный друг, кто в трудные дни остается рядом с вами. Кто же покидает вас... Впрочем, предоставляю вам самому решить, как это называется. Дать обещание легко, выполнить его трудно. Запомните и это. Нельзя верить, что такой благородный человек, как вы, мог обидеться из-за пустяков, да еще в такую тяжелую минуту! Я не виню вас в том, что вы не смогли вызволить несчастную девушку. Но когда бедная Рано совсем потеряла голову в ожидании своей тяжелой участи, которая не сегодня-завтра ее постигнет, верный друг, вместо того чтобы помочь, покидает ее! Этому нельзя верить. Этого даже в страшных сказках не прочтешь! Вы с грустью говорите, что на вашей душе много грехов, Анвар-ака, — не печальтесь об этом. А если хотите получить отпущение грехов, приходите завтра, в среду, вечером повидаться со мной в последний раз. Хотите открыто, хотите тайно, но приходите. Ведь там, где вы были когда-то счастливы, Рано пребывает в ожидании гибели!»

Анвар, лихорадочно перескакивая через строки, прочитал письмо, вложил обратно в книгу и поспешно захлопнул ее. В прихожей уже появился Султанали с блюдом в руках.

— Ну что, есть? — спросил он, ставя блюдо на сандал. — Впрочем, я, кажется, ошибся, и правы вы.

Анвар кивнул головой, словно подтверждая эти слова, положил книгу и пошел мыть руки.

50. В ПЛЕНУ У ЛЮБИМОЙ

Второе письмо Рано огорчило Анвара еще больше, чем первое. Он не видел смысла в их свидании: только вскроются раны, и сильнее вспыхнет огонь, и без того сжигающий сердце. Он уже сожалел о том, что послал за книгой, раскрыв свое местопребывание, дал волю чувствам, не подумав при этом о последствиях. Ведь все равно ничем помочь уже нельзя. И что даст встреча с любимой? Она будет плакать, надирать ему сердце, а предпринять он ничего не сможет. И все же его тянуло к Рано, ведь они так любили друг друга...

Всю ночь он не мог заснуть, все обдумывал эту встречу, а когда забывался на короткий миг, ему снилась Рано. Как ни старался Анвар посмотреть трезво на вещи, он не мог отказаться от этой встречи. Пусть она бессмысленна, но фраза в письме Рано — «там, где вы были когда-то счастливы, Рано пребывает в ожидании гибели» — решила все. Бессовестно, недостойно чести джигита не откликнуться на этот призыв.

Днем, на работе, Анвар окончательно принял решение пойти к Рано. Но теперь его занимал вопрос: явиться открыто или тайком? Если он придет открыто, то подозрительный махдум может увести Рано или станет за ними следить, что оскорбительно для Анвара и будет только раздражать их обоих. Если же встретиться тайно... Но ведь у них нет никаких тайных мыслей, между ними — никакого заговора, зачем же им скрываться? Ну, допустим, они все же встретятся тайно, а махдум вдруг увидит... Да, трудно было Анвару решить этот вопрос.

Вечером он вернулся домой вместе с Султанали. Тот, как всегда, накормил его хорошим ужином. После вечерней молитвы Анвар сказал, что уходит на несколько часов навестить племянников.

В последние дни зимы стояла сухая морозная погода. Десятидневная луна, похожая на желтый поднос, в котором словно зачернили края, сияла над городом. От дома к дому ходили дети, распевая:

Вот пришел барат!¹ Повсюду
Моют, чистят всю посуду,
А у вас?

¹ Барат — месяц, предшествующий месяцу поста — рамазану. В этот месяц проводятся основные приготовления к посту.

Когда Анвар пришел в квартал, где стоял дом махдума, уже совсем стемнело, и в узких улочках нельзя было разглядеть лицо встречного. Еще темнее было на сердце Анвара, оно билось все сильнее и сильнее. Он шел, оглядываясь, как вор. Всего неделю назад он был здесь так счастлив! А теперь? Кругом черно, и лишь луна немного рассеивает мрак в его сердце. Но и ее, эту луну с черными пятнами, злая судьба тащит в сторону дворца.

Подойдя к закрытым воротам, Анвар тихонько толкнул их. Но они были на запоре, и Анвар очень заволновался. Постояв немного у этих ворот, он прошел шагов двадцать дальше и толкнулся в соседние ворота; они оказались не заперты. Анвар прошел в крытый коридор. Здесь он хотел выждать, пока махдум уйдет в мечеть на ночную молитву. Если и тогда первые ворота будут закрыты, ему не останется ничего другого, как уйти. Ждать пришлось недолго, в мечети прокричали призыв на молитву, и вскоре после этого со скрипом открылись ворота в доме Рано. Кто-то вышел, шаги приближались к-тому дому, за воротами которого стоял Анвар. С бьющимся сердцем посмотрел он через щель в створках на улицу. Человек направлялся к мечети, но в это же время послышались шаги в крытом коридоре, где стоял Анвар. Молодой человек еще больше заволновался; подождав несколько мгновений, пока махдум пройдет мимо, Анвар вышел из коридора. Стараясь шагать бесшумно, он подошел к заветным воротам. Шаги за его спиной становились все глуше, и он спокойно вошел в дом махдума. Огляделся, постоял немного подле михманханы и подошел к комнате, где по утрам занимались ученики. Открыв дверь, он еще раз оглянулся на ворота.

Ставни в комнате были закрыты, и в ней было темно, как в сердцах завистливых людей. А когда Анвар закрыл и дверь, стало темно, как в могиле. В этой тьме Анвар потерял чувство пространства, он сделал несколько осторожных шагов, нащупал циновку и присел на корточки, охватив руками колени. Сквозь щели в ставнях проникал бледный свет, но при таком освещении все равно ничего нельзя было разглядеть.

Стояла мертвая тишина, ее нарушал лишь иногда неясный шорох поблизости да плач ребенка где-то вдали. Так прошло несколько минут... Вдруг раздался

какой-то звук, будто стучали о землю. Анвар напряг слух. Кто-то прошел от ичкари не то в михманхану, не то в крытый коридор. Анвар слушал, затаив дыхание. Вот открылась дверь михманханы, вот она снова закрылась. И опять кто-то прошел по двору. Теперь шаги приближались к комнате, где находился Анвар, и он ждал все нетерпеливее. Как только открылась дверь, он вскочил...

— Анвар-ака!

— Я...

Это была Рано. Войдя в комнату, она сразу остановилась, взгляделась в Анвара, глубоко вздохнула и тут же повернула назад. Ничего не понимая, Анвар все же не решился остановить ее. Но через минуту Рано появилась опять, подошла к нему и положила рядом с ним какой-то предмет.

— Я принесла вам курпачу,— сказала она шепотом.— К нам пришли в гости мои тети, я уложу их спать и приду...

Рано ушла, закрыв за собой дверь. Узнав наконец, что происходит в доме, Анвар облегченно вздохнул, растелил курпачу и, облокотившись, прилег на бок. Хотя он и был уверен теперь, что Рано непременно придет, он не знал, когда это будет, может, не ранее первых петухов...

Через некоторое время он услышал, как открылись и снова закрылись ворота. Напряженно слушая, он присел на своей курпаче. Шаги приблизились, потом стали глуше и, наконец, замерли совсем.

Время тянулось чрезвычайно медленно. Анвару становилось все более не по себе. Он вздрагивал от каждого шороха, каждого стука. Уже давно пропели первые петухи, а Рано все не приходила. Анвар то садился, то вставал, то ложился вновь. Ноги, обутые в ичиги, совсем замерзли, он уж и не знал, как их согреть. В таких мучениях прошло еще немало времени. Да, он попал в плен к своей любимой, но сколько же придется еще ждать ее?! Это невыносимо!

Все тело у него болело; пытаюсь согреть ноги, Анвар снова встал и надел кавуши, потом начал ходить по комнате, чтобы размяться. Потом снова сел... Луна почти зашла, ее лучи не проникали уже в щели ставень, комнате окутала тьма. Где-то загрохотали барабаны ноч-

ных сторожей, и в это же время пропели вторые петухи. Полежав еще немного, Анвар встал, надел кавуши, пошел к двери, открыл ее и протер глаза. В небе сверкали звезды, чуть освещали крышу лучи заходящей луны. Анвар вдыхал полной грудью свежий воздух.

— Что, надоело ждать?

51. ХРАБРАЯ ДЕВУШКА

Слова эти, произнесенные над самым ухом Анвара, испугали его. Рядом с ним стояла Рано, держа что-то в руках.

— Я не могла уйти, пока все не улеглось. Зайдем в комнату, Анвар-ака.

Он последовал за Рано, сердце так и колотилось в его груди. Они сели рядом на курпаче.

— Я боялась, что вы не догадаетесь поискать в книге письмо,— тихо сказала Рано.— А если бы не догадались...

— Ведь ты прекрасно все понимаешь, Рано,— прервал ее Анвар.— Откуда же столько желчи в твоём письме?

— Если бы я так не написала, вы бы не пришли,— с дрожью в голосе сказала девушка.— Вы... вы очень любите свою должность главного писаря?

Анвар удивил этот заданный не к месту вопрос.

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать?

— Я спрашиваю, любите ли вы должность главного писаря?

— Я думаю вскоре отказаться от нее, Рано!

— Что же вы станете тогда делать?

— Уеду из Коканда, буду путешествовать,

— А меня... Меня с собой возьмете?

Ничего не понимая, Анвар долго вглядывался в ее лицо.

— Тебя! Возможно ли это, Рано?

— Возможно,— горячо и порывисто сказала она.— Если вы сейчас же откажетесь от своей службы, то все возможно...

Анвар был в смятении.

— Что ты говоришь, Рано?

Рано от волнения не сразу смогла ответить.

— Если вы говорите правду, то я поеду с вами... Но, конечно, если я не буду для вас обузой.

Анвар молчал. Что ответить на ее слова, которые не могли ему даже присниться.

— Если я не буду обузой,— повторила Рано.

«Храбрая девушка»,— подумал Анвар. Разве кто-либо из женщин осмеливался когда-нибудь восстать против насильника Худояра, против его скотских желаний?! Рано — первая. Что бы ни ждало Анвара впереди, какие бы превратности ни уготовила ему судьба, он должен с радостью принять смелое предложение любимой девушки. Не только любовь заставляет его так поступить, но и честь джигита. Он дотронулся до узла, лежащего перед ним.

— Что здесь, Рано?

— Здесь... ваша старая одежда.

— Для чего она?

— Если вы захотите...

Сначала Анвар подумал, что в узле паранджа, но теперь он терялся в догадках.

— Хорошо, ради тебя я согласен... Но зачем понадобилась моя старая одежда? — спросил он тихо.

Вместо ответа Рано глубоко вздохнула и начала развязывать узел.

— Почему ты не взяла паранджу?

— Сейчас... — сказала она, возясь с чем-то в темноте.

«Наверное, там есть и паранджа»,— подумал Анвар и перестал расспрашивать.

Рано между тем подняла с пола какое-то длинное одеяние, похожее на паранджу, и в то же время что-то упало со стуком.

— Поднимите,— сказала она.

— Что это?

— То, что вы дали матери на хранение.

Анвар догадался, что речь идет о золотых. Его сердце залила волна теплого чувства. Милая Рано, она заботится о их будущем.

— Нашли?

— Нашел.

— Ну, теперь пойдём.

Анвар и Рано вышли во двор, и он увидел, что рядом с ним идет не девушка в парандже, а юноша в халате и тельпаке.

— Что это значит, Рано?

Рано молча направлялась к воротам. Выйдя на улицу, Анвар с удовлетворением подумал о том, что Рано, переодевшись в мужское платье, поступила правильно. Идти по улице в неурочное время с женщиной в парандже небезопасно, это может возбудить подозрение у сторожей и караульщиков. Анвару это уже совсем ни к чему. А так он будто бы идет с приятелем. Беспечно остановившись на перекрестке, Анвар поджидал своего спутника, который отстал шагов на десять. Красная предзакатная луна почти зашла, но она еще освещала угол улицы, на котором стоял Анвар, поджидая Рано. Наконец Рано оказалась рядом. Как бы спрашивая «куда пойдём?», она смотрела то на него, то на дорогу.

С косами, убранными под тельпак, в длинном, до щиколоток, халате она показалась Анвару еще красивее. Ну и джигит!

Анвар немного подтянул ее халат и подобрал прядь волос, выбившуюся из-под тельпака. Затем он сделал знак идти направо.

Итак, они двинулись в путь, Рано — на два шага впереди Анвара. Легкие ичиги с кожаными кавушами красовались на ее маленьких ножках; она шла легко и быстро, словно летела. Стараясь не отставать, за ней торопливо шагал Анвар. Так они шли довольно долго, вдруг впереди, шагах в пятидесяти от себя, увидели костер; вокруг костра сидело несколько человек. Рано остановилась.

— Не останавливайся, — сказал Анвар. — Пройди спокойно мимо. Не обращай никакого внимания. А если я с ними заговорю, подожди где-нибудь подальше.

— Кажется, в неурочное время миршабы¹ не пропускают?

— Со мной пропустят. Не бойся, иди!

Рано робко двинулась вперед. За десять шагов от костра один из сидевших крикнул:

— Стой!

Рано тревожно взглянула на Анвара. Он знаком приказал ей идти вперед, а сам быстро подошел к костру.

¹ М и р ш а б — полицейский.

Миршабы и стражники узнали Анвара, встали и поклонились.

— Садитесь,— сказал Анвар, греясь у костра.— А, тут и дахбаши.

С этим шутивным прозвищем Анвар обратился к толстенькому, смешному на вид человеку, который в действительности был простым миршабом по имени Коринбай.

— Что это ваша милость идет в неурочное время? Да еще с каким-то мальчишкой-танцором?! Вон вы какой гуляка, оказывается...

«А, значит, дахбаши заметил Рано». Он бросил взгляд на «мальчишку», стоявшего поодаль.

— На пиру были, дахбаши.

— Ха-ха, вот оно что! Но вы миновали свой дом. Куда же вы идете, ваша милость?

Анвар еще ближе подошел к костру и протянул к нему руки.

— Разве вы не знаете? Я купил дом... на улице Раис.

— А, поздравляю, поздравляю!

Анвар, поблагодарив, попрощался со всеми. В знак уважения миршабы встали.

Отойдя от костра шагов пятьдесят, Рано остановилась и спросила догнавшего ее Анвара:

— Что он такое говорил, негодник?!

Анвар усмехнулся, похлопал ее по плечу и сказал:

— Иди, юноша, не мешкай! Правду сказал негодник.

— Куда мы идем, скоро ли будем на месте?

— Теперь уже скоро, мы идем к той женщине, что вчера к тебе приходила.

Рано пошла вперед. После длительного молчания она обернулась и спросила:

— Хорошие они люди?

— Очень хорошие,— ответил Анвар и, помолчав, добавил:— Ты не закрывайся перед хозяином дома, он как брат мне... Хорошо, Рано?

— Хорошо!

Вскоре они свернули в узкую улочку и до самых ворот дома Султанали не проронили больше ни слова.

Близился час утреннего выхода хана из гарема. Несколько человек, его приближенных, собрались, чтобы приветствовать своего повелителя. Вдруг в дверях показался взволнованный Султанали. Поманив пальцем к себе Абдурауф-тункотара, он отошел назад. Крайне удивленный, Абдурауф-тункотар двинулся к нему, всем своим видом выражая недоумение. Султанали продолжал его манить, и Абдурауф, в одних ичигах, без кавушей, подошел к нему совсем близко.

— Что случилось?

Султанали горестно покачал головой и прикусил губу.

— А то, что с нашего главного писаря сошла позолота.

— Что? Что?

Султанали пригнулся к самому уху Абдурауфа и тихо сказал:

— Мирза Анвар поступил бесчестно по отношению к его величеству!

Абдурауф-тункотар потупился и посмотрел искоса на Султанали.

— А что он сделал?

— С недавних пор мирза Анвар поселился у меня и прожил несколько дней,— начал Султанали, оглядываясь по сторонам.— Видно, он совершил неблагоприятный поступок в доме своего учителя. Не оценив забот такого человека, этот негодяй не постеснялся затем плюнуть в лицо самому хану. Он сбил с пути дочь своего учителя, которая предназначалась в жены хану, увел ее сегодня ночью из дому и явился с ней ко мне. Хоть он мне давний друг и гость в моем доме, я возмущен его бессовестным поступком. Он забыл хлеб-соль его величества, благодаяния, которыми был осыпан! У меня прямо волосы встали дыбом от ужаса и негодования. Перед ним я сделал вид, что одобряю его мужество, но в глубине души я проклял этого гнусного человека и помчался сюда, чтобы оповестить его величество!

У Абдурауфа прямо глаза вылезли на лоб, он ухватился за свою бороду, поднес кончик ее ко рту и раза два куснул.

— Проклятье! Он сейчас находится у вас?

— Да, да! И девушка тоже дома. Мы не можем знать, какова будет воля его величества, но, по-моему, не надо терять времени! Его нужно схватить сейчас же!

— Ну конечно!— воскликнул Абдурауф-тункотар, дернув плечами.— Я сейчас доложу. А вам спасибо!

Тункотар поспешил в покои его величества. А Султанали, разоблачив Анвара, пренебрегшего, по его словам, хлебом-солью хана, спокойно пошел в свою канцелярию. Вот какие «чудеса дружбы» проявил самый близкий Анвару человек!..

Через некоторое время к окну канцелярии подошел тункотар и, сделав Султанали знак выйти, сам прошел дальше.

— Ну, что?— взволнованно спросил Султанали, догнав тункотара.

— Дан приказ схватить!

— Правильно! Конечно, обоих?

— Непременно.

Султанали, захватив четырех ясовулов, отправился в путь. Тункотар, отвязав одного из коней, стоящих у ворот, последовал за ним. Он быстро перегнал пешеходов, а им, чтобы не отстать от него, пришлось, задыхаясь, бежать во всю прыть. Так бежали они в ряд с конем; стоило им немного отстать, как тункотар подгонял их. Добежав до поворота, Султанали махнул рукой, пошел тише, окликнул Абдурауфа-тункотара, ехавшего впереди, и показал, что надо свернуть направо, в узкую улочку. Быстрым шагом они в три минуты дошли почти до ворот дома Султанали. Тут он остановился.

— Вот, ваша милость, те ворота, но я думаю, что мне неудобно идти вместе с вами.

Тункотар, снова обогнавший его, натянул повод.

— Почему?

— Ведь я считаюсь его другом... Не лучше ли мне остаться в стороне?

— Да, хорошо! Пожалуй!

— Благодарю... Сразу, как войдете в ворота, увидите михманхану, он должен находиться там. А девушка была в ичкари.

Султанали притаился за воротами одного из ближайших домов. Тункотар двинулся с ясовулами к воротам. Обе створки их были открыты, изнутри слышались го-

лоса — женский и мужской. Тункотар сошел с коня, бросив повод одному из ясовулов.

— Стой здесь с конем и никого не выпускай! Ни мужчин, ни женщин,— сказал он.— А вы, джигиты, пойдете со мной. Как только увидите Анвара, хватайте его и вяжите ему руки.

Ясовулы выразили полную готовность. Тункотар подошел к ичкари и прислушался у входа в коридор. Там раздавались голоса мужчины и женщины.

— Я опозорен, опозорен!

«Опозорен? Мало сказать»,— прошептал тункотар.

— О, горе мне!— прозвучал женский голос.

«Конечно, ослица, горе тебе!»— подхватил тункотар.

Он сделал ясовулам знак следовать за ним и выскочил во двор. Посреди двора стоял махдум, держа в руках какую-то бумажку. Рядом с ним стояли двое мужчин, а еще ближе — три женщины в паранджах. Все они вздрогнули, услышав шаги приближающихся ясовулов во главе с тункотаром. Махдум, всплеснув руками, проstonал:

— Опозорен, я опозорен!

К нему, переваливаясь с боку на бок, подошел тункотар.

— Что случилось?

Махдум стукнул себя по лбу и заплакал:

— Нет слов, чтобы выразить. Я бесконечно виноват перед его величеством и должен понести наказание. Проснулись мы все утром и видим, что негодница дочь исчезла. Пока мы бегали да искали, пришли от Султана-ли и сообщили, что дочь наша находится у него. Мы тут же прибежали с женщинами...

— Ну и что же?

— Этот мерзавец Анвар увел ее уже и отсюда. Сколько мы ни искали, ничего, кроме этого письма, не нашли. О, горе мне!

Одна из женщин заплакала в голос. Тункотар вырвал у махдума письмо.

«Брат мой, уважаемый мирза Султана-ли!

Да будет вам известно: обдумавши наше положение, мы решили, что оставаться в вашем доме опасно. Хотя вы считаетесь нашим другом, но некоторые ваши поступки показались нам подозрительными. Особенно обес-

покоило нас отношение вашей жены к Рано, как к распутной девушке. Мы были вынуждены придумать повод, чтобы отправить вас во дворец, а сами тем временем покинули ваш дом. Оказывается, на этом свете трудно найти верного друга. Сколько я ни доказывал вам, что не хотел изменить хану и это произошло потому, что меня и Рано связывает большая любовь, вы все твердили, что я забыл, по молодости лет, доброе отношение ко мне хана, упрекали меня в неблагодарности. Вы даже не подумали о том, что из любви к этой девушке я отказываюсь от должности главного писаря. Я не в обиде на вас. Но меня очень огорчила ваша грубость и ваша жестокость в ответ на мое дружественное доверие к вам. Бедной девушке в ичкарин не дали даже подушки, чтобы голову приклонить. «Спасибо» вам и вашей жене за такое «человеческое» отношение.

Ваш верный друг Анвар»

— Еще рассуждает о человечности... А, чтоб тебя, неблагодарный! — воскликнул тункотар, злорадно усмехаясь, и спрятал письмо в карман. — Позовите-ка из ичкарин жену Султанали!

Одна из женщин бросилась выполнять приказание. Рузван, должно быть, стояла в крытом коридоре, и женщина окликнула ее, приблизившись к внутренней двери.

Тункотар подошел к ней.

— Вы здесь, сестра?

— Да, уважаемый!

— Что вы можете рассказать об этом деле?

Рузван, стоя за дверью, помолчала, потом кашлянула и начала говорить.

— Дня три у нас в михманхане жил молодой человек по имени Анвар... Сегодня ночью он привел какую-то девушку. Я очень удивилась, таксыр, спросила мужа, а тут вон какое дело, оказывается... Очень нам было неприятно, но прогнать как-то неловко, позвать кого-нибудь и выдать их — время неурочное, уважаемый. Посоветовались мы с мужем и решили дать им приют до утра, а утром сообщить, кому надлежит... Пусть уж те с ними расправляются! Дождались рассвета, мирза Анвар тут и говорит мужу: «Мы останемся здесь еще на день, спрячьте нас пока». Муж поспешил после этого во

дворец, а я все никак не могла успокоиться и послала к родителям девушки соседского мальчика. Девушка вместе со мной у сандала сидела. Вдруг, таксыр, она выходит из комнаты. Я думала — по нужде и была совершенно спокойна. А она так и не вернулась, уважаемый. Тут я забеспокоилась, пошла во двор, ее нет. Решила поискать на мужской половине. Только зашла в коридор, как появились родители девушки... Вот все, что я могу сказать, уважаемый.

Тункотар был крайне раздосадован случившимся. Он подошел к мужчинам, стоявшим рядом с махдумом.

— А вы что здесь делаете?

— Мы... соседи мирзы Султанали...

— Так, так... Зачем явились сюда?

Грубый тон тункотара смутил их.

— Я был на улице,— испуганно сказал один из них,— и увидел учителя, с ним шли женщины и плакали... Я и подумал: «Что-то случилось в доме у мирзы»...

— Значит, просто болтаешься на улице, глазеешь... А ты?— обратился он ко второму человеку.

— Я тоже сосед Султанали,— этот говорил посмелее.— Слушая все это, я несколько удивился...

— Чему ты удивился?

— Да если судить по рассказу соседки, Анвар должен был уйти с женщиной в парандже... А я видел, когда он выходил из ворот... Никакой женщины с ним не было.

— Он шел один?

— Нет, но с ним был хорошенький мальчик.

Абдурауф-тункотар в недоумении пожал плечами.

— Совершенно верно, Карим-ака,— отозвалась из своего прикрытия Рузван.— Девушка и ночью пришла в мужской одежде.

— Ох, проклятие! — воскликнул тункотар.

Махдум, казалось, был раздавлен горем, он рыдал.

— Что свершилось, то свершилось,— сказал тункотар.— Они, конечно, будут пойманы и понесут наказание! Но чести его величества нанесен большой урон. Поэтому все здесь услышанное должно оставаться в тайне. Вы обязаны хранить молчание!

— Конечно, конечно! — воскликнули все присутствующие.

Тункотар подошел к махдumu.

— Вы не виноваты, но дочь свою плохо воспитали!

— Господи, мы твои рабы,— пробормотал махдум и заплакал.— Опозорила она меня— умереть ей молодой! В глаза никому не смею теперь смотреть!

Одна из женщин в парандже всхлипнула и заплакала. Это была Нигор-аим.

Абдурауф-тункотар, у которого, как говорится, арбуз выпал из рук, стуча сапогами, пошел к выходу в сопровождении своих ясовулов. С помощью одного из них он сел на коня и отпустил повод. Поравнявшись с воротами, за которыми притаился Султанали, он окликнул его.

— Мирза Султанали, выходите! Сбежали, проклятые!

Султанали, изумленный, вышел на улицу.

— Ну? Неужели?

— Сбежали! — повторил тункотар, протягивая ему письмо.— Прочтите и верните мне, нужно показать его величеству.

...На следующий день Султанали пожал плоды своей верной, преданной службы хану: он получил должность главного писаря.

53. ТОРЖЕСТВО СКОРПИОНА

В этот вечер в келье при мечети снова люди. На полке в нише горит свеча; в сандале потрескивает древесный уголь, два хмурых муфтия сидят у сандала и греют руки над огнем. В одной из ниш лежат книги в толстых переплетах. Это «Толкование муллы Джамии», «Догматы и каноны», «Родник мудрости», «Мусульманское право», «О благородных нравах». В нише у западной стены висит бумага, на которой вязью, в форме цветка, начертаны слова молитвы. На одном из пестро разрисованных колышков, вбитых в стену, висит чья-то чалма, большая, как котел многолетней вдовы.

Муфтий Шаходат помешал кочергой огонь и вздохнул всей грудью.

— Страшна болезнь, от которой нет лекарства.

Калоншах кивнул.

— «Если полюбил такую, как ты, что же ждет меня впереди?» — продолжал Шаходат словами пословицы. — Трудно приходится, когда хан не умеет оценить по заслугам. Работать под началом этого негодяя! Да лучше уйти из ханской канцелярии!

— Потерпите, почтенный, потерпите! Бог ценит терпеливых.

— Разумеется... Но чем гнуть спину перед такими глупцами, как Султанали, лучше получать в день по десяти палок!

После ночной молитвы, снова совершив омовение, в келью вошел мулла Абдуррахман. Высокая, мелко вышитая белая тюбетейка на маленькой вытянутой голове и длинная черная борода делали его похожим на индусского купца. Он снял с колышка чалму и надел ее поверх тюбетейки.

— Поскольку вы, почтеннейшие, не пожелали обедать, я и не велел готовить.

— Не надо, мы уже дома поели.

Подсев к сандалу, мулла Абдуррахман усмехнулся и посмотрел исподлобья на Шаходата.

— Значит, упустили мирзу Анвара и девушку?

— Упустили, мулла Абдуррахман. И еще попали из огня да в полымя.

— Знаю, слышал.

— День ото дня все хуже... Вот уже сколько времени, как в сердце одна желчь... Вчера вы приходили навестить... К сожалению, меня не было, я пришел после вашего ухода и очень огорчился. Вот я и решил сегодня явиться вместе с Калоншахом, надеюсь, что удастся побеседовать...

— Спасибо, господин муфтий, спасибо! — сказал мулла Абдуррахман, почтительно привстав. — Я только вчера от муллы Бойса узнал о том, что произошло между Анваром и Султанали. Вот и хотел выяснить подробности. За этим и обратился к вам. Что это за история?

— История? Ну-ка расскажите вы, Калоншах!

Калоншах жестом предложил рассказывать о прошедшем Шаходату, и тот, полузакрыв глаза, начал открывать страницы этой истории.

— А дело в том, что вы оказались совершенно правы и даже более того: наш гордец-молокосос увел девушку и скрылся...

Мулла Абдуррахман мудро улыбался, а Шаходат-муфтий продолжал:

— Насколько мне известно, мирза Анвар, считая, что Султанали ему друг, привел девушку к нему ночью домой. Тот надавал ему кучу пустых обещаний, а утром, когда все еще спали, побежал во дворец, рассказал все Абдурауфу-тункотару, а тот, в свою очередь, доложил хану. Хан приказал поймать беглецов, но когда тункотар в сопровождении ясовулов явился в дом Султанали, влюбленных там не оказалось... Одно лишь оскорбительное письмо на имя Султанали. Очевидно, Султанали глупо вел себя и заронил подозрение в Анваре... Особенно тем, что ушел из дома, когда они еще спали. Султанали хоть и упустил Анвара и девушку, но своим поступком внушил хану доверие и получил должность главного писаря. Вот и вся история.

Выслушав этот рассказ, мулла Абдуррахман некоторое время хранил молчание. Потом он поправил огонь в сандале и снова усмехнулся, многозначительно поглядев на муфтиев.

— Мирза Боис дал такое же объяснение,— наконец сказал он.— Может быть, вы, господа, и правы, но я несколько сомневаюсь в этом...

— А что же вы думаете?

Абдуррахман сделал неопределенный жест рукой и медленно заговорил.

— Я думаю,— сказал он,— что все это — игра, придуманная Анваром и Султанали. Есть все основания считать так. Вам, почтеннейшие господа, конечно, известно, как были дружны Анвар и Султанали. Так же, как и мы с вами. А ворон ворону глаза не выклюет!.. Что вы, господа, об этом думаете?

Шаходат посмотрел на Калоншаха, но Калоншах как будто не придавал особого значения словам Абдуррахмана. На некоторое время воцарилось молчание.

— Султанали мог поступиться дружбой, чтобы занять должность главного писаря,— сказал наконец Шаходат.— Впрочем, и ваше мнение может оказаться близким к истине.

— Султанали мог, и не нарушая дружбы с Анваром,

затеять всю эту игру,— рассмеялся Абдурахман.— Ведь, уговорив девушку бежать с ним, Анвар все равно уже не мог оставаться на своей должности. А сам Султанали, как друг преступного Анвара, тоже подвергался опасности... Потому они придумали все это прежде всего, чтобы обезопасить Султанали. Вот на какие доводы должно опираться наше заключение.

Шаходат встал со своего места, подошел к Абдурахману и похлопал дружески по спине.

— Спасибо, сын мой, спасибо! Да будет благословение бога над тобой.

Абдурахман улыбнулся, опустив глаза, а Шаходат, продолжая расточать ему похвалы, бросил под язык на свай и сел на прежнее место.

— Мулла Калоншах, а ведь нам это и в голову не пришло.

Калоншах не разделял восторгов своего друга и спокойно грел руки над огнем. Немного погодя он высказался следующим образом:

— Я и сам думал об этом, но не мог поверить, да и теперь не верю.

— Почему?

— Да потому, что, если бы Султанали и не донес на Анвара, ему ничто не угрожало бы. Нет, он предал его с таким усердием, чтобы выслужиться перед ханом.

Калоншах любил спорить, и как бы ни были убедительны чьи-нибудь доводы, он все равно не соглашался с ними. Зная хорошо его характер, Шаходат укоризненно покачал головой.

— А я думаю, что мы ошиблись.

Калоншах продолжал настаивать:

— Почему ошиблись? Пусть и мулла Абдурахман поразмыслит. Все поступки Султанали обдуманно, ему бы ничего не грозило, если бы он помог бежать Анвару... Но он предал дружбу, чтобы занять высокую должность. Именно так!

Абдурахман сидел в раздумье. Его, видимо, несколько не задело, что его мнение оспаривали: он улыбнулся и поднял голову.

— О неразрывной дружбе между Султанали и Анваром всем при дворе известно, мулла. Султанали должен был скрыть причастность к делам Анвара. Иначе

в каком бы виде он предстал перед людьми? Да и вы сами, господа, что бы о нем подумали? Нет, по слабому моему разумению, я понимаю, что эти ловкие люди одной стрелой убили несколько птиц. Султанали привел его величеству доказательства своей преданности, с легкостью получил должность главного писаря и к тому же втер всем очки.

— Как бы то ни было, как бы то ни было... На мой взгляд, если бы он и не выступил против Анвара, никто не смог бы его ни в чем обвинить!

— Почему?

— Никаких «почему, зачем»! — распалился Калоншах. — Для того чтобы обвинить человека по всем правилам шариата, надо доказать свое обвинение... А то... бах-бах-бах — ты с обвиняемым таким-то был в дружбе! Ну и что? Ведь, предъявляя ему обвинение, вы не можете сказать, что присутствовали при их сговоре. Вы только предполагаете, что он был. По шариату подобные заявления и медяка не стоят, брат мой!

Калоншах совсем разгорячился. Абдуррахман же, обиженный его словами, побледнел.

— Я, ваша милость, высказал лишь свое предположение, а это, по законам шариата, не требует доказательств. Ясно лишь одно: Султанали доверять нельзя, он только с виду заинтересован в должности главного писаря.

— Ну и вашим словам доверять нельзя.

— А я считаю!..

Тут Шаходат увидел, что дело принимает серьезный оборот — вот-вот произойдет скандал, — и поспешил вмешаться в разговор:

— Зачем спорить? Оба вы правы. Однако сейчас самое главное не в том, кто из вас более прав, а в том, как поскорее убрать Султанали с его должности.

Шаходат, как сказано было выше, хорошо изучил характер Калоншаха, его слова подействовали на спорщика, и он немного поостыл.

— Вот это другое дело, — сказал он. — Правильно или нет судит Абдуррахман, мы можем руководствоваться его предположением по необходимости, но считать его истинным было бы ошибкой.

Шаходат поторопился перевести разговор на другое — он видел, что если Абдуррахман скажет насмеш-

ливо еще хоть одно слово, то Калоншаху нельзя уже будет закрыть рот.

— С этим, конечно, хватит! — отрезал он. — Мне казалось, что все обстоит благополучно, но кто же мог предполагать нечто подобное? Объяснение муллы Абдуррахмана позволит нам быстрее и легче избавиться от Султанали.

Спокойный, ровный тон Шаходата подействовал на Калоншаха, он успокоился и уже мирно спросил:

— А как избавиться?

— Очень просто, — ответил Шаходат, — мы, как предлагал мулла Абдуррахман, напишем хану, что мы думаем по этому поводу, — и все!

Мулла Абдуррахман вызывающе посмотрел на Калоншаха и почесал лоб.

Но Калоншах не был удовлетворен. Он покачал головой.

— Хан убежден теперь в верности Султанали, он нам не поверит.

— А бросьте, хан верит только самому себе, — отрезал Шаходат. — Все равно мы напишем наше мнение. Может, он тогда разуверится в этом человеке и прогонит его из дворца. А если даже хан не поверит нам, то вреда от этого не будет. Как вы думаете, мулла Абдуррахман?

Абдуррахман кивнул головой.

— А я думаю, — сказал Калоншах, — что, если наше письмо возымеет действие, все обойдется благополучно, если нет — нас прогонят.

— Почему? — удивился Шаходат.

— Ведь станет известно, кто писал.

— Нет, — возразил Шаходат, — мы не подпишемся.

— Письма без подписи не рассматриваются.

— Э, рассматриваются, нет ли — не имеет значения. Важно, чтобы этот слух дошел до ушей хана.

— А кто писать будет?

— Пусть вас это не беспокоит, Калоншах! Будет сделано как надо!

Калоншах в конце концов согласился. Решили писать тут же, у муллы Абдуррахмана, и муфтий принялся сочинять донос.

54. ВЕРНОСТЬ ВЕРНОСТИ РОЗНЬ

очью пошел сильный дождь. На углу темной, узенькой, в размах рук, улочки, показалась чья-то тень. Укрываясь от дождя, человек вплотную приник к небольшой двери дома и начал изо всех сил в нее стучать.

- Кто там?
- Откройте, это я.
- Сафар, что ли?
- Да, да!

Раздался звон откинутой цепи. Сафар, весь промокший, вошел в узкий коридор и закрыл за собой дверь на цепь.

- Все в порядке?
- В порядке,— откликнулась старуха, открывшая дверь.— Почему так поздно?
- Не видите, что ли, как льет?

Разговаривая на ходу со старухой, Сафар вошел в тесный дворик, в котором всего на четверть от земли возвышался маленький айван, величиной с четыре циновки. В нише чадила коптилка. По одну сторону сандала сидел, очищая коробочки хлопка, слепой старик. Услышав, что во дворе кто-то разговаривает, он прислушался, да так и застыл, зажав в руке пустую коробочку и выпутый из нее пучок ваты.

По другую сторону сандала, закрыв лицо платком, сидела какая-то женщина. Тут же поблизости стоял прибор для очистки хлопка от семян, а рядом с ним лежала куча очищенной ваты.

— Неловко нам перед этой славной девушкой, Сафар,— сказала старуха.— Как мы ни уговаривали, с утра до ночи сидит тут со стариком и чистит хлопок.

— Сестричке, должно быть, скучно,— заметил Сафар и обратился к старику:— Здравствуйте, дядюшка! Как себя чувствуете, здоровы ли?

Слепой старик, напряженно вслушиваясь, еще выше поднял голову:

— Здравствуй... Что же ты умолк, Сафар? Верно, вымок до нитки. Зайди к нашему ученому гостю.

Стараясь не смотреть на женщину с закрытым лицом, Сафар подошел к дверям комнатки, выходящим на айван.

— Вы, дядюшка, не даете скучать сестрице, рассказываете ей старые сказки?

— А дочка, оказывается, сама мастерица рассказывать,— ответил слепой.— То я ей рассказываю, то она мне. О нас не беспокойся.

— Вот и хорошо! Молодец!

С этими словами Сафар открыл дверь и вошел в комнату. Там у сандала сидел Анвар и при свете коптилки читал книгу. Увидев входящего, он поднялся с места.

— Что вы, что вы, дорогой мирза! Сидите, пожалуйста! Как ваше здоровье? Не скучаете? Я на три дня запоздал. Вы, наверное, сердитесь... Но ответа все не было, да к тому еще жена недомогала...

— Ничего, ничего! Напрасно и сегодня пришли, Сафар-ака!.. Вы здорово промокли...

— Пустяки... Вот сниму халат — и все в порядке, дорогой мирза,— сказал Сафар, стаскивая с себя промокшую одежду.— А вы сидите, прошу вас... В городе все спокойно... Все шлют вам приветы, друг ваш работает главным писарем... И я, слава богу, ни на что не жалуюсь. Хвала вам!

Анвар улыбнулся, а Сафар-ткач, присев к сандалу, достал из-за голенища сапога записку и передал ее Анвару. Тот положил записку на сандал, потом встал, снял с колышка халат и накинул его на Сафара, сидевшего в одной нижней рубахе.

— Простудитесь, Сафар-ака, завернитесь поплотнее в халат!

— Вечно вы заботитесь обо мне, дорогой мирза...

Халат был шелковый, Сафар осмотрел подкладку и смущенно добавил:

— Эх, не надел я чистую рубаху, жаль на эту надевать такой халат.

Анвар дружески махнул рукой и вскрыл письмо.

«Глубокоуважаемый брат мой, мирза Анвар!

Друзья радуются, враги грустят, близится счастливый день. Колесо судьбы, вертясь вкривь и вкось, приносит порой хорошим, разумным людям всяческие неприятности и несчастья. Но на тысячу несчастливых дней приходится все же какая-то доля счастливых. Не только горе уготовано человеку, случаются и радости. Спасаясь от неверных, пророк Мухаммед спрятался в

пещеру, и с тех пор это стало правилом поведения для каждого мусульманина.

Я, ваш истинный друг и покорный слуга, спешу вас уведомить о том, что предпринятые нами меры, как волшебство, подействовали на неистового хана и всех его приспешников. Предположения, о которых я писал вам ранее, сбываются: с меня спали все подозрения, расположение ко мне хана растет. Несколько дней все эти дела хранились в тайне, хотя при дворе уже кое-кто догадался об этом, но вслух говорить не осмеливаются. Все же дан тайный приказ разыскать вас. В помощь привратникам всех городских ворот посланы лазутчики. Прошу вас, будьте очень осторожны, пока не прекратится слежка. Отъезд в Ташкент надо отложить на несколько недель. Это письмо я тоже немного задержал и доверил его Сафар-баю с опаской, потому что знаю, как за вами следят. А в характере Сафар-бая, к вашему сведению, есть черты, которые могут повредить нашему делу,— он неосторожен и слишком уверен в себе. Думаю, не лучше ли в дальнейшем держать связь через его жену? Женищина, проходя по улице, даже днем вызовет меньше подозрений, чем мужчина. Но, заклинаю вас, принимайте все меры предосторожности! Ни на секунду не предавайтесь спокойствию, остерегайтесь соседей, все время будьте начеку.

Есть для вас интересная новость. Вчера, по возвращении домой, со службы, я застал трех посетителей, они ждали меня во дворе. Я решил, что это какие-то приезжие, так как они были одеты не в наше ферганское платье. Я думал, что они явились с просьбой написать им прошение, и пригласил их в михманхану. Там спросил, что их привело ко мне, и один из джигитов, удостоверившись, что я и есть хозяин дома, с горячим сочувствием рассказал мне вашу историю. Весьма удивленный, я подумал, не лазутчики ли они. «От кого вы узнали все это и какое отношение имеете к мирзе Анвару?» — спросил я. «Я брат мирзы Анвара,— сказал он,— рассказала мне об этом наша сестра». А я и не знал, что у вас есть брат, и очень удивился. Тогда я сказал ему то же, что и вашей сестре (помните, я писал вам в прошлый раз), то есть приврал немного, чтобы отвести от себя подозрение, рассказал не совсем так, как было в действительности.

Брат ваш очень сожалеет, что ни разу за десять лет не побывал в Коканде. Он рассказал, что служит в Бухаре у одного военачальника, отправился в Самарканд повидаться с родными, не нашел там старшего брата и приехал в Коканд, и здесь его тоже постигла неудача — он не смог вас найти. Этот рассказ немного рассеял мои подозрения относительно него. Я даже постарался его успокоить. Спутники джигита, назвавшегося вашим братом (кстати, зовут его Кобил-бай), тоже нездешние, они приехали вместе с ним, чтобы посмотреть Коканд. Назвавшийся вашим братом хоть и похож на вас, но крупнее, выглядит прямо богатырем, да и все они такие же сильные, статные. Я их просил остаться у меня поужинать, но так и не смог уговорить.

Вы все беспокоитесь, как видно из вашего последнего письма, чтобы Абдуррахман и муфтии не напакостили мне за то, что я получил должность главного писаря. Конечно, нельзя закрывать глаза на то, что есть такая опасность. Но ведь моя верность хану доказана: ясно как день, что нет во дворце более подходящего человека на эту должность, вот и возложили на меня обязанности главного писаря. От этой ханской «милости» я не имел возможности отказаться, как уже писал вам в предыдущем письме. Если бы я отказался, не поверили бы в искренность моего поведения, когда я выдал вас. Ибо «преданность» хану в представлении всех этих людей основана лишь на стремлении извлечь из этого пользу, а именно: предать друга для того, чтобы занять его место. И конечно, не займи я его, на меня пали бы подозрения. Все эти соображения и заставили меня занять должность главного писаря. Но вы не беспокойтесь о возможных для меня осложнениях. Такова, значит, судьба, и изменить ничего нельзя. Что бы ни пришлось мне снести, пусть даже лишиться жизни, я прежде всего хочу до конца сохранить верность другу, никогда не терять способности быть верным. Передайте привет сестрице Рано. Ее родителям ничего не грозит, только отобрали у них подарки хана. Главное, помните о том, что нужно соблюдать все предосторожности. Непремененно, непременно будьте осторожны и готовы ко всему.

Ваш Султанали»

Анвар прочитал письмо и тут же сжег его на копилке.

— Итак, Сафар-ака, нужно быть настороже!

— Непременно, дорогой мирза, непременно!

— Вы заночуете здесь или уйдете?

— Никак не могу остаться, брат. Попадет мне от Султанали.

Анвар рассмеялся.

— Значит, я должен сейчас же ответить на письмо,— сказал он, беря из ниши чернила и перо.— Немного отошли, согрелись, Сафар-ака?

— Да, да... Совсем ожил, дорогой мирза!

...В главе пятьдесят первой мы оставили Анвара и Рано у ворот дома Султанали. Затем перешли к главе пятьдесят второй, не осветив некоторые события, без рассказа о которых поведение Султанали останется непонятным уважаемым читателям.

Итак, увидев, что Анвар привел к нему в дом Рано, Султанали от неожиданности очень растерялся. Теперь он до конца понял, как крепка их любовь. Верный друг, готовый отдать жизнь за друга, несмотря на опасности, грозившие счастьем молодых людей, он восхитился этим поступком и горячо поздравил их. Правда, судьба Анвара и Рано еще не была решена, они могли завоевать свое счастье, но могли и потерпеть полное поражение. Однако Анвар был озабочен не только своим положением, его не менее беспокоила участь Султанали, которого могли запутать в это дело. Он, как и мулла Абдуррахман, прекрасно понимал, что, бежав с Рано, подвергал своего друга большой опасности. У Султанали была связь с домом махдума: через его жену Рузван-биби была переслана Анвару книга. А ведь мулла Абдуррахман и муфтии только и ждали удобной минуты, чтобы отомстить... Анвар поделился с другом своими опасениями, советовался с ним, как быть, но получил невразумительный ответ. Султанали стремился лишь к одному — как бы ни велика была опасность, какие бы беды ни пали на его голову, грудью защищать своего друга, стоять непоколебимо. Таковы были извечные законы дружбы, которые Султанали свято соблюдал.

Но Анваром владели такие же чувства, он не допускал и мысли о том, чтобы подвергнуть опасности своего друга. Обдумав всесторонне это дело, предусмотрев все обстоятельства, он и предложил поступить так, как уже известно читателю. Султанали согласился. Решено было всю эту игру провести на следующее утро. Жену Султанали предварительно подготовили. В полночь разбудили и соседа Карим-бая, за один золотой он согласился дать показание, направлявшее врагов на ложный след, и спрятать на время у себя Анвара и Рано.

Как известно, утром все роли были хорошо разыграны, все прошло без сучка, без задоринки, и даже Салих-махдум был обелен. В этот же день Султанали послал Таира к Сафару-ткачу, как к самому надежному своему помощнику. Сафар тут же явился и, узнав, в чем дело, быстро придумал место для укрытия беглецов: это был дом его сестры на окраине города. Предупредив родных и подготовив все, что надо, он в ту же ночь отвел Анвара и Рано к сестре. Остальное читателю известно: хитроумный план Анвара привел к тому, что приближенные хана поверили Султанали, и он был назначен главным писарем.

Итак, Анвар, скрипя пером, писал ответ Султанали. Оторвавшись на минутку от письма, он вытер перо о свои волосы и обратился к Сафару:

— В следующий раз вы, возможно, придете ко мне с человеком, которого направит Султанали. Это мой брат. Хорошо?

— Хорошо, мой мирза, конечно. Но вы напишите об этом вашему другу.

— Вот я и пишу.

Анвар снова принялся за письмо, а Сафар поплотнее завернулся в одеяло, покрывающее сандал. Дождь постепенно затихал, лишь отдельные капли со стуком ударялись о крышу. Поднялся сильный ветер: врываясь сквозь щели ставен, он колебал пламя в коптилке. Старуха на айване очищала хлопок от семян, и звук чигирика¹, напоминающий кошачье мяуканье, доносился в комнату.

¹ Ч и г и р и к — кустарная деревянная машина для очистки хлопка от семян.

Солнце стояло уже высоко. На Чарсу былолюдно и шумно, что не мешало трем джигитам спать богатырским сном в одной из пустых лавок. Казалось, что шум и гам действуют на них убаюкивающе. Они лежали на тощих акурпачах, положив под голову такую же тощую, грязную подушку, укрывшись халатом, и храпели во всю мочь. По виду они не походили на местных жителей.

В это время подле закрытой лавки остановился какой-то человек и крикнул во все горло:

— Эй-й-й, Наврузкул, остановись!

Двое спящих не шелохнулись, но третий, худощавый мужчина, лежавший дальше всех от входа, встрепенулся, привстал, посмотрел вокруг сонными глазами, зевнул, потягиваясь, и толкнул в бок своего соседа:

— Вставай, Шариф, живет, уже полдень...

Джигит открыл глаза.

— Э, брось, Рахим!

— Да вставай! Вон Кобил-бай уже тоже здесь.

Шариф повернулся на другой бок и посмотрел на третьего спящего.

— Когда же он пришел, проклятый?

— А кто знает... Интересно, повидал ли он брата.

А ну, разбуди этого негодника!

Шариф, не меняя положения, протянул руку и дернул Кобил-бая за ус. Тот заворчал и проснулся.

— Оставь меня в покое, Шариф!

— Видел брата?

— Видел... Шлет вам поклоны,— ответил Кобил-бай и отвернулся.— Оставьте меня в покое, дайте немного поспать.

— Ай-ай! — воскликнул Рахим.— Брось ты спать! Расскажи про брата. К черту сон, если дрыхнешь до полудня! Не слышишь, что ли, какой шум на улице?!

— Я поздно вернулся. Не болтай, Рахим.

— Набей брюхо, а потом спи себе. У меня в животе гудит от голода. Где мы будем завтракать, Шариф?

— В чайхане.

— Ну, так напяливай и ты свой саван, брось валяться. Да что он, кажется, снова заснул, проклятый?!

Рахим и Шариф начали одеваться. Наматывая длинный пояс, Рахим рассыпал деньги.

— Эхе-хе,— сказал он, собирая монеты,— бог и эти деньги хочет у нас отнять. Коканд к нам неласков, работы нет, деньги тают, скоро есть будет нечего, Шариф.

— Будь он проклят, этот Коканд! — воскликнул Шариф.— Заташил нас Кобил-бай! Даже кузнецы не берут в ученики. Если он не найдет нам работы, сядем верхом на самого осла-Кобила.

От их болтовни Кобил-бай окончательно проснулся.

— Чирикаете, словно воробьи, таджики! — сказал он.— Если нет здесь работы, поедем в Ташкент.

— Ну и придумал, нечего сказать! — воскликнул Рахим.— Пустые слова говоришь! Где взять деньги, чтобы поехать в Ташкент?

— Деньги найдутся.

— Деньги найдутся? — рассмеялся Рахим.— Ты только посмотри, Шариф-бай, на этого богача без рода, без племени.

— Деньги найдутся,— повторил Кобил-бай и сунул руку в карман рубахи.— Эх, сразу видно, что вы низкого происхождения: сын кузнеца и сын мойщика трупов!..

— Ох, ох,— захохотал Рахим.— Обидели вы меня, ваша честь! Уж очень вы высокого происхождения, сын красильщика!

Кобил-бай, широко зевая, вынул что-то из кармана и бросил к ногам своих спутников:

— Вот деньги, возьмите, если нужны. Таким, как вы, черномазым, на год хватит!

Рахим и Шариф увидели у своих ног два золотых. Они смотрели то на монеты, то на Кобил-бая.

— Эге, кого это ты убил?

— В нашем роду нет убийц!

— А, значит, брат дал! — сказал Шариф.— Скажи наконец, ты встретился с братом?

— Встретился.

— Видно, хороший человек.

— Да, хороший!

— Что же, он так и будет все время спрятан? — сказал Рахим.— Надо придумать, как ему выбраться из беды... Ты не говорил с ним об этом?

— Говорил... Придет время — все уедем в Ташкент.

— Здорово! — подхватил Рахим и подмигнул Шарифу. — Значит, не случайно этот негодник говорил, что мы поедем в Ташкент. Ну, хорошо, Кобил, по рукам, поедем в Ташкент, посмотрим на русских¹.

Шариф поднял золотые и протянул их Кобилу.

— Забирай, спрячь обратно!

Кобил не стал брать.

— Золотые — это вам. Каждому по монете!

— Не сердись, мы ведь пошутили.

Кобил рассмеялся и начал спокойно одеваться.

— Не берешь, негодник?

— Да ведь говорю, что это вам... Брат прислал..

— Он нам ничего не должен был.

— Эх вы, несмышленные! Брат сказал, что не может принять вас как гостей там, где он теперь находится, вот и дал вместо этого деньги. Ну, поняли теперь?

— Ах ты, проклятый, нашими же деньгами швыряешь нам в лицо!

Кобил засмеялся, а они стали хвалить Анвара и ругать Кобила.

— Ты совсем другой породы, чем он. Если бы ты был одного рода с ним, знал бы, что такое гостеприимство. Мирза Анвар и незнакомых гостей своих осыпает золотом, а ты, негодник, запер нас в пустой лавке. Если бы не твой брат, мы подняли бы весь твой милый Коканд, как комок глины, и бросили тебе в рот, чтобы мозги через нос вытекли!

Кобил что-то проворчал.

— Не ворчи, не ворчи, негодник! Нам не деньги — друзья, нам человек — друг... А ты? Да если вывести тебя на базар, никто даже в рот тебе не заглянет — зубы проверять... Тебя и за грош не купят.

Они шутливо переругивались с Кобил-баем, как вдруг, покрывая шум и гомон, на Чарсу раздался оглушительный крик. На базаре все стихло, замолкли, прислушиваясь, и наши джигиты.

Э-э-эй!

Слушайте меня, о люди, слуги шаха своего!

Слушайте, запоминайте все слова до одного!

Имя писаря Анвара вам известно с давних пор.

При дворе он был мирзою, нынче он — беглец и вор!

¹ В это время Ташкент уже входил в состав России.

Провинясь пред падишахом, он скрывается в бегах,
На мирзу в великом гневе наш властитель-падишах.
А пока мирзу Анвара слуги шаха не нашли,
За Анвара отвечает друг его — Султанали,
Слушайте меня, о люди!.. И на ус мотайте свой:
За грехи мирзы Анвара друг ответит головой.
Соберись, народ!.. Послушай!.. Слушай голос мой,

народ!..
Погибает неповинный!.. Завтра в полдень он умрет!
Злое дело совершится!.. И кричу я для того,
Чтоб меня Анвар услышал или близкие его,
Чтобы до ушей Анвара все слова мои дошли:
По вине его погибнет друг его — Султанали...
Кто в огонь бросает друга, сам погибнет в свой черед.
Своего спасенья ради друга друг не предает!
Кто безвинному поможет, кто Анвара известит —
Груз грехов навеки сложит, бог его благословит!..

Глашатай умолк. На базаре снова поднялся шум. Кобил-бай, слушавший глашатая сначала безразлично, постепенно стал прислушиваться с напряженным вниманием, а теперь погрузился в глубокое раздумье.

— Что с тобой, Кобил? Почему молчишь? О чем это он тут кричал?

Кобил молча покачал головой.

— Говори! — сказал Шариф. — Он, кажется, сказал, что мирза Анвар виноват в чем-то?

Кобил продолжал молчать.

— У тебя язык присох, что ли? Поймали твоего брата?

— Нет.

— Так почему же ты молчишь?

— Его собираются поймать...

— Собираются? — зло усмехнулся Рахим. — Ну так они поймают вчерашний день.

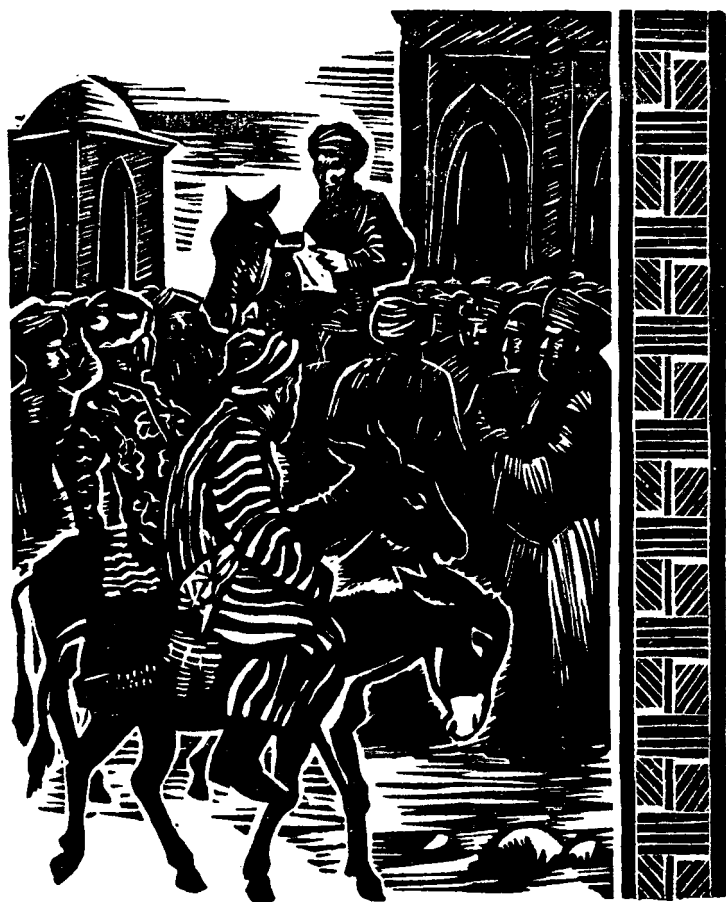
— Э, вы не поняли; помните, на днях мы ходили к одному человеку на дом?

— Да!

— Так вот этого человека, как друга Анвара, схватили и держат в качестве заложника! Его казнят, если Анвар не явится до завтра!..

Эти слова привели обоих джигитов в страшное смятение, в их глазах вспыхнули гнев и отвращение.

— Это не хан, это паршивый пес! — закричал Рахим. — Это все равно что если б я — преступник, а вместо меня казнили Шарифа. Ей-богу, это не хан, это пес!

Кобил прикусил губу и сделал знак молчать. Но взбешенный Рахим продолжал кричать:

— Это не хан, а грязное животное! А, что б ему, паскуде!..

— Тише, тише,— испугался Кобил.— Сумасшедший, какая польза от крика!

— А, чтоб ему, паскуде!

Кобил подбежал к дверям лавки и выглянул на улицу.

— Пусть и меня зарежет эта продажная тварь! Ах, чтоб ему!..

Рахим был подвержен приступам гнева. Кобил и Шариф хорошо знали это. Он не выносил несправедливости, кого бы она ни касалась, и мгновенно приходил в неистовство. Покричав еще некоторое время, Рахим успокоился.

Кобил тем временем закрыл дверь в лавку и вернулся к друзьям. Все трое некоторое время молчали.

— В этом брэнном мире надо сделать хоть одно доброе дело, Кобил,— сказал Рахим, и глаза его вновь загорелись.— Где зиндан¹ этого гнусного хана?

— Зачем тебе зиндан?

— Нас трое,— сказал Шариф.— Сегодня же ночью мы или погибнем, или освободим беднягу!

Кобил многозначительно посмотрел на Шарифа, а Шариф, в свою очередь, улыбаясь, подмигнул Рахиму.

— Да что с тобой делается?

— Ничего! — ответил Рахим.— С чем уйдем мы с этого света? Умрем — что после нас останется? Богатство, что ли, или красotka жена?

— Да ничего от нас не останется! — подхватил, усмехаясь, и Шариф.

— Давайте руки,— сказал Рахим, протягивая обе свои Шарифу и Кобилу.

И оба, улыбаясь, подали ему руки.

— Даете слово?— продолжал Рахим.

— Даем! Верное слово, храбрый Рахим!

— Без шуток!

— Ну конечно!

— Ну, тогда все! — сказал Рахим, отпустив их руки.— Решено!

¹ Зиндан — тюрьма, подземелье.

Друзья замолкли. С базара по-прежнему доносился шум. Где-то пели странствующие монахи, да рядом с лавкой, где сидели джигиты, продавец сбоя восхвалял жирный хасип¹.

Кобил-бай, сидя на подстилке, молча играл прутиком. Наконец он поднял голову и заговорил:

— Мне нужно кое-куда сходить.

— Например, куда?

— К ткачу, который вчера заходил за мной, и к брату.

— Зачем?

— Сначала надо выяснить, правда ли, что Султан-али арестован. А если это правда, то посоветуемся с братом, как лучше действовать, чтобы не трудиться зря.

Шарифу понравилось решение Кобила, и кивком головы он дал понять, что согласен с ним.

— Хорошо, иди! — сказал Рахим. — А мы пока будем точить наши кинжалы. Но долго не задерживайся, негодник!

Шариф и Кобил усмехнулись: уж очень деловито Рахим все это сказал.

Кобил покинул лавку.

56. «ДО СВИДАНИЯ, РАНО!»

Много есть волевых и храбрых женщин на свете. Иные из них даже храбрее мужчин. И все же, как бы ни была сильна их воля, они остаются в плену своих чувств. Вот хотя бы героиня нашего романа Рано. Она осмелилась восстать против тирании хана, сумела вовлечь в эту борьбу растерявшегося Анвара. Все это может служить примером даже для девушек нашего времени.

Однако и эта сильная волей девушка оказалась в плену чувств. Дело в том, что Анвар, посоветовавшись ночью с братом, решил в ближайшие дни бежать из Коканда в Ташкент. Рано тоже не жаль было распрощаться с Кокандом, но вдруг, когда все уже было решено, ее обуял страх. В то же время она задумала

¹ Х а с и п — бараньи кишки, начиненные мясным фаршем и рисом.

опасное дело: пробраться в сопровождении старухи хозяйки в свою махаллю и, спрятавшись за ворота чужого дома, вызвать туда на свиданье мать. Всю ночь продумывала она этот план и утром поделилась им с Анваром, весьма огорчив и обеспокоив его. Так и сидели они у сандала, дуясь друг на друга.

— Ты слишком поддаешься чувствам. Ведь нас на каждом шагу подстерегают опасности. Между нами говоря, твоей матери тоже нельзя довериться.

— Во-первых,— возразила Рано,— никто не узнает меня под паранджой! Это невозможно! А во-вторых, почему нельзя доверять маме?

— Ты бежала из дому... ты опозорила свою мать.

— Ничего подобного! Я хорошо знаю маму, она совсем не такая, как вы думаете!

— Ну хорошо, допустим, что тебя по дороге никто не узнает, и старуха сможет провести тайком твою мать, и матери можно довериться,— и все же, неужели ты не можешь ради меня отказаться от этого замысла, Рано! Душа моя, обещаю тебе, что, как только мы приедем в Ташкент, мы сейчас же напишем твоей матери письмо, расскажем ей все и попросим прощения.

Рано только заплакала в ответ и плакала долго-долго...

— Может быть, я уже никогда в жизни не увижу маму!

— Эх, Рано, Рано! — старался успокоить ее Анвар.— Ты думаешь, что Худояр проживет сто лет, а мы так и умрем в Ташкенте? Ему, может быть, не больше пяти лет осталось... А если будет свирепствовать, как сейчас, то и пяти не протянет... Жизнь показала, что, чем больше человек совершает насилий, тем меньше он живет. А если у тебя не хватит терпения ждать его смерти, то что-нибудь придумаем, вызовем маму в Ташкент или через некоторое время, когда обо всем немного забудется, сами вернемся в Коканд.

А Рано все плакала и молчала. Замолк и вконец измученный Анвар.

— Ну хорошо, не плачь! Еще два дня мы должны повременить с отъездом. Сегодня ночью придет мой брат, он должен закупить все, что нужно нам в дорогу. Да неизвестно, сможем ли мы выехать и послезавтра вечером. Так что можешь не торопиться. Может быть,

мы еще что-нибудь придумаем. Но то, что ты хочешь сделать, очень опасно...

Рано облегченно вздохнула, осушила платком лицо, но продолжала молчать. Анвар улыбнулся, хотя выражение обиды еще не сошло с его лица, и шутливо погрозил Рано. В ту же минуту кто-то постучал несколько раз в стену, выходящую на улицу. Рано и Анвар напряженно прислушались и вопросительно посмотрели друг на друга.

— Это кто-то свой,— сказал Анвар, немного выждав.— Я договорился с Сафаром-ака, чтобы днем он стучался в стену... Пойди скажи старухе, пусть откроет дверь.

Рано вышла из комнаты, и через несколько минут во дворе послышались чьи-то шаги. У Анвара забилося сердце,— что это Сафар вдруг явился в неурочное время?.. Дверь открылась, и вошел Сафар с Кобилом. Анвар глядел на них и ничего не понимал. У Сафара был беспокойный, взволнованный взгляд, и подозрения, шевелившиеся в душе Анвара и раньше, пробудились вновь.

— Вы, конечно, пришли не случайно в такой час?— тихо спросил он.— О нас узнали?

Сафар озабоченно взглянул на своего спутника и вложил руки в рукава.

— Нет...

— Арестовали Султанали?— так же тихо спросил Анвар и добавил:— Наверное, арестовали!

Сафар переглянулся с Кобилом.

— Да, дорогой, это так! Мы совершенно растеряны.

Анвар побледнел, и веки его слегка затрепетали.

— Ничего, освободим! Когда это случилось?

— Вчера вечером. Я узнал от жены Султанали... сегодня утром она прибежала ко мне... А в это же время пришел ваш брат...

— А вы, Кобил-ака, от кого узнали?

Кобил рассказал о глашатае и о том, что он и его товарищи решили в связи с этим сделать.

Анвар со всей серьезностью выслушал брата, потом погрузился в длительное молчание.

— Спасибо вам и вашим товарищам за заботу,— сказал он наконец.— Но таким путем трудно освободить Султанали. А пожалуй, и совсем невозможно!

— Но почему же?.. Если бы только узнать, в каком зиндане он находится... Вполне возможно, Анвар! Мои товарищи — храбрецы! Уж об этом не беспокойтесь!

→ Благодарю! Конечно, на такое дело могут решиться только храбрые люди. Но я не верю в возможность освобождения Султанали, потому что узников, подобных ему, заключают в тюрьму, находящуюся при дворце.

— А туда так трудно проникнуть?

Анвар кивнул головой:

— Невозможно! Пятьдесят человек охраны ходят всю ночь под крепостной стеной.

Кобил с грустью посмотрел на Сафара, тот гневно кусал ус.

— А если он в зиндане,— значит, можно все же спасти его, ваша милость?— спросил Сафар.

— Пожалуй... Но вряд ли его станут держать в зиндане, Сафар-ака!

Все умолкли. Кобил то и дело снимал тибетейку и почесывал голову. Анвар шевелил пальцами так, словно старался вырвать нитку из одеяла, покрывающего сандал.

— Не плохо бы, Анвар, узнать, в зиндане ли он!

→ Можно...

Услышав эти слова, Кобил обратился к Сафару:

— Пошлем кого-нибудь в дом Султанали, скажем его жене, чтобы она понесла в зиндан передачу. Что вы думаете об этом, Сафар-ака?

— Хорошо, брат, правильно!

— А вы, Анвар?

Анвар кивнул утвердительно.

— А теперь вот о чем мы должны вам сказать,— продолжал Кобил.— По дороге сюда мы толковали... о том, что, по правде говоря, неплохо было бы вам сейчас уйти из этого дома. Ведь и Султанали только человек. Если жизнь ему покажется дороже, и он выдаст...

Анвар, улыбаясь, покачал головой.

— Султанали не таков, будьте спокойны,— уверенно сказал он и задумался.— Ну, а жена его? Это опаснее. Женщина, чтобы спасти мужа, может такое натворить!..

Сафар сказал, что, находясь у него, жена Султан-

али узнала о намерении Қобыла с товарищами спасти ее мужа и успокоилась.

— Это все правильно сделано, благодарю. Пусть человек, которого вы пошлете к ней, еще раз все растолкует, успокоит ее, убедит в том, что завтра в полдень муж ее будет на свободе. А понадобится, даже обманите ее, скажите, что если до утра он не будет освобожден, то Анвар явится сам, чтобы спасти его. Заверьте ее в том, что излишняя торопливость только испортит дело и муж ее может погибнуть.

— Хорошо, дорогой мирза, хорошо!

— А к вам, Сафар-ака,— сказал Анвар,— еще одна просьба.— Сафар слушал с глубоким вниманием.— Уведите Рано... Ей не надо оставаться здесь...

— Хорошо, хорошо!

Тогда Анвар встал и, сказав, что вскоре вернется, вышел из комнаты.

Слепой старик по-прежнему очищал коробочки хлоп-ка, старуха вертела чигирик.

Рано сидела у сандала, уставившись взглядом в одну точку.

Выйдя во двор, Анвар поманил ее к себе. Они отошли в сторону.

— Ты слыхала, Рано?

— Что?

— О чем они говорили?

— Нет!

— Мы в опасности: наше местопребывание может быть раскрыто. Султанали арестован... Боятся, что он выдаст...

Рано широко раскрыла глаза.

— Ах!

— Не волнуйся. Тебя сейчас уведет отсюда Сафар-ака. Я тоже уйду. Нам придется разлучиться, пока не приготовят все к отъезду. Иди оденься.

— Правду ли вы говорите?

— Да! Ничего не бойся, это лишь предосторожность. Сейчас нам ничего не грозит. Вот только Султанали арестован.

— Моя верхняя одежда в комнате...

— Ну, так они выйдут, и ты оденешься.

Молодые люди вернулись на айван. Анвар пошел в комнату.

— Она сейчас оденется,— сказал он, входя.— Вместе вам идти будет неудобно, вы пройдете немного вперед, а Рано последует за вами.

— Хорошо!

— После этого, Кобил-ака, вы узнаете, что делается в зиндане, и вечером придете ко мне.

Кобил кивнул и ушел вместе с Сафаром. Тогда появилась Рано и начала быстро одеваться. Анвар, расстроенный и огорченный, пристально всматривался в ее милое лицо.

— Куда вы пойдете?— спросила Рано.

— Я... я тут неподалеку... к знакомым!

— А мне... нельзя вместе с вами?

— Нет, это опасно!

Рано вздохнула. Как горька разлука! Она уже совсем оделась и даже паранджу взяла в руки. Анвар отошел в угол комнаты, подозвал к себе Рано, крепко обнял ее и поцеловал.

— Брат будет навещать тебя, сообщать обо мне, помогать, если нужно.

— Уедем, скорее уедем в Ташкент... я больше трех дней не вытерплю...

— Хорошо, Рано! Дай я еще раз тебя поцелую!

Рано, улыбаясь, подставила ему щеку. Анвар все никак не мог оторваться от ее лица.

— Довольно, меня ждут!

Он отпустил ее.

— Возьми деньги, Рано! Я рассеян, могу потерять их.

Рано вынула из-под кошмы в углу комнаты кошелек с золотыми.

— Оставить вам пару монет, может быть, понадобится?

Анвар покачал головой, сказав, что ему ничего не нужно. Тогда Рано вытащила два золотых.

— Эти деньги я отдам тетушке и старику, каждому по золотому.

— Дай, конечно, дай... Ну, до свидания, Рано!

Она кивнула головой и вышла из комнаты.

Анвар слышал, как Рано простилась на айване со стариками, и его глаза наполнились слезами. Он вздрагивал от волнения, страшная тяжесть сковала его тело, и, ослабев, он прислонился к стене.

57. ОТЧАЯННАЯ ХРАБРОСТЬ

Кобил-бай, выслушав Анвара, не поверил своим ушам и подошел к нему поближе.

— Что, что вы сказали, Анвар, я не понял вас!

Анвар повторил свои слова, Кобил-бай отпрянул от него и застыл с широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Неужели, брат мой, вы хотите сделать это? Сами пойдете туда?! Нет, это невысказано! Может быть, хан просто пугает, думает таким образом достигнуть цели? Бросьте даже думать об этом, брат мой!

Анвар сидел, устремив глаза в одну точку. Лицо его выражало решимость. Он подвинул какую-то бумагу, лежавшую на сандале, в сторону Кобила и сказал:

— А если не пугает? Хан не такой, он шутить не станет... Итак, вы отдадите завтра это письмо Рано и по мере сил поможете ей!

— Откажитесь от этого, брат, это неразумно!

— Нет, решено,— твердо сказал Анвар.— Я не изменю своего решения! Мне нужно лишь одно: знать, что вы все для нее сделаете!

Кобил-бай вздохнул, взяв письмо, но еще долго молча сидел. Потом вдруг встал.

— Куда вы?

— Ухожу.

— Прощайте! Простите!

Кобил-бай ничего не ответил.

* * *

Полдень. Через час должна совершиться казнь над Султанали. Во дворце жизнь идет своим чередом — тихо, спокойно. То и дело беки деловито входят во дворец в своих парчовых и бархатных халатах. В дворцовой канцелярии царит новый дух: благодаря заступничеству почтенных муфтиев, с ними снова работает уважаемый молодой ученый, привлекательная внешность которого выгодно выделяется среди других писарей.

Лица обоих муфтиев озарены радостью победы, они перебрасываются шутками, при этом глаза молодого мирзы ласково лучатся, и по губам пробегает нежная улыбка.

— Перед ним выбор,— говорит Шаходат.— Он должен выдать Анвара или умереть!

— Да, конечно,— соглашается мулла Абдуррахман.— Но даже если он укажет, где Анвар, все равно понесет наказание... Не забывайте этого.

— Это за что же — наказание?— удивляется Калоншах.

— А за то, что, значит, знал, где тот скрывается, и сам же устроил ему побег.

Калоншаха не удовлетворил этот как будто исчерпывающий ответ.

— Значит, если он не сможет указать, где Анвар, то он и не виноват. И правда, как ему найти его, если он не знает, где он?! И в таком случае он будет казнен невинно. Кто же ответит за это? На кого падет его кровь? Вот что меня смущает.

Его собеседникам нечего было возразить, и они умолкли. Оживленная беседа прервалась. Мулла Калоншах, чувствуя себя победителем, с независимым и гордым видом принялся за свои бумаги.

А в этот час Султанали должны были вести на казнь. Во дворце никто не сомневался в том, что она состоится: тому, кто осужден самим ханом, нет пощады. Даже если он чистосердечно сознается в своей вине, все равно его казнят. Никому в голову не приходило, что Анвар может оказаться таким истинным другом и храбрецом, чтобы явиться к хану и спасти тем самым Султанали.

Правда, накануне глашатай во всех концах города взывал к милосердию Анвара, чтобы тот не дал пролиться крови невинного. Но могли ли верить придворные с их растленной совестью, что Анвар совершит такое «безумие»?

А оно свершилось. В этот день, еще до полудня, впервые в жизни они увидели человека с великой совестью, с львиным сердцем. Он шел на смерть, улыбаясь, и они остолбенели, пораженные его мужеством. Да, даже эти цепные псы деспота не смогли остаться равнодушными: работавшие в канцелярии бросили свои дела и подошли к двери; идущие по двору останавливались, глядя на храбреца, который шел, спокойно с ними здороваясь.

Проходя мимо ханской канцелярии, он сделал общий поклон писарям, выглядывавшим из окон и дверей, уверенно поднялся вверх по лестнице и вошел в

ханские покои. Он переступил заповедный порог, прошел мимо охраны и остановился: идти дальше можно было только с разрешения, полученного от хана через удайчи. Удайчи Дервиш стоял у входа, почтительно сложив руки. Появление Анвара поразило его, и он сразу же пошел доложить о его приходе. Худояр сидел на троне, откинувшись на спинку. Прямо перед ним стояли два палача. Тут же находилось несколько придворных, среди них главный визирь и знатный придворный Турсун, с которыми хан вел беседу.

— Ваше величество,— обратился к хану удайчи,— преступник явился добровольно и отдается на вашу милость.

— Какой преступник?

— Мирза Анвар!

Хан вздрогнул от неожиданности — всех поразила эта весть.

— Приведи!

Удайчи склонил голову и, пятась, вышел из зала.

Анвар, вызывая всеобщее изумление, вошел в зал, где восседал Худояр, встал на пороге между обоими палачами и поклонился хану.

У Худояра, увидевшего, как храбр его соперник, задрожали веки, затряслась борода: не находя слов, он то открывал, то закрывал рот.

— Ты нам изменил, собачий сын! — наконец произнес он.

Анвар кивнул головой.

— Сознаюсь!

— Забыл мои милости!

— Да, это так!

— Сознаешься, не увиливаешь? Хорошо делаешь! — продолжал хан, злорадно усмехаясь. — Что ж, и умереть готов?

— Да, я пришел не для того, чтобы просить о помиловании,— спокойно сказал Анвар.— Я принимаю смерть, чтобы спасти невинного.

Присутствующие пришли в крайнее изумление.

Худояр язвительно рассмеялся.

— Хочешь поступить, как правоверный мусульманин?

— Именно так! Одни, забыв о том, что они мусульмане, хватают за чужие грехи невинного человека, а я предпочитаю умереть верным мусульманином!

Услышав эти слова, Худояр густо покраснел, на лице выступили капли пота. Он пришел в ярость.

— Ты думаешь, что шариат поощряет твои поступки, негодяй!

— А разве, государь, в шариате сказано, что, имея сто жен, можно отнимать силой невесту у бедняка?

— Палач, уведи его!

С криком: «Наши кинжалы жаждут крови!» — палачи кинулись к Анвару. Но он покачал головой и усмехнулся.

— Нет, государь, пока я своими глазами не увижу; что невинный получил свободу, меня отсюда не выведут, — сказал Анвар и сильным движением отбросил от себя палачей, уже тащивших его к выходу. — Где ваша справедливость, государь?!

Громовой окрик Анвара отрезвил Худояра. Он приказал палачам остановиться, а удайчи велел привезти Султанали. У Анвара глаза налились кровью, опустив руки, стоял он перед Худояром.

В тронном зале воцарилось молчание. Даже Худояр, в подобных случаях свирепствовавший и ругавшийся непотребными словами, сейчас умолк. Он понимал, что на каждое бранное слово получит от Анвара сокрушительный ответ. Верно сказал Саади, что ни у кого так не развязан язык, как у человека, потерявшего надежду спасти свою жизнь. И действительно, человек бывает способен на подлость ради выгоды или под угрозой смерти. Но человек, пренебрегающий выгодой, идущий на смерть, не боится ни хана, ни ада.

Через некоторое время вошел удайчи, ведя за собой Султанали. Увидев, кто стоит перед ханом, Султанали задрожал. Став неподалеку от Анвара и все еще дрожа, он поклонился хану.

— Вы свободны, — сказал ему хан, — идите в канцелярию и принимайтесь за работу.

Султанали снова поклонился хану.

Анвар искоса, как бы с насмешкой, посмотрел на друга.

— Вот вы предали меня, доказали свою верность хану и, несмотря на это, угодили в зиндан... А я, неверный, как вы называли меня, спасаю вас! Не забывайте этого, Султанали-ака! — сказал Анвар и обратился к хану: — Я готов, пусть меня свяжут, выведут и казнят!

Султанали вышел, из глаз его катились слезы. Палач начал связывать Анвару руки за спиной. Тогда встал ученый Мухаммад Нияз и, поклонившись хану, сказал:

— Прошу ради меня простить этого грешника.

Хан отвернулся от Мухаммада Нияза, бросив палачам:

— Ведите его на площадь!

Словно смеясь над ханом и его приближенными, Анвар сделал прощальный поклон. Палач пошел вперед, вслед за ним, под охраной двух вооруженных стражников, следовал Анвар. Он шел на смерть так же гордо, как входил во дворец. Встречая по дороге знакомых, он одним своим взглядом как бы говорил — «прощайте». Особенно выразительно он посмотрел на Султанали, который, чуть не теряя сознание, стоял у ворот. Султанали понял, что хотел сказать ему Анвар; бледный как смерть, он долго смотрел ему вслед, пока Анвар совсем не скрылся из виду, и ему казалось, что сердце его от горя истекало слезами.

На новой площади бурлил народ. Увидев, что туда направляется палач с ножом за поясом и алебардой в руке, а за ним следует узник, толпа ринулась к площади, некоторые, правда, с отвращением сворачивали в сторону. Площадь, где свершались казни, находилась между новыми торговыми рядами и дворцовым садом. На краю, у сада, стояла виселица и тут же была вырыта яма для стока крови.

Народ вплотную окружил это место. Стражники разгоняли толпу, что не мешало людям снова и снова проталкиваться поближе.

Анвару, подведенному к виселице, развязали руки и подали воду для омовения. На это приговоренные к казни имели право. Под надзором стражников и палача он совершил обряд омовения и расстелил на земле свой халат. Стражники расширили немного круг, и Анвар помолился. Потом он встал, дал связать себе руки и тревожно осмотрелся.

Народ образовал плотную стену, вперед протискался мулла Абдуррахман. Анвар поймал его злобно-торжествующий взгляд и вздрогнул. Мулла Абдуррахман ухмыльнулся.

— Вы можете смеяться, мулла,— вы отомстили! — громко сказал Анвар.

Все обратили свои взоры на Абдуррахмана.

— ...Только вам помогла в этом ваша подлость, а я пожинаю плоды правды. Вы победили благодаря грязной совести, я побежден потому, что совесть моя чиста. Что привело меня на плаху, мулла? Разве не совесть? Что сделало вас, мулла, зрителем моей казни? Разве не подлость?

Храня гробовое молчание, народ с негодованием смотрел на «духовного пастыря».

Анвара подвели к яме под виселицей. Он сам сел подле нее, и, когда палач уже подошел к нему с обнаженным кинжалом, он знаком попросил его повременить. Затем, улыбаясь, он обратился к Абдуррахману:

— Смотрите на меня, мулла, руки мои связаны, над моей головой сверкает нож, а я смеюсь... Почему? Да потому, что совесть моя спокойна, душа чиста, сердце полно любви! Да, я сейчас умру, меня зароят, а на моей могиле расцветут тюльпаны с черной сердцевиной: это черные раны, которые нанесли моему сердцу вы и подобные вам низкие люди!..

Народ заволновался.

Анвар лег на землю, вытянувшись во весь рост, палач, потеряв свой кинжал о рукав, нагнулся над Анваром...

В тот же миг кто-то сильно толкнул палача сзади, и он свалился в яму, вниз головой. В нескольких шагах от него чьи-то могучие руки схватили стражников, вооруженных кинжалами, не давая им шевельнуться. Послышалась звонкая пощечина — и мулла Абдуррахман с развешенной чалмой опустился на землю...

Народ пришел в смятение. А в это время, пользуясь суматохой, Кобил-бай разрезал веревки на руках Анвара; они оба скрылись в толпе и мгновенно исчезли. Вконец растерявшиеся, обезоруженные стражники хватали кого попало. А палач, весь измазанный чьей-то запекшейся кровью, пытался выкарабкаться из ямы.

Дня через два после этого события, в полночь, между воротами Бешарыка и Ходжента у городской стены появились четыре человеческие тени. В этот час только еще всходила двадцатидвухдневная луна, к тому же ее первые лучи загораживала крепостная стена. Люди

стали взбираться на стену. Вот один из них уже на ее зубчатой верхушке, он движется ползком, осматривается, на него падает луч луны, и теперь видно, что это Сафар-ткач. Перед его глазами голый холм, расположенный по ту сторону крепости... Луна в тумане, вдали виднеются черные обнаженные сучья деревьев.

Одного за другим поднял наверх своих спутников Сафар. Это были Анвар, Рано в парандже и последним, с веревкой в руке, появился Султанали. Осторожно подойдя к краю стены, он посмотрел вниз.

— Аршинов восемь будет,— прошептал он.— Идите сюда, Анвар!

Анвара под мышками обвязали веревкой, Султанали и Сафар обнялись с ним на прощание, он переступил край стены и повис. Султанали и Сафар начали потихоньку спускать веревку.

— Я на месте, тяните! — раздалось снизу.

Веревка стала совсем легкой, и ее мигом подняли наверх. Теперь ею обвязали закутанную в паранджу Рано.

— Крепче держите веревку!.. Упирайтесь в стену ногами... осторожно спускайтесь! Будьте здоровы, сестра!

— Передайте привет от меня жене, дядя!

Крутясь и слегка задевая за стену, спускалась Рано на веревке. Примерно на расстоянии аршина от земли ее подхватил Анвар и бережно опустил на землю.

— Пустите!.. Я сама...

— Тут арык, попадешь в грязь.

Анвар пронес Рано несколько шагов и опустил ее по ту сторону арыка Туя-тойди. Рано освободилась от веревки, и веревка тут же ускользнула наверх. Анвар вернулся к подножию стены и позвал:

— Султанали-ака!

Над стеной показалась тень Султанали.

— Будьте осторожны, Султанали-ака. Не задерживайтесь дольше, чем на неделю. И убедительно прошу, нигде не показывайтесь.

— Будьте спокойны, будьте спокойны!

С момента освобождения Анвара исчез и Султанали. Хотя хан ему ничем не угрожал, он решил быть осторожным. Домашние дела еще требовали его присутствия, и уехать он мог лишь через неделю.

Анвар вернулся к Рано, стоящей по ту сторону арыка, и в последний раз попрощался с друзьями.

— До свидания, Султанали-ака, до свидания, Сафар-ака!

— До свидания, дядюшки!

— Бог в помощь, Анвар!

— Счастливо доехать!

На стене кто-то всхлипнул. Анвар пропустил Рано впереди себя и двинулся за ней к дереву, стоявшему поодаль. Шли, с трудом отрывая ноги от земли, дорога была болотистая, вязкая. Пройдя шагов двадцать, Рано остановилась: кавуша завязла в тине, и девушка никак не могла оторвать ногу от земли. Анвар подошел к ней и поднял на руки.

— Я в сапогах... И пока не выйдем на дорогу, пожалуйста, молчи!

— Пустите, мне стыдно...

Анвар молча шагал. Пройдя так шагов тридцать, он опустил Рано на землю и махнул рукой друзьям, все еще стоявшим на стене.

Двинулись дальше. Вскоре из-за дерева, к которому они направлялись, выскочили два всадника. Быстро подъехав, один из них спешился и сказал Анвару, протягивая ему повод:

— Скорей садитесь!..

Это был Рахим. Он помог Анвару взобраться на коня. Анвар вынул ногу из стремени, подозвал Рано, и она села сзади него; другой конь был предназначен для Рахима с Шарифом.

Анвар снова оглянулся на стену. Наверху все еще маячили две тени. Он махнул им камчой и тронул коня.

Проехав немного, они заметили в густой тени другого дерева крытую арбу. Оттуда навстречу всадникам вышел Кобил-бай. Рано и Анвар пересели на арбу, а Рахим взял своего коня. Арба выехала на дорогу. Рахим и Шариф сопровождали ее верхом.

Колеса арбы, обитые железом, ударились о камни. «Шак-шук, шак-шук», — стучали они. Удаляясь, всадники и арба становились все меньше и меньше и вскоре исчезли из виду за широкой грудью степи. Лишь откуда-то издали раздавался затихающий стук колес...

О ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ЖИЗНИ МИРЗЫ АНВАРА

Историю мирзы Анвара я услышал от своего покойного отца. Бежав из Коканда, мирза Анвар поселился в Ташкенте и прожил несколько лет в знаменитой махалле Эски-джува. В то время там стоял наш дом, и мы были с ним соседями. Вот что рассказал мне отец:

— Вокруг шли толки: «Из Коканда приехал какой-то писарь и снял себе квартиру там-то и там-то». Я уже был несколько наслышан о нем, а видеть не видел. Как-то, в один из дней поста, когда после моления все вышли из мечети, суфи сказал нам: «Писарь Худояр-хана приглашает всех на разговенье». И вот мы — а было нас примерно двадцать человек — пошли к нему.

В одной комнате и на айване были разостланы дорогие ковры, разложены курпачи, расставлены вкусные яства... Когда все расселись, в дверях появился красивый джигит. «Добро пожаловать», — приветливо сказал он. Это и был мирза Анвар. Мы отведали угощений и спросили хозяина, как ему у нас живется, здоров ли он. «Да вот захотелось мне стать ташкентцем», — рассмеялся он.

Мирза Анвар приготовил любимое блюдо ташкентцев — норин¹, и мы отдали ему должное.

Незадолго до благодарственной молитвы мулла и с ним еще несколько человек вышли из комнаты. Мы удивились, не понимая, что это значит. Но они вскоре вернулись. Когда же убрали все блюда и наступило

¹ Норин — суп из крошеного мяса с кусочками теста.

время фатыхи, перед муллою поставили чашу с водой, и он начал совершать брачный обряд. Все были поражены до крайности. Оказывается, мирза Анвар женился на какой-то девушке. Мулла прочел никах¹, а затем мы все помолились за счастье молодых супругов и разошлись, не переставая удивляться такому необычному обряду бракосочетания. Вскоре с мирзой познакомились еще некоторые мои друзья. Мы стали приглашать его в гости, и вот на одной из таких встреч он и рассказал свою историю, немало поразив нас. С тех пор все мы еще сердечнее относились к нему.

По словам отца, Анвар жил в Ташкенте совершенно спокойно. Худояр был бессилен схватить его там, так как Ташкент находился в руках русских. Анвар очень нуждался, работал писарем у разных баев, но не всегда был обеспечен работой. Года через два он вдруг получил от Худояра грамоту, возвещавшую о том, что хан дарует ему прощение. Устав от вечной нужды, Анвар и Рано, долго не раздумывая, решили вернуться в Коканд. А месяца через четыре после их возвращения на родину кто-то приехавший из Коканда сообщил, что Анвар казнен.

Отец не знал, за что его казнили: то ли ему припомнили старое, то ли «грамота о прощении» оказалась не более чем очередным коварством муллы Абдурахмана.

Я поехал в Коканд, чтобы собрать материал для этой книги. Говорил со старожилками. Среди них был один старый писарь, который хотя сам и не работал в ханской канцелярии, но знал многих писарей оттуда. По его словам, Анвар не был казнен, он намного пережил Худояра и умер своей смертью.

Так и застряв между двух версий, я вынужден столь неопределенно закончить свой рассказ о том, что же произошло впоследствии с мирзой Анваром.

Абдулла Кадыри (Джулкунбай)

*15 февраля 1928 г.,
Ташкент.*

¹ Н и к а х — брачный договор.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Климович. Абдулла Кадыри и его роман</i>	5
<i>Скорпион из алтаря</i>	13

Абдулла Кадыри СКОРПИОН ИЗ АЛТАРЯ

Редактор *Т. Калякина*. Художественный редактор *Г. Кудрявцев*.
Технический редактор *А. Трошин*. Корректор *М. Фридкина*.

Сдано в набор 23/III 1964 г. Подписано в печать 29/VI 1964 г. Бумага 84×108¹/₃₂ — 8,5 печ. л. = 13,9 усл. печ. л., 14,33 уч.-изд. л. Тираж 100 000.
Заказ 169. Цена 58 коп.

Издательство «Художественная литература», Москва, Ново-Басманная, 19.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по печати, Минск, Красная, 23.